Майор И. Подорожный

ПАРОЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В МАРТЕ 1936 г.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖ621
П 685

ВОЕНИЗДАТ · 1939

Майор Н. Е. ПОДОРОЖНЫЙ

ГЖС 621
П 685

НАРОЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В МАРТЕ 1916 г.

НА РУССКОМ ФРОНТЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1938

К.

Майор Н. Е. Подорожный. *«Нарочская операция в марте 1916 года на русском фронте мировой войны».*

На основе изучения документов ЦВИА и печатных немецких источников автор описывает военные действия русских войск в наступлении, предпринятом в марте 1916 года 2-й русской армией в направлении на Свенцяны.

Описание боевых действий сопровождается разбором деятельности русских начальников и выводами, полезными для изучения одной из трудных боевых операций — прорыва укрепленного фронта.

Книга предназначается для широкого распространения среди командного и начальствующего состава Красной Армии.

ГЖ 621
П 685 Р

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

320
38

61260 У

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать два года прошло с тех пор, как на залитых весенним половодьем полях озерного района Мядзиол, Нарочь и Вишневское, на путях из Полоцка к Вильне, потерпела тяжелое, не оправдываемое обстановкой поражение 2-я русская армия. 78 тысяч человеческих жизней сделались жертвой бездушного, тупого и на редкость неискусного верховного командования старой русской армии. На полях Нарочского района в марте 1916 года царизм в лице своего армейского командования еще раз продемонстрировал свою неспособность управлять войсками и добиваться победы в войне, ставившей себе империалистические цели. Имея прекрасный человеческий материал в лице солдат, младшего и отчасти среднего командного состава и будучи относительно обеспеченным в смысле боевых средств, он тем не менее терпел одну неудачу за другой из-за несоответствия целей войны народным интересам и неподготовленности и безответственности своих старших начальников — командующих дивизиями, корпусами и армиями.

Фашизм, готовя новую мировую бойню, хвастливо бряцает оружием, совершенно определенно обращая его в сторону Советского Союза. Он подбадривает себя уверениями в легкости победы над «Россией», в которой, по его словам, со времени Мировой войны в военном отношении ничего не изменилось. Русских, мол, били тогда, будем бить и сейчас, — таков основной лейтмотив фашизма, раздувающего свои победы над сгнившим, неспособным побеждать царским строем старой дореволюционной России.

Мы не скрываем своего прошлого; на уроках его мы учимся. Провалы русского командования в Нарочской операции 1916 года для нас особенно поучительны, потому что они привели к тяжелому концу ту операцию, которая имела все данные закончиться победой. Эта операция привлекает наше внимание потому, что немцы в лице своего верховного и армейского командования, при всей ответственности и трудности своего положения в этой операции, не проявили в ней никаких талантов и не дали ни одного из тех «гениальных» решений, которыми они с такой хвастливостью украшают боевой путь своих полководцев — Гинденбурга, Людендорфа, Макензена и пр. Никакого оперативного блеска немцы в этой операции не показали. При более грамотном и волевом руководстве со стороны русских немцы, вне всякого сомнения, были бы биты и фронт их был бы прорван.

Красная Армия стоит на защите мира; она обороняет социалистическое строительство в нашей стране. «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» [1]. Мы не хотим войны, но если нас заставят воевать, мы будем бить врага на его территории. Мы учтем ошибки и провалы старого русского командования; в своей подготовке к обороне страны и проведении будущих операций мы их не повторим. На опыте боевых действий мировой и гражданской войн мы учимся понимать своих возможных противников, не развенчивая их до огульного «шапками закидаем», но и не преувеличивая их сил и не веря в их пресловутую непобедимость.

Наши успехи в социалистическом строительстве, мощная вооруженность нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, исключительный состав наших командиров, лиц начальствующего состава и красноармейцев, при мудром руководстве партии Ленина — Сталина, позволяют нам бодро и смело смотреть вперед, трезво и спокойно изучая опыт прошлых войн.

Исходя из этих соображений, мы проработали материалы мартовского наступления русских в 1916 году у оз. Нарочь и считаем своевременным предложить свою работу вниманию нашего советского читателя — командира, политработника, лица начальствующего состава РККА и подготовленного в военном отношении читателя из гражданского населения.

АВТОР.

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 361.

Глава первая

Положение и планы сторон перед наступлением русских в марте 1916 года

Общая обстановка на фронтах мировой войны к началу 1916 года

1915 год, так же как и 1914, не принес воюющим сторонам победы. К началу 1916 года немцы окончательно распростились с сокрушительными тенденциями плана Шлиффена. Со всей неприглядностью обозначился для них суровый и страшный облик войны на измор.

Война, которую намеревались покончить одним молниеносным ударом, затягивалась. Силы враждебной коалиции росли. На стороне союзников, кроме Франции, Англии, России, Сербии и Бельгии, уже сражалась Италия; сильно торговалась, но готова была выступить на той же стороне Румыния. Кольцо вокруг Германии с ее слабыми союзниками — Австрией, Турцией и Болгарией — сжималось все больше. Более дальновидные умы в самой Германии предвидели неизбежный крах Германской империи, рассматривая победы немецкого оружия как Пирровы победы.

Но 1915 год был тяжелым годом и для союзников. На востоке Россия потеряла огромную территорию, оставив на полях сражений в Польше и Восточной Галиции множество убитых, раненых, пленных и потеряв огромное военное имущество. Тем не менее фронт русских не был поколеблен: он продолжал существовать. На Волге и в Сибири готовились новые пополнения; от союзников поступали в Россию большие партии оружия и военного снаряжения. Россия быстро залечивала раны, понесенные в 1915 году, и вновь собиралась на востоке противостоять немцам.

На западе борьба Германии с Францией истощала силы обеих сторон, но о решительном успехе германского оружия на французском фронте говорить не приходилось. Больше того: составная часть этого фронта — английская армия — немцами не только не была разбита, но в полном объеме, после проведения в Англии закона о всеобщей воинской повинности, еще не была развернута.

Союзное командование, учтя опыт проведенных кампаний 1914 и 1915 годов, все больше чувствовало необходимость согласованных

действий своих армий, которые должны были быть увязаны выполнением единого для всех плана боевых операций против немцев.

В этих целях в декабре 1915 года, в период наибольшего затишья на фронтах, в Шантильи, в ставке французского главного командования, была собрана общесоюзная конференция по выработке такого плана.

На конференции присутствовали: от Англии — фельдмаршал Френч, генерал-лейтенант Мэррей, начальник генерального штаба Робертсон и генерал-лейтенант Вильсон; от России — генералы Жилинский и Игнатьев; начальник итальянского генерального штаба генерал Порро и полковник Альбриччи; начальник бельгийского генерального штаба генерал Вилеманс; сербский военный атташе во Франции полковник Стефанович; от Франции—генерал Жоффр, начальник генерального штаба генерал Пелле, глава французской военной миссии при британской главной квартире генерал Хюге, подполковник Бильо и капитан Дюмейру [1].

Как видим, состав конференции был и многочисленным и весьма компетентным, чтобы решать такой большой и сложный вопрос.

Единство действий союзников диктовалось самой обстановкой; за неувязку таких действий расплачивались человеческими жизнями; об этой неувязке говорили в правящих кругах союзных стран; вопросы о ней выносились на страницы печати.

Вот что по этому вопросу незадолго перед созывом конференции писал полковник Реймингтон, военный обозреватель «Таймса» [2].

«Необходимо, — говорил он, — оставить прежнюю манеру держав Согласия действовать раздельно, дающую немцам возможность при помощи своей удивительной системы железных дорог перебрасывать войска с одного фронта на другой и доводить количество войск до величины, одинаковой с противником. Общее наступление всех союзников на всех фронтах — вот тактика, которая может поразить немцев наиболее чувствительным образом. Сломив первую линию траншей снарядами и образовав за ними огневую завесу в ожидании укрепления занятых линий и подхода тяжелых орудий, мы можем нанести неприятелю огромные потери. Наша цель должна быть — уничтожение 200 000 немцев в течение месяца, до тех пор, пока самые ограниченные умы Германии не убедятся в том, что исполнение желаний фатерланда немыслимо».

В таком примерно направлении велись разговоры и на Шантильийской конференции. В результате ее союзники пришли к соглашению по следующим основным вопросам:

1. Решение войны может быть достигнуто на главных театрах (русском, англо-французском и итальянском), поэтому на второстепенные театры следует выделять наименьшее количество войск. Галлиполи эвакуируется. Экспедиционный англо-французский корпус остается в Салониках в составе 4 французских, 5 британских и 6 сербских дивизий.

---

[1] Р. Пуанкаре, Воспоминания, стр. 177.
[2] ЦВИА, дело 278—946, стр. 494.

2. Решения искать в согласованных наступлениях на главных фронтах, чтобы таким образом не позволить противнику перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой.

3. На каждом из главных фронтов вести до перехода в общее наступление действия, истощающие живую силу противника.

4. Каждая из союзных держав должна быть готова остановить собственными силами на своем фронте наступление противника и оказать в пределах возможного помощь другой державе, если она будет атакована [1].

Как видим из решений конференции, союзники не ставили задачи достижения определенных целей; было только ясно выражено решение о взаимной поддержке друг друга в общей борьбе против немцев.

Совместные действия союзных сил в виде общего наступления должны были начаться весной 1916 года, когда климатические условия позволят наступать на Восточном фронте в России.

В откладывании вопроса о наступлении до весны было слабое место всех решений конференции, так как оно передавало инициативу действий на фронтах в руки противника. Как увидим ниже, противник, т. е. немцы, не замедлил этим воспользоваться.

Уже в конце 1915 года французская разведка стала получать данные о готовящемся большом наступлении немцев в районе Вердена. В январе и начале февраля 1916 года отмечалось большое оживление на железных дорогах вдоль Мааса, — с несомненностью можно было установить стягивание сил к этому району. Но в это же время такие же симптомы предполагаемых наступательных действий отмечались и на востоке — против русских. Верховное командование французской армии в лице Жоффра и Петена больше склонялось к тому мнению, что немцами, видимо, подготавливается вначале удар по России. Поэтому на второй конференции в Шантильи, в феврале 1916 года, были спокойно уточнены некоторые детали летней операции англо-французов на Сомме. За две недели до нее должно было начаться русское наступление, которое должно было оттянуть силы немцев на восток и этим позволить союзникам с большим успехом провести намеченную ими операцию.

Но немцы предупредили такие расчеты и во многом спутали планы союзников своей операцией против Вердена, которая началась 21 февраля.

Первоначальные успехи немцев очень обеспокоили французское командование. С потерей 25 февраля форта и селения Дуомон острота положения французов под Верденом достигла своего высшего состояния. Спешно требовалась помощь союзников, которые своим наступлением на других участках фронта против немцев должны были оттянуть на себя часть германских сил.

3 марта 1916 года представитель французского командования при русской ставке генерал По передал начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву следующее полученное им письмо генерала Жоффра.

---

[1] Зайончковский, Мировая война, изд. 1931 г., стр. 241.

«1. Наступление на Верден, где противником уже введены в дело 10 из имеющихся в его распоряжении дивизий, сверх тех корпусов, которые уже находились на фронте атаки, является, согласно имеющимся у нас сведениям, повидимому, началом решительного усилия противника на нашем фронте.

2. Противник может развить это усилие при условии переброски войск с других фронтов (не французского). Две дивизии, повидимому, взяты с русского фронта (1-я и 3-я гвардейские).

3. Я прошу наших союзников принять меры, необходимые, чтобы:

а) произвести на противника сильное давление с целью не дать ему возможности увести с фронта какие-либо части и лишить его свободы маневрирования;

б) сообщать нам безотлагательно исчезновение с фронта всякой войсковой части, если бы это было установлено.

4. В предвидении развития, вполне в настоящее время вероятного, германских операций на нашем фронте и на основании постановлений в Шантильи я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием.

5. Передавая генералу Алексееву настоящую мою просьбу, вы подчеркните, что я отнюдь не желаю побуждать русскую армию к немедленному предпринятию общей атаки, если она недостаточно к ней подготовлена. Вы будете настаивать на тщательной и всесторонней подготовке, что необходимо при атаке сильно укрепленной позиции, а также на необходимости применения обширных материальных средств и крупных сил, чего требуют выполнение и развитие атаки.

6. Однако, именно ввиду того, что сосредоточение этих средств и этих сил, а также подготовительные к производству атаки мероприятия требуют неизбежно много времени, безусловно необходимо начать эту подготовку в самый кратчайший срок, с тем чтобы не дать противнику возможности исчерпать свободные силы французской армии.

7. Вы дадите мне знать в возможно непродолжительном времени, когда приблизительно генерал Алексеев предполагает, что он будет иметь возможность начать атаку, и каковы его намерения в этом отношении?» [1]

План русского верховного командования

Решения, принятые союзниками на конференции в Шантильи, не ставили перед русским командованием задач, для выполнения которых нужно было бы определенным образом организовать силы и в известном направлении координировать свои действия. В самой постановке вопроса — помогать друг другу и наступать после того, как климатические условия позволят сделать это в России — чувствовались не наступательные, а оборонительные тенденции. Инициатива передавалась в руки противника — немцев, а план

[1] ЦВИА, дело 442, стр. 364—365.

наступления вырабатывался в расчете на применение его в далеком будущем.

С такой постановкой вопроса не соглашались те из руководящих командиров союзных армий, которые лучше, чем их верховные главнокомандующие, оценивали обстановку на фронтах. К числу таких командиров принадлежал главнокомандующий русским Западным фронтом генерал Эверт.

26 января[1] 1916 года он обратился к фактическому верховному командующему русскими армиями генералу Алексееву со следующим письмом[2]: «Агентурные сведения, — пишет Эверт, — опросы пленных, отсутствие каких-либо новых германских частей не только на Западном и Северном фронтах, но даже и на Юго-западном, несмотря на предпринятое нами там недавно наступление, — все это, в связи с уводом значительной части германских войск с Балканского полуострова, указывает на полную вероятность развития германцами в ближайшем будущем наступательных действий на их Западном фронте».

Как далек этот прогноз генерала Эверта от тех предположений, которые делались по этому поводу Жоффром, Петеном и другими ответственными командирами союзных армий, и насколько его выводы вернее французских.

«Если это случится, — продолжает Эверт, — то мы даже в чисто узких, эгоистических интересах оставаться пассивными ни в коем случае не можем, дабы не дать германцам возможности разбить наших союзников и нас по частям».

Шантильийская конференция с ее расплывчатыми решениями как раз предоставляла немцам такую возможность.

«Мы, — пишет дальше Эверт, — обязаны начать наступление тотчас, как только определится германское наступление на французов (Эверт в этом, видимо, не сомневается. — Н. П.), не теряя времени, со всей энергией и стремительностью».

«Вполне вероятно, — продолжает он, — что германцы умышленно затянут подготовку своего наступления на 1—2 месяца, т. е. до того времени, когда на нашем фронте настанет распутица и серьезные операции будут невозможны в продолжение 6—8 недель, а может быть и долее.

Наше зимнее наступление, несомненно, нарушило бы в корне эти расчеты, если бы они имели место. Даже если бы внимание Германии было привлечено нами, то и в этом случае наше наступление даст больше, чем ожидание удара со стороны противника.

Я принимаю все меры, чтобы подготовить армии Западного фронта к наступлению в ближайший зимний период.

Поэтому прошу вас указать мне, какая задача будет дана Западному фронту. Хотя распределение войск на фронте таково, что перегруппировка их не встретит особых затруднений, все же это и особенно устройство тыла займут более или менее продолжительное

[1] Все даты месяца в книге даны по новому стилю.
[2] ЦВИА, дело 442, стр. 78—79.

время; поэтому я прошу, если возможно, дать мне отправные данные возможно скорее».

Дальше Эверт излагает просьбу о снабжении фронта всем необходимым, особенно жалуется на некомплект ружей, недостаток винтовочных патронов и крайнюю скудость в тяжелой артиллерии.

Из приведенного письма, которое мы намеренно помещаем здесь полностью, вытекает следующее.

1. Конференция в Шантильи была собрана 5 декабря 1915 года. Ее решения были запротоколированы в этот день или, может быть, на день, на два позже. До 27 января 1916 года, т. е. почти через два месяца после этого, главнокомандующему одного из ответственнейших русских фронтов—Западного—или ничего неизвестно о таких решениях, или, во всяком случае, он совершенно не в курсе тех предположений, которые стоящее над ним верховное командование делает насчет будущих операций.

Представитель русской армии при главной французской квартире генерал Жилинский был большой барин и обыкновенно не очень спешил с передачей сведений с французского фронта. Часто важнейшие и большой срочности сведения передавались им в русскую Ставку тогда, когда, потеряв секретность и срочность, они делались известными всем через газеты.

Видимо, и сообщение о решениях в Шантильи было передано Жилинским с такой же «срочностью».

2. Мы должны отметить необыкновенно верную оценку обстановки, сделанную генералом Эвертом в письме к Алексееву. Все данные, по его мнению, говорят о том, что немцы будут наступать на Западе. Но это как раз, по мнению главнокомандующего Западным фронтом, обязывает русских наступать, и чем скорее, тем лучше. Лучше зимой, чем дожидаться ранней весны, и во всяком случае не подвести этого наступления к тому времени, когда весенняя распутица совсем не позволит наступать.

Мысли совершенно правильные, и тревога за успех будущего наступления вполне своевременная. И как странно, что на долю этого человека, так заботившегося о своевременности подготовки операции и успешности ее проведения, свалилась потом вся неудача за провал этой операции.

Еще 17 января Эверт писал Алексееву: «Признаю крайне желательным наступление, если таковое будет решено, произвести до наступления весны, когда озера, реки и болота скованы льдом» [1].

Между тем Ставка не спешила с разработкой плана наступления. Во-первых, генерал Жилинский слабо ориентировал ее в том, что делается у союзников. Во-вторых, верховным главнокомандующим считался царь, который только в торжественных случаях делал вид, что вникает в дела и интересуется тем, что делается на фронтах. Обычно он проводил свое время в поезде, разнообразя скуку могилевской жизни [2] частыми поездками в Царское Село. Большое

---

[1] ЦВИА, дело 442, стр. 15—16.

[2] Ставка верховного главнокомандующего находилась в Могилеве.

внимание уделял любительской фотографии. Последняя захватывала его во много раз больше, чем фронтовые дела.

В тот момент, когда должна была не только задумываться, но уже оформляться новая наступательная операция (январь—февраль 1916 года), в дневнике и переписке Николая II мы не находим никаких записей об этом. Неизменно дневник отмечает изменения погоды, регистрирует, когда автор его, ради моциона, счищал деревянной лопатой снег в губернаторском саду (возле дома, где помещалась Ставка); подробно говорится в дневнике и письмах о том, что и когда «верховный главнокомандующий» съел и выпил, удачно или неудачно сыграл партию на бильярде, — но об операции не говорится ничего.

Между тем это писал и говорил верховный главнокомандующий всех русских армий, которому принадлежало последнее слово в решении любого важнейшего вопроса, и замещавший его генерал Алексеев без этого слова не приводил в исполнение ни одного своего намерения.

Не делал он этого по двум причинам.

Первая. Всякая попытка генерала Алексеева обходиться без царя, безусловно, была бы расценена дворцовой камарильей как поход против царя и узурпация его прав; Алексеев в этом случае быстро был бы отставлен от занимаемой должности, что, конечно, не входило в его расчеты.

Вторая. Сам Алексеев боялся взваливать на свои плечи ответственность за самостоятельные решения. Такая ответственность была не под силу человеку, который в армии считался прекрасным начальником штаба, но совершенно не удовлетворял качествам полководца.

Дела Ставки заполнены собственноручными записями генерала Алексеева. По ним можно судить, как много и упорно этот человек работал. Но его работа часто удивляет. То, что могли делать его подчиненные, что, наконец, совсем не должно было входить в его компетенцию, — все это генерал Алексеев делал сам, отдавая этому все свое время, кроме необходимых часов сна. «Алексеев не умеет выбирать себе помощников, — пишет один из штабных офицеров Ставки [1], — около него — ни одного действительно настоящего человека, ни по одной части».

Отсюда большая загруженность начальника штаба верховного главнокомандующего, заместителя главковерха, работой, отвлечение его мелочами и пустяками от срочных и больших фронтовых вопросов. В одно и то же время голова наштаверха была занята и организацией новой наступательной операции и подготовкой непосредственно ему подчиненного гвардейского корпуса к царскому смотру. И неизвестно еще, какому вопросу приходилось уделять больше внимания.

В результате январь и даже февраль уходят бесплодными в смысле решения важнейшего вопроса — о наступлении. 24 февраля, в ответ на недвусмысленные намеки Жоффра и бомбардировку

[1] Мих. Лемке, 250 дней в Ставке, стр. 700.

срочными запросами от Эверта, Алексеев созывает, наконец, совещание в Ставке по вопросу о предстоящей операции.

В совещании участвуют: царь, Алексеев, генерал-квартирмейстер Ставки, четверо главнокомандующих фронтами, три начальника штаба фронтов, военный министр, начальник морского штаба и главный интендант.

Любопытна характеристика лиц, съехавшихся на совещание. Она сделана очевидцем [1]. «Иванов приехал к начальнику штаба с ген. Клембовским. Благообразный, осанистый старик уже со всеми признаками старческой повадки...

Эверт приезжал с ген. Квецинским. Это — бравый молодец...

Плеве был с Бонч-Бруевичем и двумя адъютантами. Скрюченный Квазимодо еле идет, вид совсем неподходящий для военного вождя...

Царь вернулся в Могилев в 5½ часов; совещание началось в 6 часов... Сидели до 12 час. 40 мин. ночи... Царь сидел все время, много говорил, расспрашивал и, вообще, вел совещание с большим внешним вниканием в дело».

Основным докладчиком являлся генерал Алексеев. Его предложения послужили основой решений совещания. Последнее пришло к выводу, что в будущей наступательной операции главные задачи будут решать Северный и Западный фронты. Главный удар должен быть на стыке Северного и Западного фронтов. К такому решению побуждали превосходство в силах на участках этих фронтов, особенно Западного, и наиболее выгодная конфигурация фронта на стыке (схема 1).

6 марта Алексеев в своем ответном письме Жоффру писал об этом так [2]:

«1. В настоящее время совершается широкая переброска наших войск для выполнения атаки германцев, сообразно с намеченным планом.

2. Русская армия не будет выжидать пополнения до полного штата ружей и выполнит атаку теми средствами, которые она будет иметь в своем распоряжении к моменту начала операции.

3. Операцию возможно начать 10/23 марта.

4. Главный удар последует на фронте Двинск — река Вилия против германцев.

5. Сильная распутица может нарушить эти предположения, ибо лишит возможности наши войска, артиллерию и обозы двигаться.

6. Русская армия исполнена стремления притти на помощь французской в наиболее важное для нее время [3], если обстановка потребует немедленной помощи и если нам будут заблаговременно сообщены данные для определения соответствующей минуты».

А 16 марта им от имени царя была отдана войскам следующая директива (схема 2):

«Главнокомандующим армиями фронтов.

---

[1] Мих. Лемке, 250 дней в Ставке, стр. 537—538.

[2] ЦВИА, дело 442, стр. 359.

[3] Немцы громили Верден; форт и селение Дуомон уже были потеряны французами.

Схема 1. Восточный фронт к моменту мартовского наступления русских в 1916 году.

Схема 2. Решение верховного командования русскими армиями на наступление в марте 1916 года

Государь император повелел:

Первое. Армиям перейти в наступление для нанесения энергичного удара германским войскам, действующим против Северного и правофланговых армий Западного фронтов.

Второе. Общая цель действий при настоящей операции — достижение линии Митава — Бауск — Вилькомир — Вильна — Делятичи.

Третье. Ближайшая цель действий — овладеть и прочно утвердиться на линии реки Лауце — озеро Саукен — Окнисты — Ново-Александровск — Дукшты — Давгелишки — Свенцяны — Михалишки — Гервяты.

Четвертое. Главные удары направить:

Северному фронту из Якобштадтского района в общем направлении на Поневеж; Западному фронту войсками 2-й армии — в общем направлении на Свенцяны — Вилькомир.

Пятое. Независимо от сего, Северный фронт атакует частями 12-й армии от Пулькарна и м. Икскюля в общем направлении Бауск — Шенберг; Западный фронт, сообразуясь с развитием операции на главном направлении, наносит удар в направлении Вильны.

Шестое. В интересах нанесения удара решительного и сильного, Северному фронту оставить в районе Валка—Вольмара лишь строго необходимые силы для охраны побережья севернее Риги, если оставление там войск признается нужным.

Седьмое. Удар должен быть решительным и произведен с полной энергией и напряжением, оказывая взаимное содействие во фронтах и армиях.

Восьмое. Левофланговые армии Западного фронта и Юго-западный фронт удерживают перед собой силы противника, а в случае его ослабления — решительно атакуют.

Девятое. Начало наступления назначается на пятое[1] марта. Северному фронту предоставляется начать шестого числа.

Десятое. Необходимо широко использовать конницу для внесения возможно большего расстройства в организацию тыла противника после прорыва, хотя бы в течение первых двух-трех дней. Особенно желателен набег в направлении Муравьево — Шавли.

Одиннадцатое. Гвардейскому отряду продолжать сосредоточение в указанном ему районе, откуда он будет направлен для развития операции сообразно обстановке.

Двенадцатое. Штабам фронтов озаботиться приближением укомплектований для пополнения потерь в период операции».

Оценка решения верховного командования

Первый вопрос, который встает перед нами при оценке решения верховного командования русских: почему удар намечался на стыке Северного и Западного фронтов?

---

[1] По новому стилю 18 марта.

На совещании 24 февраля в Ставке главными аргументами для этого, кроме необходимости бить по немцам, были следующие.

Первый. Превосходство сил русских на данном участке. В докладе Алексеева это превосходство выглядело так:

Фронты	Русские				Австро-германцы				У русских: + больше, — меньше			
	батальонов	штыков	эскадронов	сабель	батальонов	штыков	эскадронов	сабель	батальонов	штыков	эскадронов	сабель
Северный фронт	368	266 432	263	32 629	181	159 280	123	19 200	+ 187	+ 107 152	+ 135	+ 3 429
Западный фронт	917	642 745	526	65 137	382	336 160	144	21 600	+ 535	+ 305 585	+ 382	+ 43 537
Юго-западный фронт	684	495 447	494	60 975	592	520 960	239	35 850	+ 92	— 25 513	+ 225	+ 25 125

Второй. Выгодная конфигурация фронта на стыке Северного и Западного фронтов (схема 1), сулившая русским большие оперативные возможности при ударе от Якобштадта и оз. Нарочь по сходящимся направлениям. Немцы весьма серьезно учитывали такие возможности русских. Вот что об этом писал Людендорф[1]: «План русских заключался в том, чтобы отрезать в направлении на Ковну наше северное крыло и одновременно поколебать его атаками в других пунктах. Последующими ударами оно должно быть отброшено к берегу моря севернее Немана».

Но, принимая решение, верховное русское командование действовало далеко не по собственной воле. Над ним довлела воля противника. Действия последнего определяли для него направление оперативного мышления. Верховное командование принимало такой план не потому, что оно так хотело, а потому, что иного решения в данной обстановке для него принять было невозможно.

Превосходство русских на стыке Северного и Западного фронтов получилось потому, что при наступлении немцев в предыдущем 1915 году здесь было заложено больше опасностей для русских в смысле выхода германских сил на кратчайшие пути к Петрограду и Москве. Сюда, на этот участок, нужно было бросать возможно больше сил, чтобы загородить немцам дорогу к столицам и жизненным центрам страны.

Необходимость обороны этого участка определила количественное превосходство русских сил на нем. Теперь этими силами намеревались решать другую задачу — не оборонительную, а наступательную.

Какими данными располагало русское командование для превращения оборонительной задачи войск в наступательную? Двумя указанными нами выше — количественным превосходством живой силы и выгодной конфигурацией фронта.

---

1 Людендорф, Мои воспоминания, ч. 2-я, стр. 169.

Достаточно ли было этого, чтобы решать такую задачу? Нет, недостаточно. Практика проведения наступательных операций учит нас наносить удар по более слабому противнику. На русском фронте более слабым противником были австрийцы, а не немцы.

Нужно бить, учит та же практика, на том направлении, на котором будет предоставляться большая свобода маневра, а не на том, где этот маневр будет стеснен.

Последнему условию — свободе маневра — совершенно не удовлетворял участок, на котором собирались наступать. Озера и болота этого участка в сильной степени стесняли маневр наступающего. Тем более, что из-за преступной медлительности и неповоротливости Ставки наступление все более приурочивалось к весне и должно было производиться в самую распутицу.

29 февраля генерал Эверт писал по этому поводу Алексееву следующее [1]: «Из сообщенных уже вам предположений обсерватории, а также по статистическим климатическим данным за прошлые годы видно, что в середине марта, а может быть и несколько раньше, надо ожидать начала весенней распутицы. Полученные же мною сведения о районе, намеченном для наступления, показывают, что в весеннюю распутицу он или крайне тяжел, или вовсе негоден для военных действий: большие болотистые пространства становятся непроходимыми; многие озера, выходя из берегов, сливаются вместе в непрерывную цепь; почва растворяется настолько, что передвижение становится почти невозможным».

Иными словами, собирались наступать не только на более сильного противника, но и в том районе, где сама местность в значительной степени увеличивает его обороноспособность.

Почему же тогда не выбрали другого участка? Например, того, на котором несколько позже Брусилов совершил свой грандиозный прорыв? По трем причинам.

Первая. По близорукому представлению, что помогать союзникам можно только наступлением на немцев. В решениях конференции в Шантильи такого условия не было, и сильный удар, произведенный по австрийцам, как это показал позднейший Брусиловский прорыв, так же способен оттянуть силы немцев с их Западного фронта, как и непосредственный удар по ним в любом участке их Восточного фронта.

Вторая. Переоценивали силы и возможности противника (немцев). Боялись, что противник сам может наступать, нанося удар в направлении Петрограда или Москвы. Наступлением на стыке Северного и Западного фронтов упреждали наступление немцев, срывая их прорыв в направлении столиц. То-есть, иными словами, решали чисто оборонительную задачу.

Третья. Боялись собственной неповоротливости и слишком низко оценивали провозоспособность своих железных дорог. Переброска одного корпуса с Северного фронта на Юго-западный занимала от 21 до 24 дней, с Западного на Юго-западный — до 12—14 дней.

[1] ЦВИА, дело 442, стр. 309.

Становились втупик перед такой провозоспособностью и бессильно опускали руки, так как для повышения ее требовались героические меры; необходимы были другие, более высокие темпы собственной работы, нужна была поворотливость и гибкость.

Но ничего этого не было у Ставки. «Верховный главнокомандующий» то и дело уезжал в Царское Село, где проводил не только дни, но иногда и недели. Алексеев же, как сказано выше, без него не решал ни одного серьезного вопроса. Между тем подходила весна. Тревога охватывала Западный фронт за судьбу операции. Эверт засыпал Ставку вопросами о начале и порядке проведения наступления. Нужно спешить. На какой день намечена атака? И из Ставки получались бесстрастные ответы Алексеева: «Окончательное указание относительно начала операции испрошу по возвращении государя императора Могилев».

Если в вопросе, в котором все было решено и требовалась только последняя санкция, не могли сразу сделать того, что было нужно, то где уж тут перебрасывать корпуса или задумывать смелые операции, навязывая свою волю воле противника. Куда лучше танцовать от знакомой печки и оглядываться на противника, как бы он не предпринял чего-нибудь сам.

Любопытно в этом отношении письмо ген. Эверта к ген. Алексееву от 3 марта. Содержание его таково: «Из сообщенных вашему высокопревосходительству моих распоряжений вам известно, что Западный фронт интенсивно готовится во всех отношениях к тому, чтобы в самых первых числах марта (по старому стилю. — Н. П.) начать наступление.

Между тем из сообщения штаба Северного фронта видно, что перевозимые с Западного фронта на Северный четыре дивизии размещаются в районах железной дороги Вольмар — Райнаш и к северо-западу от Валка.

Такое сосредоточение этих дивизий заставляет меня предполагать, что совместный удар обоих фронтов, намеченный на совещании 18 февраля (старого стиля. — Н. П.), не состоится, а это, в свою очередь, вызывает во мне сомнение, не произошли ли изменения в самом основном решении перейти в наступление до весенней распутицы» [1].

Из письма Эверта к Алексееву видно, что главнокомандующий Северным фронтом расставил свои корпуса не для наступления, а скорей для обороны, прикрылся везде, где можно, не собрав в избранном месте кулака для нанесения удара.

Вот почему и решение верховного командования выглядит таким робким и нерешительным. Не случайно, конечно, в его директиве на наступление не сказано ничего о разгроме противника, и, конечно, естественно, что в той же директиве отсутствует перспектива боевых действий войск по достижении линии Митава — Бауск, Вилькомир, Вильна, Делятичи. Вся задача, поставленная войскам, сводится к отодвижению фронта несколько к западу — и только. В итоге оценка принятого решения сводится к следующему:

---

[1] ЦВИА, дело 442, стр. 347.

1. Решение верховного командования русских обусловлено не доброй волей, а зависимостью от противника.

2. Задачи, поставленные войскам, робки и нерешительны, о разгроме противника, как главной задаче, не говорится вовсе.

3. В постановке задач и принятом решении нарушены основные принципы оперативного искусства и тактики — бить по слабому месту противника и на таком участке, который позволяет маневрировать.

4. План наступления, рассчитанный на зимние действия войск, преступно предложен к исполнению в условиях ранней весны и распутицы.

Все это, конечно, не могло не привести к самым печальным результатам.

Распоряжения командования Западного фронта по организации наступления у озера Нарочь

Сейчас же после совещания в Ставке, на основе принятых там решений, главнокомандующий Западным фронтом ориентировал 27 февраля командующего 2-й армией о возлагаемой на армию задаче по прорыву укрепленной полосы противника.

«На вверенную вашему высокопревосходительству армию,—писал Эверт [1],— возлагаю задачу атаковать и разбить находящегося против вас противника, развивая наступление в общем направлении на Свенцяны.

Армия должна быть готова для атаки к концу февраля [2].

В связи с вашим наступлением единовременно предположено наступление Северного фронта из Двинского района. Слева вам будет оказано содействие 10-й армией наступлением в направлении на Вильну.

Для выполнения задачи, сверх имеющихся в вашем распоряжении средств и уже переданных вам войск из 1-й армии, мной назначено:

1. Из 4-й армии — 35-й арм. корпус, который будет переведен походным порядком в район по вашему указанию командующему 4-й армией. Корпус поступит ваше распоряжение, равно как и другие, направленные к вам войска, со времени прибытия их в район 2-й армии.

2. Из моего резерва 27-й арм. корпус поступит ваше распоряжение с сегодняшнего числа.

3. Тяжелая артиллерия:

а) один дивизион из 3-й армии,

б) два дивизиона из 4-й армии и

в) артиллерийская бригада из 10-й армии.

Тяжелая артиллерия должна быть передвинута в назначенные вам пункты походным порядком, причем организация движения дивизионов возлагается на армии, из которых они отправляются, а бригады — на вас.

---

[1] ЦВИА, дело 442, стр. 330.

[2] По старому стилю.

4. Команды кольтовских пулеметов:

а) 5 из моего резерва, находящегося в 4-й армии,

б) 10 из моего резерва, находящегося в 10-й армии, и

в) 5 прибывающих ныне из внутренних округов.

Передаваемые во 2-ю армию части вспомогательного назначения будут указаны в дополнительных распоряжениях».

Дальше главнокомандующий фронтом указал:

«Сверх перечисленных войск в район армии предположено сосредоточить мои резервы:

1. 24-й корпус на полоцком направлении за правым флангом и

2. 3-й кавказский корпус — в районе Кривичи, Вилейка, за вашей группой».

В дополнение данных выше указаний главнокомандующий обратил внимание командующего 2-й армией на следующее:

«На вас лежит точный выбор районов расположения этих корпусов, имея в виду, чтобы эти корпуса были обеспечены крышей, хлебом и фуражом.

Благоволите наблюсти, чтобы эти условия, т. е. обеспечение кровом, продовольствием и фуражом, были соблюдены в отношении всех прочих войск, которым предстоят передвижения.

Считаю также необходимым обратить особое ваше внимание на принятие всех мер к сохранению в секрете подготавливаемого удара».

Приведенная нами директива главнокомандующего Западным фронтом была отдана 27-го, по старому стилю — 14 февраля. За 15 дней до конца февраля ею были поставлены войскам большие и сложные задачи по сосредоточению ударного кулака в районе 2-й армии. Предстояли перевозки некоторых частей в район ударной армии, но в большинстве случаев назначаемые на укомплектование 2-й армии части должны были прибыть туда походным порядком. Некоторым частям при этом предстояло покрыть до 100 км в условиях трудных зимних передвижений. Трудна была задача сосредоточения тяжелой артиллерии походным порядком. Это изнашивало материальную часть, подрывало силы конского состава и, конечно, излишне утомляло обслуживающий людской состав.

Все передвигающиеся походным порядком части нужно было обеспечить крышей, продовольствием и фуражом, что возлагало на снабженческие органы большие и ответственные задачи.

Но, тем не менее, все такие задачи были посильны, и срок на их выполнение — 15 дней — давался достаточный. Мы увидим потом, что некоторые части не уложились в отведенный им срок и что органы снабжения не всегда справлялись со своей задачей, но это уже была их вина, а не вина фронтового командования, правильно рассчитавшего подготовку к операции.

Мы должны также отметить бо́льшую решительность командующего Западным фронтом в постановке задачи 2-й армии, чем это имело место в рассмотренной раньше директиве верховного главнокомандующего. Первым пунктом своей директивы командующий фронтом требовал атаковать и **разбить** находящегося против 2-й армии противника и дальше развивать наступление в общем напра-

влении на Свенцяны, что создавало для армии определенную наступательную перспективу.

Обратим внимание также на следующее место из директивы генерала Эверта: «На вас лежит точный выбор районов расположения этих корпусов» (т. е. передаваемых 2-й армии. — Н. П.), что, естественно, указывало на использование их в бою по личному усмотрению командующего армией.

Одновременно с директивой командующему 2-й армией даются указания командующим 10-й, 3-й и 4-й армиями о переброске частей во 2-ю армию, ведется обширная переписка со Ставкой и Северным фронтом об уточнении ряда вопросов по предстоящему наступлению. Из переписки со Ставкой командующего Западным фронтом видно, что его беспокоит погода (надвигалась весна) и чрезвычайно заботят вопросы снабжения фронта винтовками, патронами, артиллерией, продовольствием, вещевым довольствием. К вопросу о недостатке на фронте тяжелой артиллерии Эверт возвращается почти в каждом своем докладе наштаверху Алексееву. Выпрашивается по одному дивизиону, каждый раз докладывается, в какой степени фронт недостаточно вооружен тяжелой артиллерией.

13 марта последовала директива главнокомандующего фронтом о наступлении 2-й армии [1] (схема 3):

«Войскам Северного и Западного фронтов указано перейти в решительное наступление, разбить и отбросить противника за линию Тукум, Вилькомир, Делятичи. Во исполнение сего, приказываю:

1. 2-й армии, сосредоточив главные свои силы на своих флангах, перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося против фронта армии, и затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты. Задача эта должна быть достигнута во что бы то ни стало».

Поставив задачи 1-й и 10-й армиям (1-й — наступать на Видзы и Давгелишки, 10-й — быть в полной готовности, с развитием успеха перейти в решительное наступление на Вильну), директива, однако, начало наступления откладывала до особого приказа.

Приказ этот поступил 15 марта.

Прежде чем перейти к его изложению, отметим характерное расхождение указаний командующего фронтом в директивах от 27 февраля и от 13 марта. Если в первой командующему 2-й армией предоставлялась полная свобода в организации и нанесении удара, то во второй главнокомандующий фронтом требует наносить удар только флангами. Может быть, такое решение в условиях армейской обстановки и было наиболее правильным, но его нужно было целиком передать на усмотрение командующего армией и в его компетенцию не залезать. Генерал Эверт нарушил это положение и, как увидим потом, сам должен был выходить из тяжелого тупика, в который сам себя поставил.

15 марта от главнокомандующего была получена телеграмма о начале наступления (артиллерийской подготовки) 18 марта,

---

[1] ЦВИА, дело 382, стр. 34.

а 17 марта, накануне наступления, генерал Эверт счел необходимым обратиться к войскам 2-й армии с воззванием, в котором говорилось[1]: «Государь император и родина ждут от вас ныне нового подвига — изгнания противника из пределов империи. Приступая

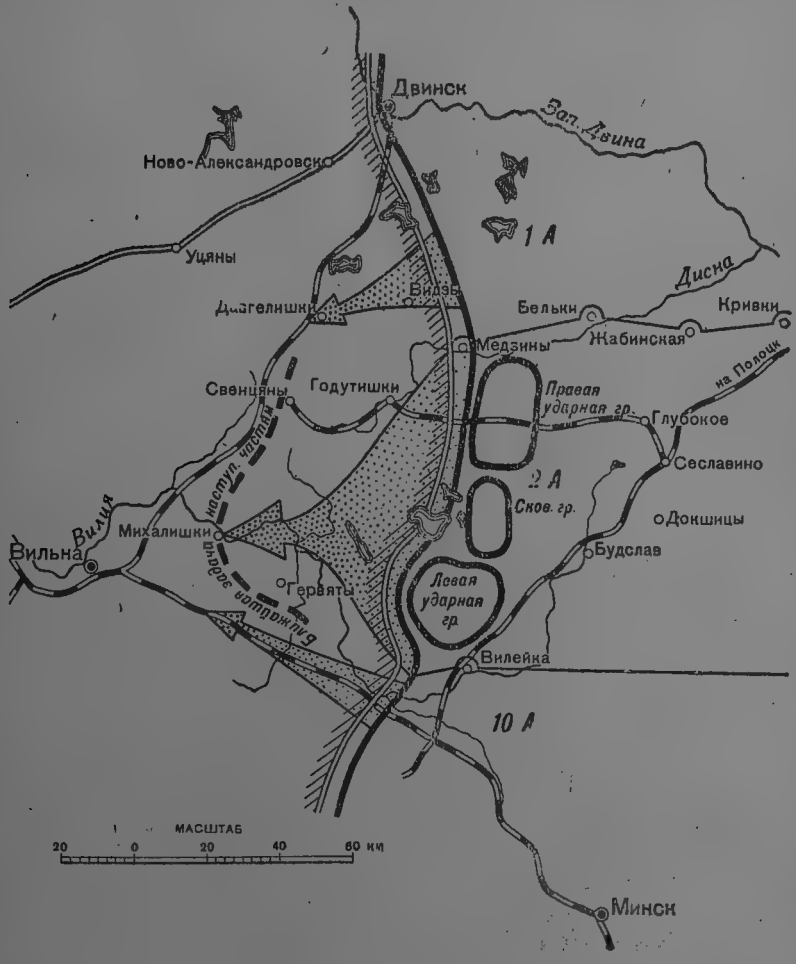


Схема 3. Решение главнокомандующего Западным фронтом на наступление в марте 1916 года

завтра к началу выполнения этой высокой задачи, веря в ваше мужество, глубокую преданность государю и горячую любовь к родине, я убежден, что вы свято исполните свой долг перед царем и родиной и освободите ваших братий, страдающих под гнетом врага. Да поможет,— заканчивалось воззвание,— нам бог в нашем святом деле».

---

[1] ЦВИА, дело 382, стр. 50.

Глава вторая

2-я русская армия

Общее состояние армии к моменту перехода в наступление

2-я армия, на которую командующий Западным фронтом возложил главную задачу в намеченной наступательной операции, в ряду других русских армий снискала себе в мировой войне печальную славу. В начале войны, в августе 1914 года, под именем Самсоновской, она потерпела жестокое поражение в Восточной Пруссии; несколько оправившись, она в том же году подверглась тяжелым испытаниям под Варшавой и под Лодзью и не добилась в обоих случаях больших успехов. В Виленской операции в 1915 году действия 2-й армии тоже были робки и незначительны. Ни одной крупной победы в истории 2-й армии вообще не значилось. Менялись в составе армии корпуса, время от времени менялось командование частей и соединений, менялись, наконец, сами командующие армиями, а традиции армии свидетельствовали о том, что 2-я армия в ряду других русских армий невыдающаяся, серая армия. Таким же серым выглядел и ее руководящий командный состав.

«Ужасно серенький состав 2-й армии,— пишет один из штабных офицеров Ставки [1], — старичок (рожд. 1849 г.) Владимир Васильевич Смирнов, мягкий, деликатный, ничем себя не проявивший».

Это командующий армией. «Начальник штаба Ставров; генерал-квартирмейстер Соковнин»... О них, видимо, сказать вообще нечего.

Из командиров корпусов примечателен генерал Сирелиус, о котором в письме к генералу Эверту наштаверх Алексеев высказывался так [2]: «Полагаю, что генерал Сирелиус, в качестве руководителя группы, не может дать смелых, связных наступательных действий, систематического выполнения плана». Алексеев, видимо, знал Сирелиуса хорошо, но самое характерное в этом высказывании то, что оно происходило накануне назначения Сирелиуса командующим ударной группой (!).

---

[1] Мих. Лемке, «250 дней в Ставке», стр. 501.
[2] ЦВИА, дело 443, стр. 89.

2-я армия в подборе кадров, впрочем, не отличалась от других русских армий. Везде было то же. Назначения производились не по достоинству, а по породе и выслуге лет.

Но, ставя перед армией такую ответственную задачу, как прорыв укрепленной полосы противника, можно было все-таки спросить себя: а кто же, собственно, будет выполнять такую задачу и справятся ли исполнители с теми заданиями, какие на них возлагаются? Эверт оказался крепок задним умом и только после операции с грустью принужден был констатировать, что он «не знал людей» до начала операции и что эти люди «не все были достойны своего назначения».

Но в этом случае нельзя себя утешать пословицей «лучше поздно, чем никогда». В вопросе подбора кадров Эверт спохватился слишком поздно.

Во время проведения операции армией командовал командующий 4-й армией генерал Рагоза, потому что генерал Смирнов, дипломатически или по старости, как раз в это время заболел.

Один из командиров корпусов 2-й армии генерал Балуев подхалимски спешит поздравить Рагозу со вступлением в командование 2-й армией [1]: «Приветствую ваше высокопревосходительство,—телеграфирует он Рагозе, — с принятием командования нашей армии. Сердечно благодарю за телеграмму. Уверен, что под вашим руководительством нас ждет великий успех».

Едва ли сам Рагоза так верил в успех, как это спешил ему засвидетельствовать в своей телеграмме генерал Балуев. Рагоза прибыл в армию как раз накануне операции (Смирнов заболел 11 марта), совсем незнакомый ни с войсками, оказавшимися в его подчинении, ни с районом предстоящих действий, ни, наконец, с составом штаба, вместе с которым он должен был руководить прорывом сильно укрепленного фронта.

Назначение командующим 2-й армией генерала Рагозы мы считаем ошибочным решением командующего Западным фронтом. Поскольку имя Рагозы не было окружено по предыдущим действиям 4-й армии ореолом побед, лучше было бы вместо заболевшего Смирнова назначить командующим армией его начальника штаба или одного из командиров корпусов. Они все же лучше знали обстановку 2-й армии, чем приехавший туда на гастроли генерал Рагоза. Но этого не позволил сделать упомянутый нами выше порядок назначений в царской армии на высшие должности.

Боевой состав армии

На 1 января 1916 года, т. е. к моменту наибольшего затишья на фронте, 2-я армия имела следующий состав:

---

[1] ЦВИА, дело 112—720, стр. 28.

№ по порядку	Наименование войсковых соединений	Батальонов	Эскадронов	Штыков	Сабель
1	4-й сибирский корпус (9-я и 10-я сибирские стрелковые дивизии)	33	10	44 850	832
2	5-й армейский корпус (7-я и 10-я пехотные дивизии)	32	5	43 009	820
3	20-й армейский корпус (28-я и 29-я пехотные дивизии)	32	6	41 300	840
4	36-й армейский корпус (25-я и 68-я пехотные дивизии)	32	7	41 225	723
5	Уральская казачья дивизия	—	18	—	3 149
6	1-я отдельная кавалерийская бригада	—	12	—	1 673
	Всего	129	58	170 384	8 037

Ко времени проведения операции, по состоянию на 15 марта, боевой состав армии значительно вырос. После укомплектования новыми частями он получил следующий вид:

порядку	Наименование войсковых соединений	Батальонов	Эскадронов	Штыков	Сабель
1	4-й сибирский стрелковый корпус (9-я и 10-я сибирские стрелковые дивизии)	33	10	44 869	832
2	5-й армейский корпус (7-я и 10-я стрелковые дивизии)	32	5	47 801	820
3	34-й армейский корпус (56-я и 104-я пехотные дивизии)	28	5	40 715	559
4	27-й армейский корпус (45-я и 76-я пехотные дивизии)	32	6	41 457	740
5	36-й армейский корпус (25-я и 68-я пехотные дивизии)	32	7	46 310	723
6	1-й сибирский стрелковый корпус (1-я и 2-я сибирские стрелковые дивизии)	32	6	48 598	766
7	3-й сибирский стрелковый корпус (7-я и 8-я сибирские стрелковые дивизии)	32	6	43 338	828
8	1-й армейский корпус (22-я и 59-я пехотные дивизии)	32	7	42 901	931
9	7-й кавалерийский корпус (6-я и 13-я кавалерийские дивизии)	—	51	—	6 886
10	Уральская казачья дивизия	—	18	—	2 185
11	1-я отдельная кавалерийская бригада	—	12	—	1 673
	Всего	253	133	355 989	16 943

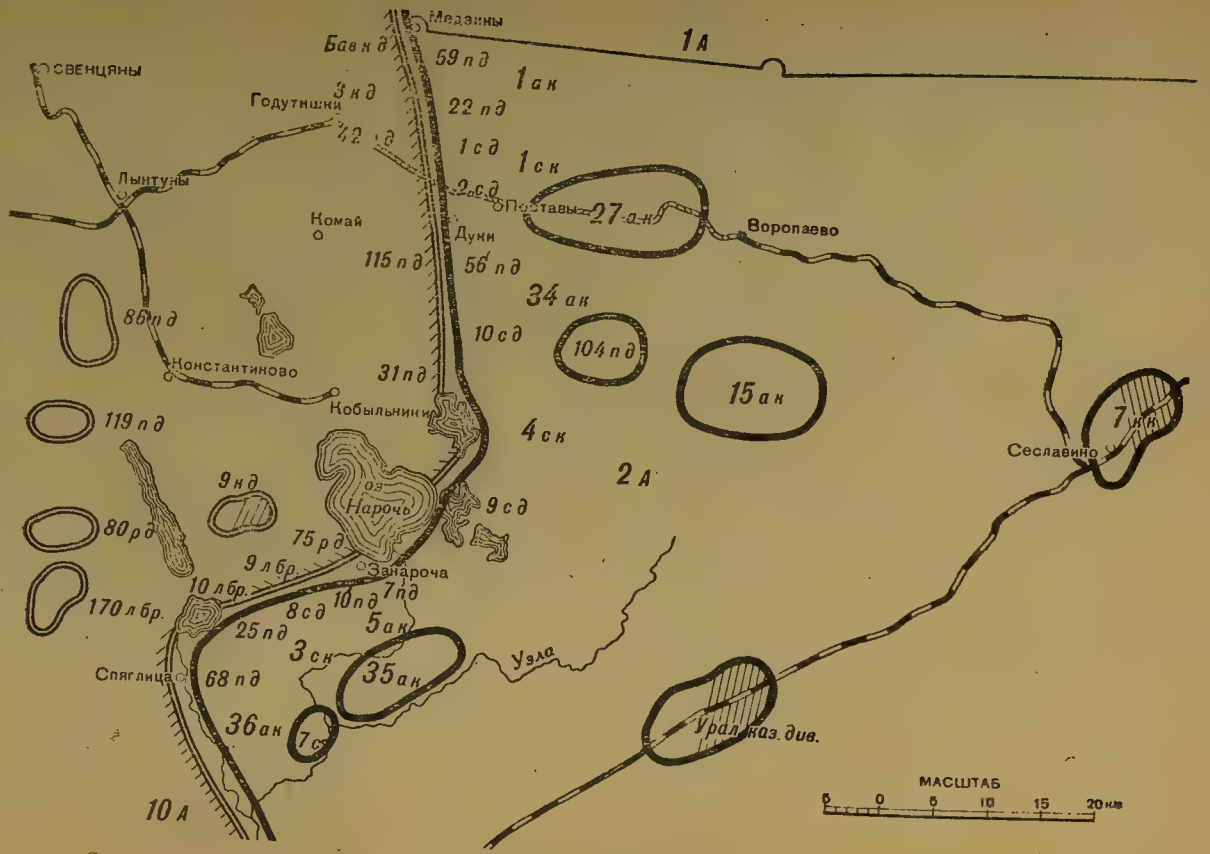


Схема 4. Соотношение сил противников к моменту мартовского наступления 1916 года

Таким образом, состав армии к моменту ее наступления увеличился более чем в два раза. В состав армии входило девять корпусов, считая с кавалерийским, и два кавалерийских соединения — дивизия и бригада. Армия к началу боевых действий оказалась не только полнокровной, но даже перегруженной частями и людьми. Управлять такой громоздкой армией было трудно. Нужно было или разделить ее, для удобства управления, на две армии, или образовать, в тех же целях, внутри армии группы. Командование фронтом пошло по второму пути. Приказ Эверта от 13 марта: «перейти в решительное наступление, сосредоточив главные силы на своих флангах», ясно наталкивал командующего 2-й армией на образование таких групп.

Вооружение армии наступательными средствами

Наряду с огромным численным составом 2-й армии, интересно сопоставить вооружение ее артиллерией и воздушными средствами.

По сравнению с насыщенностью людьми эти цифры относительно скромны.

№ по порядку	Наименование войсковых соединений	Орудий		Самолетов
		легких	тяжелых	
1	1-й сибирский корпус	72	14	—
2	3-й „ „	72	12	—
3	4-й „ „	72	12	—
4	1-й армейский „	72	12	—
5	5-й „ „	75	39	6
6	27-й „ „	75	18	6
7	34-й „ „	65	24	—
8	36-й армейский стрелковый корпус	78	37	—
9	7-й кавалерийский корпус	14	—	—
10	Уральская казачья дивизия	10	—	—
11	1-я отдельная кавалерийская бригада	—	—	—
	Всего	605	168	12

Если к указанному в таблице числу артиллерии прибавить орудия передаваемых на усиление армии тяжелых дивизионов — 114 орудий, — то мы получим для армии следующие цифры: легких орудий 605, тяжелых 282.

При ширине фронта, занимаемого 2-й армией, 60 км это давало плотность 14—15 орудий на 1 км фронта, при удельном весе тяжелой артиллерии примерно в 28—30%. На Западном фронте в это время применяли: в операции в Шампани—Артуа осенью 1915 года—70—75 орудий на 1 км фронта при удельном весе тяжелой артиллерии в 48—50%; под Верденом весной 1916 года—100—125 ору-

дий, из них тяжелых 65%, и в сражении на Сомме осенью 1916 года — 133 орудия с тем же процентом тяжелой артиллерии.

Незначительное количество артиллерийских средств вообще и тяжелой артиллерии в частности могло вести к двум решениям в организации прорыва:

а) строить расчет на пролом укрепленной полосы живой силой или

б) произвести прорыв, искусно использовав немногочисленную артиллерию.

У русского командования, конечно, более вероятным надо предположить первое решение. Оно подтверждается большим количеством собранных на фронте 2-й армии живых сил. На 60 км фронта было сосредоточено к началу операции 253 батальона, что дает в среднем 4 батальона, или 16 рот, на 1 км, при теперешней норме в наступательной операции—2 батальона, или 6 рот, на тот же километр.

Подобный расчет только на солдатскую массу, сделанный после года позиционной войны на Западе и выработанных там новых приемов прорыва укрепленных полос противника, говорит не только о безграмотности старшего командования русской армии, но и о полной его безответственности перед русским народом, своей кровью оплачивавшим такую безграмотность. «Плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами, — читаем мы в «Истории гражданской войны» (т. I, стр. 49), — армия терпела поражение за поражением».

Так оно было на всех фронтах русской армии; исключения не составлял в этом отношении и Западный русский фронт со своей ударной 2-й армией.

Материальное обеспечение. Бытовые условия частей 2-й армии

С переходом к обороне осенью 1915 года командующий армией генерал Смирнов требовал [1]: «...надежно и прочно закрепить за собой занятые позиции, развивая их в глубину...» При этом «обратить особенное внимание на точное выполнение всех указаний... почерпнутых из опыта войны на французском фронте».

Писалось это 7 октября 1915 года, а 27 декабря того же года, т. е. почти через 3 месяца, при проверке состояния 2-й армии командированным из штаба фронта генералом Кондратовичем, оказалось [2]:

«Укрепления боевых позиций в районе расположения войск 2-й армии еще в очень плохом состоянии.

...Во многих местах укрепления представляют собой одну линию окопов... В дни осмотра окопы были настолько засыпаны снегом, что стрельба как через бойницы, так и поверх бруствера, покрытого толстым слоем снега, стала невозможной.

---

[1] ЦВИА, дело 278—946 стр. 112

[2] ЦВИА, дело 665, стр. 704.

...Окопы прикрыты легкими широкими козырьками, закрывающими сверху почти весь окоп. В некоторых местах окопы обвалились и частью разрушены; в некоторых окопах и убежищах стоит вода, сверху замерзшая. Землянки не освещаются. Искусственные препятствия местами развиты крайне слабо (2—3 ряда кольев); на некоторых участках вместо заграждений на кольях поставлены рогатки, скрепленные между собой. Убежищ от тяжелых снарядов мало.

...Основным крупным недостатком укреплений 2-й армии является неправильный выбор места для укрепленной позиции. В этом отношении особенно неудовлетворительно расположение 20-го корпуса в болоте, где нет возможности ни прочно укрепиться, ни жить и где тыл позиций наблюдается со стороны противника во всех направлениях...»

Как все это не похоже на то, что в смысле позиционных укреплений имели французы, окопы которых не только были возведены прочно, но и устроены с возможной долей комфорта. Во 2-й армии требование «деликатного старичка» об устройстве позиций оказалось выброшенным в воздух и с ним, очевидно, при возведении укреплений занимаемой полосы не особенно считались.

«Части испытывают настоятельную нужду в тяжелом шанцевом инструменте, — читаем мы дальше в тех же материалах по обследованию 2-й армии: — в кирко-мотыгах и, особенно, ломах».

Резолюция Эверта на этом месте доклада Кондратовича: «Шанцевого инструмента на складах достаточно». Но почему этот шанцевый инструмент не завезен в так нуждающиеся в нем части 2-й армии, остается неизвестным.

Еще больший недостаток, чем в шанцевом инструменте, части испытывали в винтовках. На 17 марта, то-есть накануне наступления, в армии недоставало винтовок [1]: 1-й сибирский стрелковый корпус — 3 643, 3-й сибирский — 4 638, 4-й сибирский — 454, 1-й армейский — 4 739, 5-й армейский — 4 672, 27-й армейский — 2 842, 36-й армейский — 2 819 и только 34-й армейский не имел некомплекта в винтовках.

Вывод: 23 807 человек в армии было не вооружено.

Та же проверка генерала Кондратовича вскрыла большие недочеты в снабжении армии и в быту частей.

«Теплой одеждой войска, вообще, обеспечены, — докладывал Кондратович, — но в частях 36-го корпуса телогрейки еще не получены, что недопустимо; сапоги повсюду плохи и много маломерных. Бельем люди обеспечены слабо».

Опять резолюция Эверта: «Белья на складах имеется достаточно». И опять неизвестно, почему оно не завозится в части.

Дальше доклад Кондратовича рисует непривлекательную картину с питанием частей. Изо дня в день, по его словам, части питаются одним супом; каша не варится, так как нет масла и сала. Отпускаемая частям крупа закладывается в суп.

---

[1] ЦВИА, дело 278—969, стр. 67.

Опять резолюция Эверта: «Кашу варить, потребляя постное масло».

На всем докладе Кондратовича Эверт наложил такую заключительную резолюцию [1]: «Крайне печально отношение всех начальствующих лиц, столь индиферентное. Опыт года войны, к сожалению, прошел даром, и до сих пор авось и кое-как остаются характерными. С сентября постоянно приходится обращать внимание и требовать создать столь твердую позицию, чтобы противник и с тяжелой артиллерией ее бы не одолел, — и все, повидимому, даром: позиции, занимаемые 4 месяца, до крайности слабы. Тяжелый ответ понесут начальники, — предупреждает Эверт, — если они...» и т. д.

Но «начальники», как видно, не особенно беспокоились насчет «тяжелого ответа». От главного виновника указанных выше безобразий, генерала Смирнова, генерал Эверт потребовал только «принять самые энергичные меры к скорейшему исправлению недоделанного» и этим ограничился. Командующий армией предписал то же сделать командирам корпусов, те — дивизиям, дивизии — полкам. И пошло сверху вниз: «принять меры», а то, что было плохо, плохим и осталось.

Поверки исполнения не было. Вместо нее были циркуляры и отписки по ним. Ни один старший начальник вообще не считал нужным посещать окопы и смотреть, как они оборудованы и как в них живут люди. Поэтому, как рассказывали в старой армии, когда в один из окопов прибыл генерал (может быть, инспектирующий вроде Кондратовича), он обратил внимание на то, что солдаты не умеют отвечать на приветствие.

— Здорово, молодец.

— Здравия желаю, ваше... — дальше солдат запнулся.

Генерал обратился к другому:

— Здорово, молодец.

— Здравия желаю... — опять та же запинка.

К третьему:

— Здорово, молодец.

— Здравия...

— Как это они у вас не знают, как надо отвечать генералу?

— Ваше превосходительство, — отвечал сопровождавший офицер, — у нас никогда ни один генерал еще здесь не был...

Это анекдотично, но чрезвычайно верно для старой армии. Забот о солдате не было. Солдат старшие начальники не знали. Они держали их в скотских условиях, не удовлетворяя самых насущных нужд, когда к этому были все возможности.

Пренебрежение к нуждам солдата влекло и пренебрежение к его жизни, которую ценили дешево и расходовали крайне безответственно. Брали количеством израсходованных жизней, а не качеством проделанной работы. В результате терпели поражение, вызывая всеобщее озлобление и возмущение.

---

[1] ЦВИА, дело 278—946, стр. 72.

Боевая подготовка частей армии

Шел второй год войны. Накоплялся огромный боевой опыт. Но этот опыт в русской армии был распылен между частями. Приведения его в систему не было. Не было и передачи этого опыта запасным частям, которые формировали и подготавливали новые пополнения. В этих частях попрежнему львиную долю в обучении уделяли взводному и ротному учениям, то-есть маршировке по плацу; в поле обучали бессистемному рассыпанию в цепь и наступлению в пространство без всякой видимости и показа противника. О преодолении препятствий укрепленной полосы не было и речи, да обучавшие новые пополнения «кадры» и не имели о них ровно никакого понятия. Командирами запасных бригад, полков и батальонов были отставные, оставившие службу задолго до войны генералы, полковники и подполковники, воспитанные на традициях боевого обучения «времен Очакова и покоренья Крыма». Единственно о чем помышляли еще более заботливые из них, это о стрелковой подготовке мобилизованных. Но тут на пути их добрых пожеланий вставало почти стопроцентное отсутствие в запасных частях винтовок, даже берданок, и призванные «на защиту царя и отечества» уходили на фронт необученными для ведения боя.

На фронте не все части сумели по-настоящему, по-боевому, взяться за обучение пополнений. Доклад известного нам генерала Кондратовича говорит, например, о том, что 36-й армейский корпус 2-й армии «усиленно занимается боевой подготовкой, в частности, много тратит патронов на стрельбу, отчего на 28 декабря образовался некомплект в 2 962 200 патронов» [1]. Но это как исключение.

Патронов было мало. Некоторые части, в погоне за экономией их, отказывались вовсе от стрелковой подготовки. А так как времени свободного было много, особенно когда части уходили на отдых, то часы, отводимые на боевую подготовку, как и в глубоком тылу, заполнялись привычным взводным учением, рассыпанием в цепь, а то и просто отданием чести. Учили солдата, между тем нужно было учить и тренировать части — преодолению препятствий укрепленной полосы и боевому взаимодействию. Боевой повседневной практикой солдат был научен действовать в одиночку и мелкими подразделениями; части же в отношении своих действий и действий с другими частями требовали большой выучки и работы над ними. В частности, совершенно не было отработано взаимодействие пехоты с артиллерией, действия крупных конных масс по развитию успеха пехоты, использование технических войск и пр.

Методы подготовки союзных войск

Во французской и английской армиях дело обучения обстояло по-иному. Там, в интересах обучения частей, в тылу создавались особые лагери, куда с фронта выводились целые дивизии и полки. В лагерях воссоздавались участки укрепленных полос по образцу неприятельских. Тут были окопы, оплетенные проволокой, с бой-

[1] ЦВИА, дело 278—946, стр. 57.

ницами, ходами сообщений, пулеметными и минометными установками, с укрытиями для легкой и замаскированными позициями для тяжелой артиллерии.

Части попадали как бы в действительную боевую обстановку. Они занимали исходное для атаки положение; производилась артиллерийская подготовка, пехота бросалась в атаку. Начиналось преодоление укрепленной полосы: пехота обучалась проходить через проволочные заграждения, двигаться по полуразрушенным окопам «противника», очищать их от «неприятельских» частей, действуя гранатой, штыком и лопатой; обучались сноровке «переворачивать» окопы противника, приспособляя их для ведения огня в тыл противнику; учились взаимодействовать с артиллерией, поддерживать связь по фронту и в глубину.

Разрабатывались теоретические основания такой учебы и боевой практики войск.

Большую известность в войсках союзников получили инструкции генерала Жоффра по прорыву укрепленных полос. За один 1915 год их было издано три: от 2 января, 8 июля и 16 августа.

Сущность инструкций сводилась к следующему:

1. Атака должна вестись на возможно более широком фронте, чтобы войска, входящие в прорыв, не могли насквозь поражаться фланговым огнем противника.

2. Резервы наступающего должны быть подведены возможно ближе к участку прорыва, чтобы они могли беспрерывно питать ударные части.

3. К месту прорыва должна подтягиваться конница, задача которой, входя в прорыв, развивать успех.

4. Наступающие части должны подводиться к месту прорыва возможно ближе (100—200 м), чтобы они могли одним броском ворваться в окопы противника.

5. Боевой порядок наступающего должен строиться в виде последовательно следующих одна за другой «волн» (цепей).

6. Местность в районе атаки должна быть подготовлена в виде заранее оборудованного инженерного плацдарма. Плацдарм должен скрыть подход частей к месту атаки и укрыть их от огня противника в момент, непосредственно предшествующий атаке.

7. Атака должна подготовляться мощным огнем артиллерии, вестись по общему сигналу для всех штурмующих частей.

Большая операция по таким принципам впервые была применена англо-французскими войсками осенью 1915 года при наступлении в Шампани — Артуа. Операция окончилась неудачно. Английские и французские войска, подготовленные к прорыву первой оборонительной полосы противника, не учли второй такой же полосы, подготовленной немцами в глубине. «Волны», получив новый удар из глубины, перемешались. Управление было потеряно. Атака в Шампани, начатая столь блестяще (продвижение в первые два дня на 10—15 км, 25 000 пленных, 150 захваченных орудий), вскоре выдохлась, не оправдав затраченных на нее усилий и средств.

Опыт наступления в Шампани — Артуа был сейчас же учтен союзниками. 16 января 1916 года появилась новая инструкция

Жоффра, в которую были внесены следующие дополнения к ранее изданным инструкциям:

1. Наступательная операция должна предусматривать несколько оборонительных полос противника. Не нужно задаваться целями прорыва их всех сразу.

2. Без перемены артиллерийских позиций можно овладеть только первой полосой, после чего вести новую подготовку для овладения второй полосой и т. д.

3. Наступление ведется по принципу: артиллерия разрушает, пехота наводняет.

4. Атака может увенчаться победой, если она ведется при превосходстве материальных и моральных сил наступающего.

* * *

Если русскому командованию были известны указанные выше инструкции (а надо полагать, что если даже их не удосужился прислать генерал Жилинский, они могли быть получены в Ставке через генерала По), то по опыту осенних боев в Шампани — Артуа нужно было для себя сделать такие выводы:

1. Характер построения германской укрепленной полосы на Восточном фронте не будет существенно отличаться от того, что немцы имели на Западном. Если их оборонительные сооружения на Востоке окажутся слабее, то это будет только к выгоде для русского наступления. Но полагаться на последнее нельзя; нужно поэтому готовиться к преодолению укрепленной полосы противника по тем же методам, какие для этой цели были выработаны на Западе.

2. Превосходства материальных средств, при бедности русской армии в артиллерии, достигнуть нельзя, но это не значит, что такого превосходства нельзя достигнуть на определенном участке, избранном для атаки. Бедность средств должна предъявлять высокие требования к искусному использованию их в бою, в частности, гибкому маневрированию ими на поле боя.

Русский опыт прорыва укрепленных полос

Опыт прорыва укрепленных полос был не только у союзников, такой опыт имела 7-я русская армия в наступлении на р. Стрыпе в конце 1915 г. Наступление 7-й армии окончилось неудачно: 50 000 человеческих жизней заплатила русская армия за неуменье своего командования производить прорывы укрепленных полос.

25 января 1916 года командующий 7-й армией преподал своим корпусам «Указания по управлению в бою», где подытожил все ошибки, какие были допущены с русской стороны в сражении на р. Стрыпе.

Эти указания сводились к следующему:

1. Задачи тяжелой артиллерии ставились слишком широко в расчете, что она все сметет ураганным огнем. При нашей бедности артиллерией такие задачи просто непосильны.

2. Наступавшая пехота не поддерживалась артиллерийским огнем; овладев окопами противника, пехота не закрепляла успеха, а с большими потерями возвращалась опять в свое исходное положение.

3. Не было достаточного наблюдения и связи между пехотой и артиллерией. Артиллерия часто поражала своих.

4. Головным частям ставили неопределенные задачи. Не было связи их с тылом.

5. Старшие начальники ограничивались только постановкой задач, но не управляли войсками в бою.

Указания командующего 7-й армией были сделаны 25 января. Инструкции Жоффра по прорыву укрепленных полос были изданы еще раньше. Казалось бы, на основе всего этого материала, пользуясь зимним затишьем, нужно было приступить к широкому переобучению армии в направлении тех положений, о которых говорили и инструкции Жоффра и указания 7-й армии. Между тем ничего этого сделано не было. Задумывалась новая большая операция, проводилась немалая организационная работа по ее подготовке, намечались разнообразные варианты нанесения удара, выбирались подходящие районы для наступления, а о том, что нужно обучить войска действовать в этом наступлении, никто не думал. Командный состав не был подготовлен действовать так, как это требовалось новыми условиями боя; войска учились по-старинке.

Неповоротливость и беспечность русского командования в этом вопросе прямо поразительны.

Впрочем, высказываясь так решительно, мы, как это увидим ниже, будем «несправедливы» по отношению к главнокомандующему русским Западным фронтом генералу Эверту.

Политико-моральное состояние частей 2-й армии

Русскому солдату истинные причины грабительской империалистической войны не были известны. В основном рабочий и крестьянин, русский солдат шел на войну, чтобы защищать свою родину. И делал он это на фронте с присущей ему добросовестностью, честностью и свойственными русскому народу мужеством и храбростью.

Многочисленные документы, просмотренные нами в архивах по данной операции, нигде не говорят о каких-либо волнениях или выступлениях солдат 2-й армии против своих командиров. Несмотря на исключительно тяжелые бытовые условия, солдаты мужественно переносили все лишения фронтовой жизни, поддерживали на должном уровне воинскую дисциплину и в любую минуту готовы были итти в бой.

В сводке 22-й дивизии единственный раз нами был отмечен случай разговора солдат о том, что немцы лучше питаются, чем русские, что у них солдатам дают кофе и колбасу и что отапливаются у немцев не только землянки, но, судя по дымам, поднима-

ющимся из окопов, видимо, и защищенные со всех сторон блиндажи.

Командующий германским Восточным фронтом в своем донесении верховному командованию от 15 марта 1916 года докладывал [1]: «...русские будут наступать с обычными для них решительностью и пренебрежением к потерям». Он при этом добавлял, что у него нет никаких оснований полагать, что в материальном отношении русские армии не устроены и что их моральное состояние находится на низком уровне.

Командующий германским Восточным фронтом в своей оценке русских армий не ошибался. Материально русские армии, несмотря на отмеченные выше недостатки, все же были обеспечены еще в такой степени, что могли воевать; моральное состояние их позволяло решать им такие сложные задачи, как наступление с прорывом укрепленной полосы противника.

Но русское командование упорно рубило тот сук, на котором сидело. Своим невниманием к нуждам солдата, своим пренебрежением к его человеческому достоинству оно вызывало только недоброжелательство и ненависть к себе, а неумением использовать опыт войны, полученный не только на французском, но даже на русском фронте, оно демонстрировало свою военную неподготовленность.

Указания главнокомандующего Западным фронтом по прорыву укрепленной полосы противника

16 марта 1916 года (по пословице «лучше поздно, чем никогда») генерал Эверт вспомнил о необходимости переобучения войск и по телеграфу прислал 2-й армии обширные указания, как проводить атаку. Указания эти настолько интересны, что мы позволим себе привести их полностью.

Но прежде отметим время посылки их в армию — за день до атаки! Еще Драгомиров говорил [2]: «Перед боем учить поздно, а нужно только намекнуть; если же приняться учить, то, пожалуй, неучившегося собьешь и с последнего толку».

Эверт же собрался как раз не намекать, а учить.

«Ввиду предстоящих операций [3], — телеграфирует он генералу Рагозе, — необходимо дать следующие указания войскам армии, участвующим в нанесении удара противнику.

Первое. Атаку производить на всем активном участке, не намечая заранее определенной точки главного удара, но энергично развивая последний там, где окажется возможным, где противник скорее сдаст и где будет достигнут наибольший успех.

Второе. Резервы располагать так, чтобы возможно было своевременно поддержать и развить успех как непосредственной поддержкой продвигающегося вперед боевого участка, дабы стремле-

[1] Рейхсархив, «Мировая война», т. 10, стр. 427.
[2] Драгомиров, Австро-прусская война, стр. 89.
[3] ЦВИА, дело 382, стр. 36—44.

ние его вперед было неудержимо, так и атаками во фланг противнику, еще удерживающемуся на месте. При таких условиях части, преследующие отходящего противника, могут неудержимо стремиться вперед, не опасаясь за свои фланги и тыл.

Третье. Необходимо предвидеть, что противник, отходя на одних участках, перейдет в энергичную атаку на других, стараясь бить в стыки или в обнажившиеся фланги. Надо быть к этому готовыми, для чего должна быть постоянно самая тщательная охрана флангов и непрерывная тщательная разведка; контратака же противника должна встречаться самой энергичной атакой резервов.

Четвертое. Настойчиво требую от всех начальников, от старших до младших, самого энергичного порыва вперед, при полной связи с соседями и старшими начальниками. Местность должна быть всеми изучена по карте и, по возможности, на самой местности. Начальники резервов должны знать пути подхода к фронту позиции противника и пути следования для поддержки и развития успеха у соседей.

Пятое. Всякий начальник должен быть в самой тесной связи со всеми своими прямыми начальниками и соседями, чтобы дать им возможность быстро схватывать слагающуюся обстановку боя и так же быстро употреблять все свои средства для направления ее в благоприятную сторону. Облегчение этой связи достигается продвижением, еще до начала наступления, всех штабов к боевой линии, командированием офицеров генерального штаба из корпусных и армейских штабов вперед для ориентирования, командированием офицеров для связи из штабов корпусов в штабы дивизий, а в наиболее важных местах — и в полки. В целях такого же ориентирования старших начальников, необходимо организовать воздушную разведку во время боя.

Шестое. Заблаговременно указывать разграничительные линии наступающих частей, не забывая изменять их в зависимости от развития действия и происходящих перегруппировок. Потребовать от войск, чтобы при продвижении вперед они были обязаны, невзирая ни на какие границы, развивать энергичные действия во фланг и тыл противника, еще удерживающегося против соседей. Только при таком способе действий прорыв может быть обращен в большой успех и взяты большие трофеи.

Седьмое. Непрерывно знакомить войска с их задачей и с задачей их соседей.

Восьмое. Напомнить войскам о своевременном устройстве перед атакой проходов в наших заграждениях, не обнаруживая по возможности этих работ противнику.

Девятое. Указать на необходимость устраивать в неприятельских заграждениях не одни широкие ворота, а ряд коридоров.

Десятое. Иметь несколько линий резчиков проволоки, дабы их хватило и на вторую, и на третью линии заграждений противника.

Одиннадцатое. Пехотную атаку вести «волнами» — шеренга за шеренгой, сзади первой — гренадеры, которые должны

очищать окопы от противника. «Волны» же должны катиться безостановочно вперед. Быстрота натиска обещает захват неприятельской артиллерии.

Двенадцатое. Принять все меры для достижения связанности действий артиллерии, пехоты, бомбометов, пулеметов, сапер.

Тринадцатое. Содействие артиллерии удару, наносимому пехотой, должно быть полное и непрерывное. С окончанием артиллерийской подготовки атаки и с началом движения пехоты, по мере продвижения ее вперед, артиллерия переносит огневую завесу в тыл противника и на фланги атакуемого участка для преграждения его резервам подступов к атакуемому нашей пехотой участку позиции; независимо от этого, артиллерия должна быть готова продвинуться вперед и занять новые позиции, дабы действительным огнем способствовать дальнейшему наступлению пехоты, или же подготовить атаку, если противнику удастся занять новую укрепленную позицию. Для этого артиллерийские начальники должны заранее изучить пути следования и наметить те позиции, которые они могут занять (в пределах противника по карте).

Четырнадцатое. Тщательно организовать наблюдение артиллерийской стрельбы с самолетов и привязных аэростатов. В пасмурную погоду, когда непосредственное наблюдение артиллеристов будет затруднено и полеты самолетов над противником будут невозможны, следует пользоваться для наблюдения за стрельбой, наравне с привязными аэростатами, самолетами, не выпуская их из района своего расположения.

Пятнадцатое. Батареям, по которым противник успел пристреляться, перед боем менять свои позиции. Желательно иметь фальшивые батареи.

Шестнадцатое. Принять все меры к закреплению достигнутого успеха, для чего: а) пулеметы иметь в передовых частях, немедленно выставляя их для закрепления захваченного, б) своевременно подводить подкрепления и продвигать вперед артиллерию, в) быстро перевертывать окопы противника против него, г) закреплять позиции саперными работами.

Семнадцатое. В целях полного использования успеха, собрать возможно большую массу конницы за атакующей пехотой и при первой возможности бросить ее в тыл противнику, корпусную же конницу держать в непосредственной близости боевых линий для непосредственного использования частных успехов».

Читаешь всю эту длинную инструкцию и невольно задаешь себе вопрос, неужели можно войскам давать какие бы то ни было советы, когда эти войска изготовились к атаке и уже не в состоянии таких советов выполнять?

Указания по пункту первому, может быть, и не плохи сами по себе, но в состоянии ли командующий армией за день до атаки производить новые перегруппировки, если бы он свои войска расставил для удара и не так, как это желает сделать командующий фронтом? Тут нужно допустить два решения: или командующий армией ничего не понимает в том деле, которое ему поручено, тогда бесполезно давать ему какие бы то ни было советы;

или он свое дело знает, тогда к чему такая опека, да еще в такое неподходящее время?

Развитие удара в том направлении, где окажется успех, как будто и хорошо, но требовать этого от командования армии плохо. Это значит стеснять его инициативу, заставлять командующего армией отказываться от может быть принятого решения бить в определенном направлении и на заранее намеченном участке. Да и маневрирование резервами в этом случае — дело достаточно сложное, чтобы оно в тогдашних русских условиях могло быть легко осуществлено.

Пункты второй, третий, четвертый и до девятого — общеизвестные тактические истины.

Пункты девятый, десятый и одиннадцатый в тогдашних условиях русской армии трактовали о новых вопросах, но этому нужно было учить, а не говорить об этом накануне атаки. К тому же «волны» в операции в Шампани — Артуа уже себя не оправдали.

Пункт двенадцатый просто вызывает недоумение. Нельзя требовать от войск связанности действий артиллерии, пехоты, бомбометов, пулеметов и сапер, если предварительно их этому не обучали и не тренировали.

То же нужно сказать о пунктах тринадцатом и четырнадцатом.

Пятнадцатый пункт сам по себе неплох, но он, как и все предыдущие, — выстрел в воздух.

Последние два пункта — пережевывание общеизвестных истин, а в отношении кавалерии — запоздалый совет. Командующий армией обязан был уже принять свое решение насчет использования конницы.

В целом указания Эверта — типичный документ старой царской армии — отписки и страховки. Все было, мол, организовано и предусмотрено. Не получилось успеха — значит, войска не выполнили того, что от них требовалось, не сделали так, как это им указывалось. Что это указывалось слишком поздно, и войска уже не в состоянии были выполнять такие указания, об этом много не думали.

В поведении Эверта, непосредственно предшествующем атаке 2-й армии, чувствуются признаки испуга от собственного начинания. То, что предлагал сделать этот человек (атаковать противника в зимних условиях), не делалось; то, что предлагали ему сделать, вело к провалу. Остановить приближение этого провала главнокомандующий Западным фронтом не мог; смотреть спокойно на приближение катастрофы он был не в состоянии. Отсюда поиски спасительной соломинки, за которую можно было бы ухватиться, чтобы спастись самому. Соломинок оказалось две: первая — имя божие, которое генерал Эверт призвал, отдавая приказ на наступление, вторая — указания войскам, которые он сделал накануне атаки. Но, конечно, ни то, ни другое спасти положение не могло.

Общий вывод по состоянию 2-й армии

Ознакомившись с личным составом, бытовыми условиями, вооружением и боевой подготовкой 2-й русской армии, мы должны притти к выводу, что она имела:

— достаточные силы для выполнения возлагавшейся на нее боевой задачи;

— недостаточные, но позволявшие маневрировать на поле боя и достигать успеха на определенных участках фронта материальные средства;

— недостаточную подготовку частей к выполнению задач прорыва, но

— крепкую сплоченность и дисциплинированность этих частей; прекрасный солдатский состав.

В целом, при искусном руководстве и волевом командовании поставленная 2-й армии задача была для нее выполнима.

Глава третья

Противник

В «Berliner Tageblatt», в номере за 7 февраля 1916 года, было напечатано следующее [1]:

«На Восточном фронте германские войска построили непрерывную цепь укреплений, простирающуюся от Рижского залива до румынской границы.

Немецкое командование все время заботится об улучшении своих позиций; это вызывает непрерывную борьбу с русскими, так как немцы на многих участках своего фронта пытаются продвинуться вперед.

Русские войска обнаружили в позиционной войне замечательные военные качества. Русский солдат упорен и вынослив. Русские отличаются наблюдательностью и прекрасно приспособляются к местности. Они очень умело ведут борьбу мелкими отрядами. Немецкие войска многому научились у русских. Конечно, немцы превзошли своих учителей. Боевые действия, происходящие по всему фронту, в виде нападения охотничьих команд и пр., держат войска все время в напряженном состоянии.

Германские позиции укреплены по последнему слову военной техники. Во многих местах устроены двойные и даже тройные ряды окопов. Устроены проволочные заграждения.

На Двинском фронте германские войска построили себе целую сеть путей сообщения.

По построенным дорогам могут свободно двигаться тяжелая артиллерия и обозы. Немецкое командование приняло все меры для того, чтобы вполне обеспечить защиту Восточного фронта и создать, по возможности, лучшие условия жизни германских войск. Вследствие этого бытовые условия великолепны, настроение духа превосходное. Здесь, как и везде, врагам Германии не удается достичь успехов посредством тактики истощения».

Тому, что говорит враг о себе, не всегда можно верить. Мы поэтому позволим себе критически отнестись к хвастливым сообщениям «Berliner Tageblatt». Однако заявление этой газеты о том, что русский солдат упорен и вынослив и что русские (подразумеваются, конечно, солдаты и командовавшие ими прапорщики) прекрасно

[1] ЦВИА, дело 179—465, стр. 5.

приспособляются к местности и умело ведут борьбу мелкими отрядами, с нашей стороны не вызывает никаких возражений. Оно так и было, и мы в свое время эту особенность русских войск отмечали, когда говорили о боевой подготовке частей 2-й армии.

Не вызывает также возражений и то, что немцы построили сплошную линию укреплений от Рижского залива до румынской границы, что они заботятся об улучшении своих позиций и на Двинском участке фронта построили густую сеть путей сообщения. Все это так и было. Но остальное в сообщении газеты нуждается в серьезном коррективе.

Германские позиции вовсе не были укреплены по последнему слову военной техники.

Данные войсковой разведки, агентуры и опросы пленных говорили об этом так[1].

Позиция немцев, укреплявшаяся ими с осени 1915 года, т. е. с момента прекращения наступления и стабилизации фронта, имеет несколько линий окопов, составляя укрепленную полосу до 1¾ км в глубину. Окопы узкие, для стрельбы со дна рва. Через 15—20 шагов — траверсы, везде закрытые, бойницы — щелеобразные, треугольные и прямоугольные. Местами небольшие козырьки. Во многих окопах отмечены трапециевидные отверстия, возможно, бойницы для минометов и пулеметов. В 30 шагах сзади окопов устроены землянки, каждая на 9 человек; в 100 — 150 шагах построена вторая линия окопов без проволочных заграждений.

Заграждения поставлены в одну, а местами — в две полосы, прикрытые спереди и сзади рогатками. Первая полоса выдвинута на 50—60 шагов от окопов, вторая обычно проходит близ самого бруствера. Первая линия обыкновенно в две рогатки, высотой 2 аршина, шириной 5—6 шагов. Вторая — колья в 5—6 рядов, местами 10—11. Высота кольев тоже 2 аршина; кое-где лощины и рвы завалены срубленными деревьями.

Сеть ходов сообщения по фронту и в глубину крайне развита. Впереди некоторых заграждений выдвинуты окопы для полевых караулов, соединенные ходами сообщений с главной линией.

Тыловая полоса укреплений замечена на флангах фронта 2-й армии: против правого фланга — в районе Годутишки и против левого — в проходе между озерами Нарочь и Свирь. Против центра боевого расположения 2-й армии, по сведениям местных жителей и опросам пленных, никаких фортификационных сооружений в тылу, вплоть до м. Кобыльники, не замечалось.

Вывод. На участке 2-й армии позиции противника были обычного полевого типа; бетонированных сооружений не было. Укрепления были далеки от тех, какие в это время строились «по последнему слову военной техники».

Не соответствовало действительности и заявление газеты о том, что бытовые условия германских войск великолепны и настроение духа превосходное.

---

[1] ЦВИА, дело 279—144, стр. 1—17 и 179—465, стр. 3—15.

На участке 2-й армии отмечено немало случаев не только захвата пленных, но и добровольного перехода немецких солдат на русскую сторону. Перебежчики и пленные показали следующее:

1. Перебежчик 5-го резервного полка: «нервы у всех за последнее время крайне взвинчены — в германских окопах держится слух, что русские усиленно готовятся к наступлению. Попадание в окоп русского тяжелого снаряда вызвало паническое бегство всех, не исключая унтер-офицеров. Офицеры за последнее время злоупотребляют спиртными напитками; в полку такое настроение, что если летом война не кончится, будет поголовная сдача в плен. Сильно действуют на солдат толки о женских бунтах в Германии».

2. Пленные 17-го полка 42-й дивизии: «ожидают русского наступления и потому всю ночь стоят под ружьем. В случае отступления, есть приказ взрывать орудия, так как увозить их, из-за недостатка лошадей, не на чем. В случае прорыва фронта немцы думают уходить на линию неманских крепостей».

3. Пленный офицер 171-го пехотного полка: «наступательную войну с Россией немцы считают оконченной и будут только защищать захваченное. Ближайшей и главной задачей считают захват Парижа. Население, особенно женщины, тяготится войной. Упорство союзников и их нежелание вступать в мирные переговоры вызывают большое беспокойство в Германии».

4. Разведсводка армии за 13 марта отмечала: «немцы считают свое положение на русском фронте крайне серьезным и мало надеются на успешную борьбу, хотя и стараются это скрыть. Впечатление от захватываемых в плен офицеров — мало интеллигентных; нет прежней заносчивости, держатся значительно скромнее».

Было от чего развиться скромности. Данные о насыщенности Западного фронта русских войсками и боевыми средствами говорили не в пользу немцев.

Боевой состав частей 10-й германской армии

На 8 марта против 2-й армии (по боевому расписанию войск противника) значилось германцев [1] (схема 5 и таблица на стр. 44—46).

Пехотная германская дивизия имела на вооружении 72 орудия, резервная —48, ландверная —36, ландверная бригада —24 и кавалерийская дивизия —12 легких орудий. Исходя из такого расчета, указанные в таблице соединения в общей сложности должны были иметь 360 легких орудий.

На основании документов, обнаруженных у пленных, их показаний и агентурных данных было установлено, что 42-я, 115-я, 31-я пехотные, 75-я резервная, 9-я кавалерийская дивизии и 9-я ландверная бригада составляли 21-й усиленный корпус.

Штаб корпуса помещался в Кобыльниках; корпус мог иметь 72 тяжелых орудия.

---

[1] ЦВИА, дело 112—718, стр. 13.

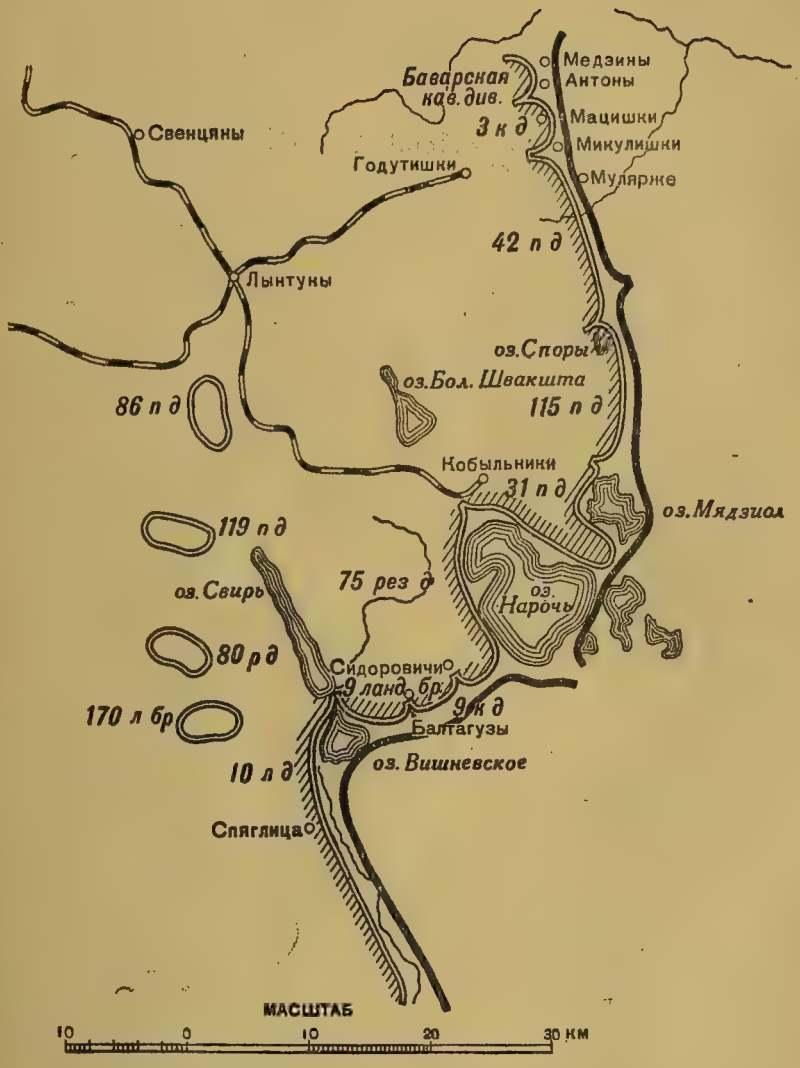


Схема 5. Расположение противника по данным на 8 марта 1916 года

Части противника	Где определены	Число		Среднее число	
		батальонов	эскадронов	штыков в роте	сабель в эскадроне
10-я армия					
Баварская кавалерийская дивизия. 1-я бригада—1-й и 2-й тяжелые полки. 4-я бригада—1-й и 2-й уланские полки. 5-я бригада—1-й и 2-й конные легкие полки. Гвардейский резервный егерский батальон—3 самокатные роты.	На участке Медзяны—Антоны включ.	2¼	24	150	100
3-я кавалерийская дивизия					
16-я бригада—7-й и 8-й конно-егерские полки. 22-я бригада—5-й и 14-й гусарские полки. 25-я бригада—23-й гвардейский и 24-й драгунский полки. 22-й резервный егерский батальон. 1-й батальон 75-го ландверного полка. Самокатная рота.	Мацишки—Микулишки	2¼	24	250	100
42-я пехотная дивизия 21-го корпуса					
17-й, 131-й и 138-й пехотные полки. Ландштурм. батальон. Части 7-го драгунского или 7-го уланского полка. 42-я артиллерийская бригада—8-й и 15-й артиллерийские полки.	Мулярже, оз. Споры	10½	—	—	—
115-я пехотная дивизия					
136-й и 171-й полки и 40-й резервный полк. Части 22-го драгунского полка и 229-й артиллерийский полк.	оз. Споры, примерно до оз. Литвины	10	—	120—150	—

Продолжение

Части противника	Где определены	Число		Среднее число	
		батальонов	эскадронов	штыков в роте	сабель в эскадроне
31-я пехотная дивизия					
166-й, 174-й и 70-й полки. Части 31-го, 67-го и 155-го артиллерийских полков, 1-я рота 27-го пионерного батальона. 21-й батальон пешей артиллерии. Батальон тяжелого артиллерийского полка. Команда лыжников.	оз. Мядзиол и промежуток между оз. Мядзиол и Нарочь	9	—	150—200	—
75-я резервная дивизия					
249-й, 250-й, 251-й резервные полки. 75-й резервный артиллерийский полк. 38-й тяжелый артиллерийский батальон. 45-й резервный эскадрон. 75-я резервная пионерная рота.	Западный берег оз. Нарочь до д. Сидоровичи	9—10	—	200	100
9-я кавалерийская дивизия					
13-я бригада—4-й кирасирский, 8-й гусарский полки. 14-я бригада—5-й уланский, 11-й гусарский полки. 19-я бригада—19-й драгунский, 13-й уланский полки. 1-й егерский батальон с пулеметной ротой. Рота самокатчиков. Два батальона 2-го тяжелого артиллерийского полка. 10-й конно-артиллерийский дивизион, 11-е и 27-е конно-пулеметные отделения.	Сидоровичи — Балтагузы	1½	16—24	200	125

Продолжение

Части противника	Где определены	Число		Среднее число	
		батальонов	эскадронов	штыков в роте	сабель в эскадроне
9-я ландверная бригада					
24-й и 48-й ландверные полки. 26-й ландштурм. полк. 223-й артиллерийский полк.	Балтагузы—перешеек между озерами Свирь и Вишневское	6—9	—	200	—
10-я ландверная дивизия 3-го резервного корпуса					
180-я пехотная бригада—377-й и 378-й пехотные полки, 16-й и 52-й запасные артиллерийские дивизионы. 41-я артиллерийская бригада—37-й и 97-й артиллерийские полки. Части 1-го гешего артиллерийского полка. Часть 91-го ландверного кавалерийского полка.	Западный берег р. Спяглица, от перешейка оз. Свирь и Вишневское, примерно до Спяглицы	6	—	150	—
Итого . . .		$56^3/_4$—$59^3/_4$	65—73	40 000—45 000	7 000—8 100

Этим, конечно, количество тяжелой артиллерии у германских войск, противостоящих 2-й армии, не исчерпывалось. В том же донесении командующего Восточным германским фронтом, о котором мы упоминали выше, говорилось, что тяжелой артиллерией германские части, противостоящие 2-й русской армии, снабжены достаточно. Конечно, в этом случае речь шла не о 72 орудиях, а о чем-то значительно большем. Не погрешая против истины, мы эту цифру свободно можем удвоить.

Но все приведенные цифры живой силы и артиллерийских средств противника не будут полны, если при исчислении их не будут приняты во внимание ближайшие резервы 10-й германской армии, которые она могла подбросить в район удара русских. Отрывочные данные о таких резервах имелись в разведывательных органах штабов фронта и армии. Они говорили о наличии в качестве таких резервов у германцев: 86-й пехотной дивизии—7 875 штыков, 72 орудия; 119-й пехотной дивизии — то же количество штыков и орудий; 80-й резервной дивизии — 7 875 штыков, 48 орудий; 170-й ландверной бригады — 5 250 штыков, 24 орудия.

Соотношение сил противников на фронте 2-й русской армии

Прибавив эти числа штыков и орудий к тем, какие указаны нами выше, получаем следующее количественное соотношение сил противников на фронте 2-й армии к моменту ее наступления.

Противники	Дивизий		Батальонов	Эскадронов	Штыков	Сабель	Орудий	
	пехотных	кавалерийских					легких	тяжелых
2-я русская армия .	16	4	253	133	355 989	16 943	605	282
Германские войска .	9	3	89	72	73 775	8 200	576	144
Превосходство в силах 2-й армии над немцами	7	1	164	61	282 214	8 743	29	138
В процентах .	77	33	184	84	480	100	5	100

Анализируя эти цифры, видим, что русские:

— имели превосходство над немцами в живой силе — штыках — почти в пять раз; в саблях — в два раза;

— превосходили их вдвое в тяжелой артиллерии;

— располагали тем же количеством легкой артиллерии, что и противник.

Какие шансы давало это на успех?

Ответ на такой вопрос можно получить, учтя всю сумму моментов, из каких складывается обстановка, и проанализировав следующий дополнительный ряд цифр.

По данным разведывательного отдела штаба армии [1], распределение сил противника на ее фронте к 14 марта выглядело так (схема 4).

Приходилось на 1 км фронта

№ по порядку	Наименование участков фронта	Стрелков	Пулеметов	Легких орудий	Тяжелых орудий
1	Против правого фланга армии (участок Медзяны—Дуки) . .	600	7	6	1,5
2	Против центра (участок Дуки—Занароча)	400	3—1/3	4	2/3
3	Против левого фланга (участок Занароча—д. Спяглица) . . .	500	7	5,5	1,75
	В среднем	500	около 6	немного более 5	1—1 1/3

[1] ЦВИА, дело 112—720, стр. 37.

Считая на стрелка десять выстрелов в минуту и на пулемет 150, мы получаем достаточно мощную огневую плотность ружейно-пулеметного огня (шесть пуль в минуту на один погонный метр фронта), чтобы придать обороне жесткий характер. Если к этому количеству ружейно-пулеметного огня прибавим еще огонь артиллерии (6⅓ орудий на 1 км фронта), то получим отправные данные для суждения о том, что оборона немцев на фронте 2-й армии была достаточно надежной и крепкой.

Чем должны были обладать русские, чтобы взломать эту оборону? Для ответа на такой вопрос сделаем расчет артиллерии, как основного ударного средства наступающего.

Немцы имели 720 орудий. Для подавления их необходимо было располагать (при полуторном превосходстве) минимум 1 080 орудиями, преимущественно крупных калибров. Для подавления огневых точек переднего края, проделывания проходов в проволочных заграждениях и поддержки пехоты при борьбе в глубине обороны противника требовалось (из расчета 4—6 орудий на 1 км фронта) еще минимум 300 орудий, т. е. всего с указанными выше — 1 380 орудий.

В действительности армия располагала 887 орудиями, то-есть не была усилена до минимальной потребности примерно на 30—40%.

Недостаток чувствовался не только в орудиях, но и в снарядах. Минимальная потребность их на один день наступательного боя определяется в настоящее время в 300—400 снарядов для легкого орудия и 200—300 снарядов для тяжелого орудия. Между тем штабом русского Западного фронта[1] для мартовского наступления 1916 года указывались следующие пределы расхода артиллерийских снарядов на один день боя:

по 3-дм. пушке — 200 выстрелов,
по 48-лин. полевой гаубице —100 выстрелов,
по 42-лин. пушке и 6-дм. гаубице —50 выстрелов.

Возможна ли была в этих условиях наступательная операция 2-й армии?

Мы отдаем себе отчет в недостатке артиллерии во 2-й армии, в неполном обеспечении ее артиллерийскими снарядами, но должны заявить, что совершенно безнадежного положения не было. В данных условиях артиллерийского обеспечения армия могла наступать и успешно разрешать поставленную ей боевую задачу. Весь вопрос был в том, чтобы имеющееся количество артиллерии и отпускаемые ей артиллерийские снаряды использовать не только грамотно, но умело и искусно. Тем более, что противник морально был надломлен и против 2-й армии стояли не лучшие, а худшие части германской армии. Все лучшее противником было отдано на французский фронт, где в это время решалась основная и главная задача — захват Вердена, перемалывание французской армии на верденской «мясорубке» и выход германской армии к Парижу.

---

1 ЦВИА, дело 442, стр. 388.

На Восточном фронте планы немцев, как это верно показал захваченный в плен немецкий офицер, не шли дальше удержания того, что здесь было захвачено ранее; немцы имели здесь чисто пассивную задачу и никакими планами наступательных действий не задавались, между тем как против них, по выражению наштаверха русской армии генерала Алексеева, «на каждый полк поставлена была дивизия и на дивизию — корпус».

Вывод. Средств у русских нехватало, живой силы был избыток, отсюда разрешения задачи надо было ожидать ценою гибели десятков тысяч жизней. Этим командование русской армии должно было оплатить свою техническую отсталость.

Глава четвертая

Район предстоящих действий

Участок местности, на котором в 1916 году велось мартовское наступление русских, ограничивается (см. по десятиверстной карте и схему 6): с севера — многочисленной группой озер: Лакай, Эйсита, Дрингис, Дисна, Дрисвяты, Укля, Перебродье; с юга — линией населенных пунктов Ошмяны, Вилейка и Долгинов; с запада участок можно ограничить линией озер Лакай, Освие и г. Ошмяны; с востока условно границу можно провести по 2-му меридиану от Пулкова.

Рассматриваемый район представляет собой часть того исторического пути, который с давних пор вел из Западной Европы к Москве, по которому в свое время двигались войска Наполеона, в 1915 году наступали немцы и в 1919 году устремлялись к жизненным центрам нашей страны белополяки. По этому пути в 1920 году совершала свое победное движение Красная Армия, когда преследовала отходящего противника — белополяков — к Варшаве.

На том участке, где в 1916 году разыгралась кровавая Нарочская драма, Красная Армия при своем преследовании белопольских частей нашла не только не разрушенными, но еще более развитыми и усовершенствованными старые германские окопы. Мощным порывом своих частей она овладела этими окопами, опрокинула зацепившегося за них противника и заставила уцелевшие его части поспешно отступать к западу.

Описываемый нами район, по которому в свое время прошло столько войск разных противников, где проведено было столько боев, который так густо залит человеческой кровью, по устройству своей поверхности представляет две отличные друг от друга части — северо-восточную, по преимуществу возвышенную, и юго-западную, преимущественно низменную.

Низменная часть заполнена многочисленными озерами, болотами и лесами. По ней протекает целый ряд рек и мелких речек. Из озер мы должны отметить: Нарочь, Мядзиол, Швакшты, Свирь и Вишневское. Из болот — огромные участки их, тянущиеся: первый — вдоль железной дороги Вильно, Двинск (Даугавпилс); второй — между Нарочь, ст. Подбродзе — справа и Вилейка, Вильна — слева; третий крупный болотистый участок тянется к юго-востоку от Нарочь;

четвертый участок расположен в северо-восточном углу рассматриваемого района, по р. Дисенка.

Наиболее труднодоступным является первый участок, не дающий крупным войсковым массам продвигаться в западном и северо-западном направлениях далее железной дороги Вильна — Двинск (Даугавпилс). Второй болотистый участок (более доступный), затрудняя движение наступающего к западу, в то же время мог создавать ему обеспечение левого фланга. То же можно сказать в отношении обеспечения правого фланга наступающего с востока на запад; четвертый участок болот, в северо-восточном углу района, мог служить ему хорошим обеспечением справа.

Озера не представляют серьезной преграды для войск, которые при наступлении могут их обходить, но они своим положением по отношению друг к другу стесняют маневр наступающих частей, обусловливают движение их в определенном направлении, чем создают возможность для противника становиться на пути такого движения и использовать естественные условия местности (узости, межозерные дефиле) для организации малыми силами и небольшими средствами крепкой обороны.

Реки рассматриваемого района: Мядзелка, Камайка, Свила, Вилия, Вилейка, Ошмяна текут преимущественно в северном направлении; Жемяна, Страча, Б. Перекоп и Спяглянка — к югу и юго-западу, все под прямым углом к наступающему с востока на запад. Тем самым все эти реки становятся преградами на путях наступления. Особенно серьезную преграду может представить р. Вилия, которая требует переправочных средств при форсировании.

Северо-восточная часть района представляет собой ряд небольших возвышенностей, постепенно от условной линии ст. Воропаево, оз. Нарочь поднимающихся к северо-западу и круто потом спускающихся в болотистый район за железной дорогой Вильна—Двинск (Даугавпилс).

Возвышенная часть района на всем своем протяжении имеет более высокую, командующую правую сторону (если смотреть с востока на запад); эта сторона гуще заселена и располагает большим количеством дорог. По ней в 1916 году проходила важнейшая в данном районе железная дорога Полоцк—Воропаево. Другая железная дорога Полоцк — Молодечно только небольшой своей частью проходила по району, сразу сильно уклоняясь в юго-западном направлении и быстро выходя за пределы района.

В расположении противника имелись также две железные дороги: рокадная Вильна — Двинск (Даугавпилс) и вторая, обеспечивающая подвоз из глубины Уцяны — Кобыльники.

Шоссейных дорог в рассматриваемом районе не было; грунтовых дорог было достаточно во всех направлениях. В направлении наступления большие грунтовые дороги проходили: первая — от Дуниловичи на Поставы, Годутишки, Свенцяны; вторая — от Будслава на Н. Мядзиол, Кобыльники, Лынтуны, Свенцяны; третью большую грунтовую дорогу мы можем отметить от Ижи на Спяглу, Шеметово, Желядзь с поворотом отсюда одного ответвления на Свенцяны, другого — в сторону Вильны.

В расположении противника мы должны отметить дороги: Повевиорка, Свенцяны; Лабанары, Колтыняны, Свенцяны; Давгелишки, Свенцяны, которые могли быть использованы немцами как рокадные пути и пути подвоза к фронту из глубины.

Свенцяны являются пунктом, собирающим наибольшее количество грунтовых путей. Располагаясь в треугольнике железных дорог Ново-Свенцяны, Подбродзе, Лынтуны, они являются таким же центральным пунктом по отношению к проходящим здесь железным дорогам. Захват наступающими железнодорожного треугольника Ново-Свенцяны, Подброзде, Лынтуны разобщает Вильну от Двинска, т. е. прерывает связь и боевое взаимодействие двух важных участков фронта противника.

Без овладения этим районом действия наступающего будут затруднены; при движении в сторону Двинска он может получить удар по своему левому флангу и в тыл со стороны Вильны; при движении в сторону Вильны — опасность такого же удара по своему правому флангу и в тыл со стороны Двинска.

По условиям местности овладеть районом с треугольником железных дорог можно скорее в том случае, если боевой порядок наступающего будет построен в сторону его правого фланга, когда главный удар им будет наноситься этим флангом. Здесь, на правом фланге, более возвышенная и сухая часть района, большее количество путей сообщения, незначительное число рек, в большинстве случаев мелких, мало лесов и болот. Сгущение боевого порядка наступающего к правому флангу вызывается также удобствами проходящей здесь железной дороги, которую будет седлать ударная группа, и обеспеченностью правого фланга наступающего широким, труднодоступным болотистым районом.

Построение боевого порядка в сторону левого фланга не дает таких выгод, так как при своем продвижении ударная группа будет стеснена лесными массивами, болотистыми районами и межозерными теснинами; в этом направлении нет железной дороги, и правый фланг наступающего все время будет находиться под ударами противника, владеющего вправо от наступления удобными командующими пунктами с широкой возможностью маневрирования.

Так выглядит район в условиях боевых действий летом. Зимой картина несколько меняется. В качестве преград исчезают реки и многочисленные озера и болота, движение по которым делается возможным. Известные преимущества для наступательных действий приобретает теперь левый, юго-западный, низменный участок района. Наступление можно вести по замерзшим озерам и болотам. На последних противник не сможет строить такой прочной обороны, как на сухих, возвышенных местах. Оборонительные сооружения здесь могут быть только легкого типа, поэтому их скорее можно разбить и легче взломать оборону. Наступление, кроме того, может зимой вестись по кратчайшему направлению на Вильну, при соответствующем обеспечении своего правого фланга, что дает наступающему большую экономию во времени, силах и средствах при организации наступления.

По статистическим климатическим данным, обыкновенно в середине марта, а зачастую и раньше этого срока, в описываемом районе наступает весна. Это необходимо серьезно учитывать, организуя наступление с ударом левым флангом. Необходимо в данном случае рассчитывать время так, чтобы операцию, хотя бы в первом ее этапе, закончить до весенней распутицы, захватив к этому времени Вильну и выйдя основной массой войск на 5-й меридиан от Пулкова. Чтобы выполнить такую задачу, операцию нужно начинать не позже 20-х чисел февраля. Опоздание может свести начало операции к такому моменту, когда невозможно будет наступать ни по летнему, ни по зимнему варианту. Так оно и случилось в 1916 году.

Вывод. Рассмотренный участок местности для наступательных боевых действий крупных войсковых масс невыгоден; он стесняет маневр наступающего, позволяет обороняющемуся малыми силами и средствами строить крепкую оборону, таит в себе огромные трудности, могущие возникнуть для наступающего в дождливое время года и весной, при таянии снега. А так как момент наступления русских в 1916 году был подтянут к самой весне и таянию снега, то, учтя болотистый характер местности, обилие озер и большое количество лесов и кустарников, мы должны притти к выводу, что выбор данного района для крупной наступательной операции в это время года был прямым, ничем не оправдываемым преступлением русского верховного командования.

Глава пятая

Организация наступления 2-й армии

Решения и распоряжения командующего 2-й армией

Обстановка, сложившаяся на фронте 2-й армии к моменту ее наступления, могла командующему этой армией представляться в следующем виде.

1. **Противник** имеет более сильную группировку против флангов армии (см. таблицу на стр. 47). Здесь он располагает большим количеством пулеметов и артиллерии, здесь разведкой выявлены у противника тыловые полосы укреплений: против правого фланга — у Годутишки, против левого — между озерами Нарочь и Свирь.

Вывод. Группировка противника диктует наносить удар по его центру, как наиболее слабому месту оборонительного расположения противника.

2. **Соседи.** По приказу главнокомандующего Западным фронтом, 1-я армия, располагавшаяся правее 2-й, должна наступать на Видзы, Давгелишки; 10-я — слева — получила задачу перейти в наступление в направлении на Вильну, когда обозначится успех 2-й армии.

Постановкой таких задач главнокомандующий, видимо, предусматривал основные усилия группы армий сосредоточить на их правом фланге, тем более, что в соответствии с наступлением правофланговых армий Западного фронта должно было вестись наступление армий Северного фронта. Правофланговые армии Западного и левофланговые Северного фронтов должны были решать общую задачу, выходящую из рамок одного фронта. Эта задача должна была тянуть усилия правофланговых армий Западного фронта вправо, не расчленяя их поворотом налево или выдвижением прямо перед собой.

Вывод. Обстановка диктовала командующему 2-й армией строить свою операцию в соответствии с действиями своих правофланговых соседей — армий Северного фронта и 1-й армии Западного.

3. **Свои войска.** 16 марта, за день до начала атаки, генерал Рагоза донес Эверту [1]: «Знакомился с ближайшими помощниками,

[1] ЦВИА, дело 112—718, стр. 56.

многими начальствующими лицами, осмотрел часть района армии и видел пять полков. Почитаю долгом донести об отличном состоянии войск, бодром настроении и полном обеспечении их в пределах того, что нам подали. Штабы работают прекрасно; офицеры генерального штаба вне упрека; тыловые учреждения армии и войск, не покладая рук, творят свою невидную работу, — а все, от генерала до рядового, проникнуты одной мыслью, одним желанием, чтобы работать не за страх, а за совесть, чтобы эта работа привела нас к давно желанной победе».

На самом деле — мы видели раньше — все это было не так. Объехав пять полков (из 75 бывших в армии), Рагоза не мог ознакомиться с «многими начальствующими лицами» армии; «отличное» состояние войск было больше в его фантазии, чем на самом деле; о «прекрасной» работе штабов он вывел настоящее суждение несколько позже, во время операции; то же нужно сказать и о работе тыловых учреждений. Армия, как мы видели, нуждалась в самом необходимом: не только в пушках, винтовках, снарядах и патронах, но даже в продовольствии.

Что же тогда представлял собой аллилуйный доклад генерала Рагозы и кого он им обманывал? Ответ простой: безответственную болтовню и сплошную ложь. Обманывал же Рагоза прежде всего самого себя.

4. **Местность.** Из описания района предстоящих действий мы видели, что большие удобства для наступления в летних условиях имелись на правом фланге 2-й армии, в зимних условиях — на левом. Время проведения операции подходило к весне, и командующему 2-й армией нужно было серьезно задуматься над вопросом, по какому варианту, летнему или зимнему (независимо от других условий), ему нужно было строить свою наступательную операцию.

5. **Задача.** Приказом главнокомандующего фронтом на 2-ю армию возлагалась задача «сосредоточить свои силы на своих флангах, перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося против фронта армии, и затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты».

Нельзя сказать, чтобы поставленная задача была ясна и последовательна. С одной стороны, требовался маневр — удар обоими флангами; с другой — этому маневру определялась слишком небольшая глубина, чтобы части на ней сумели разбить противника; требование же наступать на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты уже хоронило намечаемый маневр и приводило части к простому фронтальному оттеснению противника. Одно исключало другое: либо маневр на достаточную глубину с захватом района Свенцян, и тогда можно говорить о том, чтобы разбить противника, либо фронтальное выталкивание противника из занимаемого им участка, без возможности его разбить.

Ведь что значит в современных условиях разбить противника? Это значит: преодолеть всю глубину тактического расположения противника и вслед за этим и те части, которые за это время будут подброшены в район завязавшихся боев походом, на автомобилях и по железным дорогам.

Схема 6 Район боевых действий в мартовском наступлении 1916 года

С этой стороны, при постановке задачи 2-й армии разбить противника, необходимо было нацеливать удар глубже и требовать обязательного захвата района Свенцян, позволяющего противнику маневрировать по фронту и из глубины. Главнокомандующий фронтом такой задачи 2-й армии не поставил, и его требование разбить противника повисло в воздухе.

Неясным является также требование главнокомандующего наступать на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты. Каким темпом вести такое наступление и когда чего достигнуть? Четко не поставив такой задачи, можно и в лучших условиях обречь операцию на провал. Части будут наступать темпом 2 — 3 км в сутки и считать, что они выполняют поставленную им задачу. Противник в это время по железным дорогам, на автомобилях и походным порядком будет подвозить свои резервы и срывать успех наступления.

Кроме того, фронтальное наступление исключало взаимодействие фронтов, намеченное Ставкой. Оно уже в стадии фронтового решения отменяло намерения верховного командования.

Как должен был в этом случае поступить командующий 2-й армией? Он должен был дать свое решение, которое в основу угла положило бы первое требование главнокомандующего фронтом — разбить противника. Для этого командующий 2-й армией должен был, по нашему разумению, построить свою операцию в тесной увязке с соседями справа. Он должен был, исходя из всех перечисленных выше условий, центр своих усилий перенести направо и главный удар наносить на этом направлении. В своем решении командующий 2-й армией должен был поправить главнокомандующего фронтом, поставив более решительно задачу о захвате Свенцянского района с последующим выходом частей 2-й армии в район Уцян.

Что же на самом деле решил генерал Рагоза? Как он наметил разбить противника?

Перед нами схемы расположения войск, входящих во 2-ю армию к моменту наступления, и решения командующего 2-й армией (схемы 7 и 8).

Командующий армией принял решение из находящихся в его распоряжении войск создать три армейские группы: северную — генерала Плешкова, центральную — генерала Сирелиуса и южную — генерала Балуева.

Директивой от 15 марта 1916 года № 1280 [1] он поставил этим группам следующие задачи на операцию:

«Командирам корпусов 1-го сиб., 4-го сиб., 5-го, 15-го и 35-го арм. Копия: Наштазап, Генкварверх и командующим 1-й и 10-й армий. Секретно. Карта 3 версты. Будслав, 8 ч. 30 м. утра 2.3. Оперативная.

Войска Северного и Западного фронтов переходят в решительное наступление.

На 2-ю армию возложена задача разбить противника, находящегося перед фронтом армии, и затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты.

[1] ЦВИА, дело 112—719, стр. 49—50.

Задачу эту армии приказано выполнить во что бы то ни стало. Полоса наступления ограничивается: с севера — линией Медзины, Меленгяны, Цейкине, сев. окраина оз. Кретоны; с юга — линией

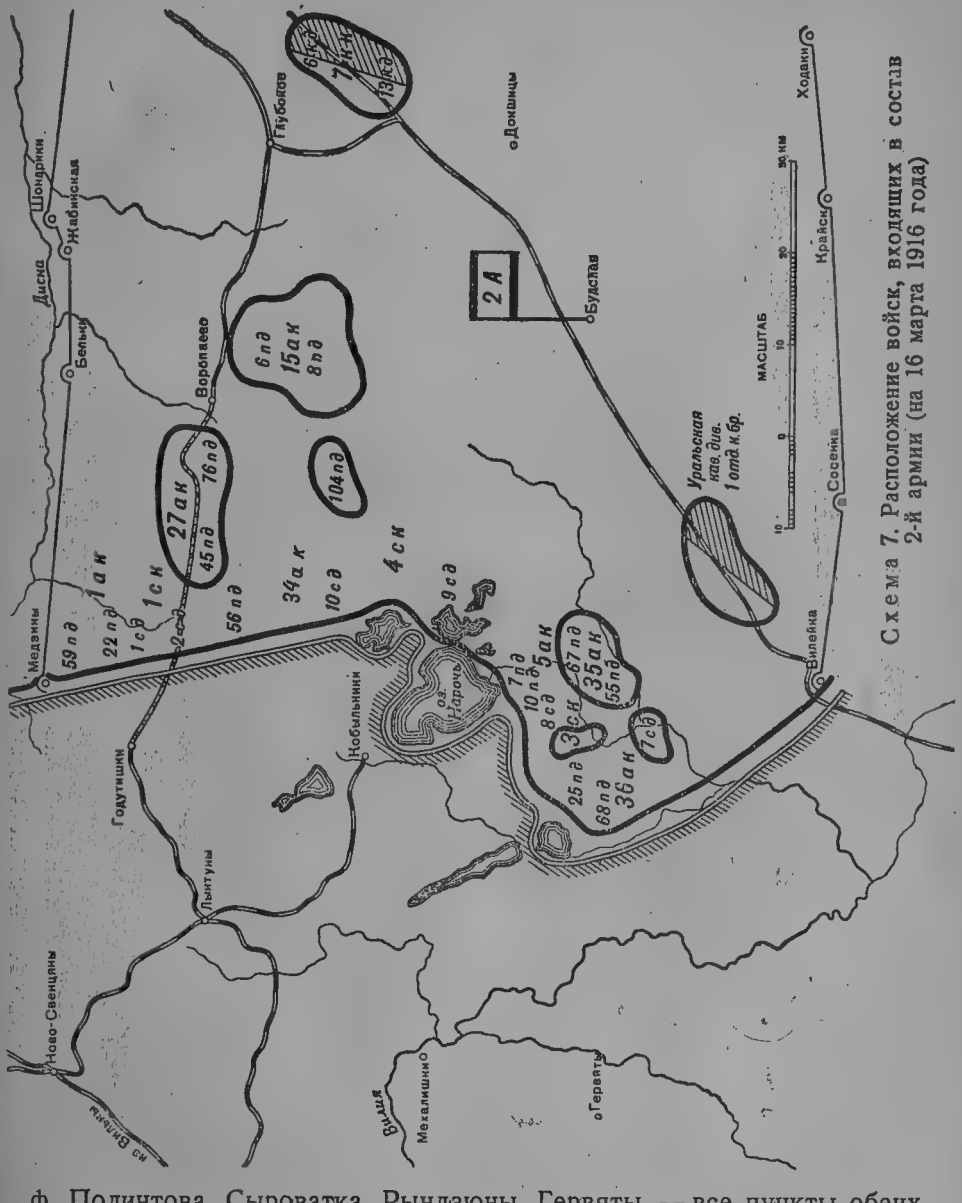


Схема 7. Расположение войск, входящих в состав 2-й армии (на 16 марта 1916 года)

ф. Полинтова, Сыроватка, Рындзюны, Гервяты, — все пункты обеих границ для 2-й армии включительно. Невзирая на эти разграничительные линии, армиям приказано оказывать самую энергичную поддержку соседям и полное содействие развитию достигнутого ими успеха.

Во исполнение поставленной армии задачи, приказываю:

1. Группе ген. Плешкова, в составе 1-го арм., 1-го сиб. и 27-го арм. корпусов и 7-го кав. корпуса, прорвать расположение против-

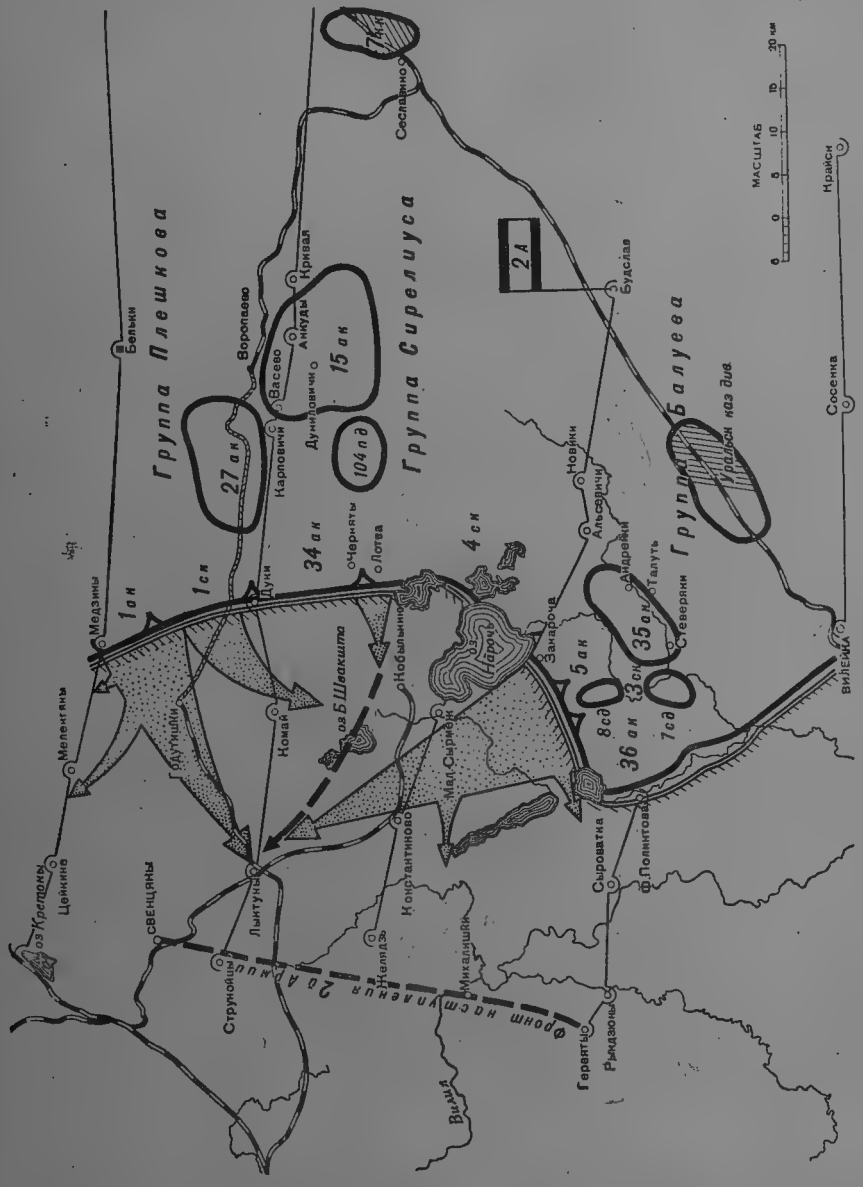


Схема 8. Решение командующего 2-й армией на наступление в марте 1916 года

ника на фронте Медзины, Дуки; дальнейшее наступление развивать в общем направлении на Лынтуны, направив часть сил для удара во фланг войск противника, расположенных перед группой

ген. Сирелиуса. Группе держать связь с 1-й армией, обеспечивая себя при дальнейшем наступлении справа.

2. Группе ген. Сирелиуса, в составе 34-го арм. и 4-го сиб. корпусов без 104-й дивизии, выделенной в армейский резерв, атаковать противника на участке Черняты, Лотва с целью приковать его к своему фронту. С развитием успеха соседних групп войскам группы продвигаться в общем направлении на Лынтуны.

3. Группе ген. Балуева, в составе 5-го, 36-го и 3-го сиб. корпусов и Уральской казачьей дивизии, прорвать расположение противника на фронте оз. Нарочь — оз. Вишневское и, обеспечивая себя слева, развить дальнейшее наступление в общем направлении на оз. Бол. Швакшта — Лынтуны.

4. Всем группам иметь сильные резервы.

5. 104-й пех. дивизии оставаться в ныне занимаемом районе, поддерживая связь со штабом армии через штаб группы ген. Сирелиуса.

6. 15-му и 35-му арм. корпусам, составляя резерв главнокомандующего, оставаться: 15-му корпусу — в районе Дуниловичи, поддерживая связь со штабом армии через штаб группы ген. Плешкова, а 35-му арм. корпусу — в районе Андрейки, Талуть, Стеверяки, поддерживая связь со штабом армии через штаб группы ген. Балуева. Названным корпусам быть в полной готовности к немедленному выступлению на фронт.

7. Разграничительные линии назначаются: между группами ген. Плешкова и Сирелиуса — Дуки, Комай, Лынтуны, Струнойцы —для группы ген. Плешкова включительно; между группами ген. Сирелиуса и Балуева — Занароча, Мал. Сырмеж, Константиново, Желядзь —для группы ген. Балуева включительно.

Означенные границы районов отнюдь не должны стеснять свободного маневрирования групп и взаимной поддержки смелым маневром, при котором указанные границы могут быть временно нарушены.

8. Тыловые полосы групп остаются прежние.

9. Начало наступления по особому приказу.

10. О времени получения настоящей директивы донести».

(Подписи).

Разбор решения и директивы командующего 2-й армией

Анализируя требования командующего 2-й армией, как они выражены в его директиве от 2 марта (по ст. стилю), мы приходим к следующим выводам.

1. Командующий 2-й армией не поправил главнокомандующего фронтом в смысле более решительной постановки задачи войскам — разбить противника. Вслед за главнокомандующим он также намеревается это сделать в непосредственной близости от линии фронта, не засматривая в глубину боевого расположения противника и не считаясь с вводом им в бой своих резервов. Отсюда задача войскам ставится крайне узко, — она по существу сводится

только к прорыву укрепленной полосы противника, после чего войска должны «развивать наступление в общем направлении на Лынтуны». Задачи захвата Лынтуны не ставится, следовательно, ясно выраженного намерения действительно разбить противника не чувствуется.

2. Интересно указание командующего армией о направлении части сил группы генерала Плешкова, после прорыва фронта, во фланг противнику, действующему против группы генерала Сирелиуса. Или генерал Рагоза боится, чтобы этот противник поспешно не ушел с линии фронта, не будучи разбитым, или он остерегается контрдействий со стороны противника по своей центральной группе.

Скорее надо предполагать последнее, хотя, казалось бы, для целей развития успеха лучше, если бы противник вклинился в расположение 2-й армии. Охваченный здесь с флангов, он полностью мог бы быть тут уничтожен.

3. По смыслу директивы командующего, наступление, после прорыва фронта, должно производиться прямо к западу, то-есть фронтально. Противник в этом случае будет выталкиваться из занимаемого района, и выталкиваться в такой мере, в какой хватит сил у войск 2-й армии. Никакой активности, никакой целеустремленности и дерзости у войск армии в отношении противника не предполагается. Замыслы генерала Рагозы крайне скромны и робки, в них не видно решимости разбить противника.

Это со стороны идеи наступления.

Со стороны технического выполнения задачи:

1. Несмотря на требование главнокомандующего удар наносить флангами, командующий 2-й армией расставил для наступления свои войска так:

а) группа генерала Плешкова — участок по фронту 20 км; в первой линии: 1-й армейский и 1-й сибирский корпуса — всего 91 499 штыков, 1 697 сабель, 144 легких и 116 тяжелых орудий. На 1 км фронта: 4 660 бойцов и 13 орудий;

б) группа генерала Сирелиуса — участок по фронту 15 км (исключая озера); в первой линии: 34-й армейский (без одной дивизии) и 4-й сибирский корпуса — всего 65 229 штыков, 1 092 сабли, 101 легкое и 12 тяжелых орудий. На 1 км фронта: 4 421 боец и 7,5 орудий;

в) группа генерала Балуева — участок по фронту 22 км; в первой линии: 5-й и 36-й армейские корпуса, 3-й сибирский корпус только наблюдает проходы болотистого участка против оз. Слободское — всего 94 111 штыков, 1 543 сабли, 153 легких и 66 тяжелых орудий. На 1 км фронта: 4 802 бойца и 10 орудий.

Сравнивая все эти цифры, видим, что войска и артиллерия распределены по фронту почти равномерно, нигде ударной группировки не создано; требование главнокомандующего бить флангами не выполнено. Ударное назначение фланговых групп при этой группировке, принятой командующим 2-й армией, превратилось в пустой звук.

2. «Всем группам, — указывает командующий в своей директиве,— иметь сильные резервы». Какова цель создания таких резервов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, какие резервы были образованы и как они по фронту армии были расставлены (см. схему 9 на стр. 72—73).

Из схемы видим, что фланговые группы, занимавшие более широкий фронт, имели в резерве по корпусу; центральная группа, располагавшая меньшим активным фронтом, имела в резерве дивизию. То же нужно сказать и в отношении корпусов и дивизий: всюду, как в группах Плешкова и Балуева, так и в группе Сирелиуса, равномерно за передовыми частями стоят резервные части. Резервы главнокомандующего, особенно 15-й корпус, поставлены симметрично линии фронта; 15-й корпус при необходимости с одинаковым успехом может быть использован на участках северной и центральной групп.

Иными словами, командующий 2-й армией, готовясь наступать, свои силы расположил строго оборонительно, везде прикрылся со стороны противника, словно не он собирался наступать, а противник.

3. Управление и связь. (Схемы 10 и 11). Основные войска армии, при стабилизации фронта по окончании наступления немцев осенью 1915 года, простояли на одних и тех же местах более пяти месяцев. За это время ими установлена была достаточно надежная связь по фронту и в глубину, оборудованы штабы и налажена в них работа. Но то, что было сделано в зимних условиях для позиционной войны, теперь, с переходом в наступление, не годилось. И штабы, и тыловые учреждения должны были подтянуться ближе к фронту. Связь с войсками должна была быть короче и действеннее. Быстро меняющаяся обстановка потребует срочных решений не только от командиров полков и дивизий, но и от корпусов, армейских групп и командующего армией.

С этой стороны не может не удивлять расположение ряда штабов частей 2-й армии в момент мартовской операции. Штаб армии — Будслав — находился примерно в 40 км от линии фронта, штаб 1-го сибирского корпуса (он же штаб правофланговой армейской группы) — Воропаево — примерно в 30 км. Между тем условия связи у штабов армии и корпуса с подведомственными частями разные. Штаб армии может быть спокоен за связь, располагая телеграфным и телефонным проводом. В редких случаях противник перебьет эти провода и нарушит связь. Не то у корпуса (одинаково и армейской группы, командир которой оставался в роли начальника своих дивизий), связь которого с дивизиями не могла покоиться на одном телефонном проводе и обязательно должна была дублироваться конными и пешими посыльными. В условиях тридцатикилометрового удаления штаба корпуса от линии фронта такая связь будет и тяжелой, и ненадежной.

Уход командира 1-го сибирского корпуса в глубокий тыл, как увидим ниже, поставил под угрозу вопрос связи его с подчиненными войсками, он лишил его возможности в нужную минуту управлять войсками. Так же далеко, видим мы, удалились от линии фронта начальники 59-й и 22-й дивизий (12 км от линии фронта) и командир 34-го армейского корпуса (18 км, см. схему 9).

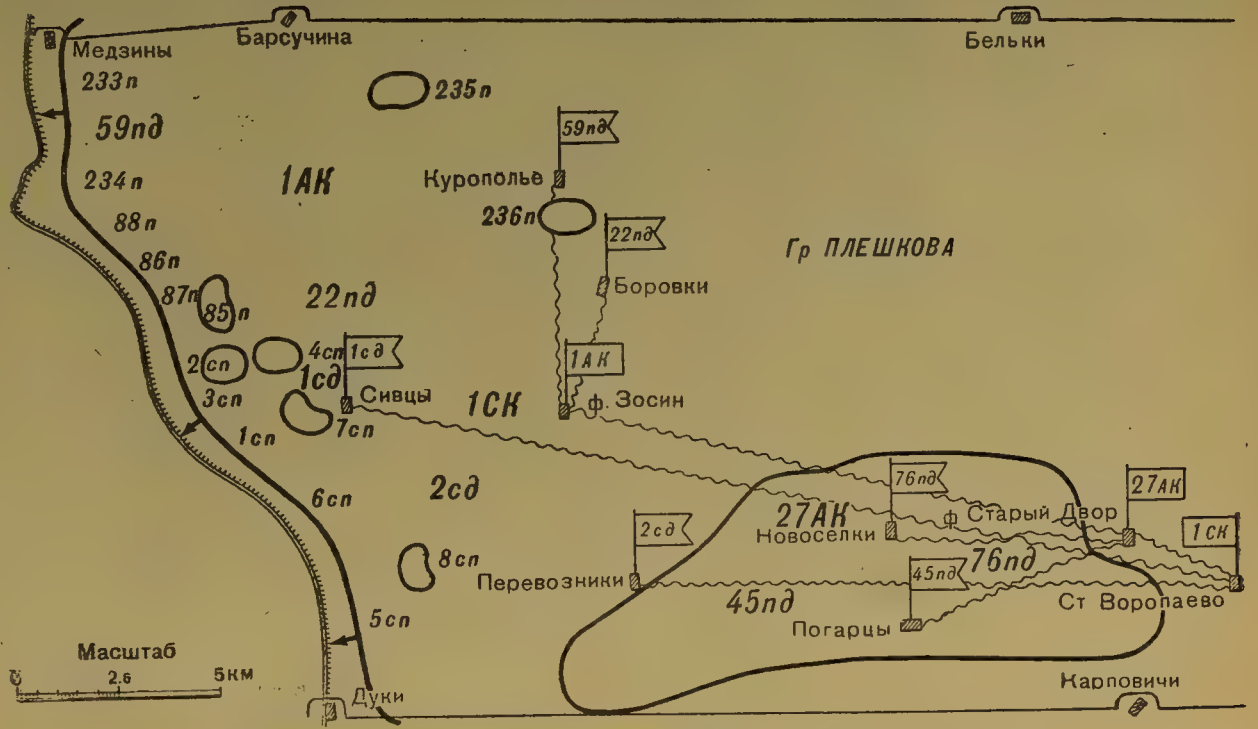


Схема 10. Организация управления и связи в группе ген. Плешкова

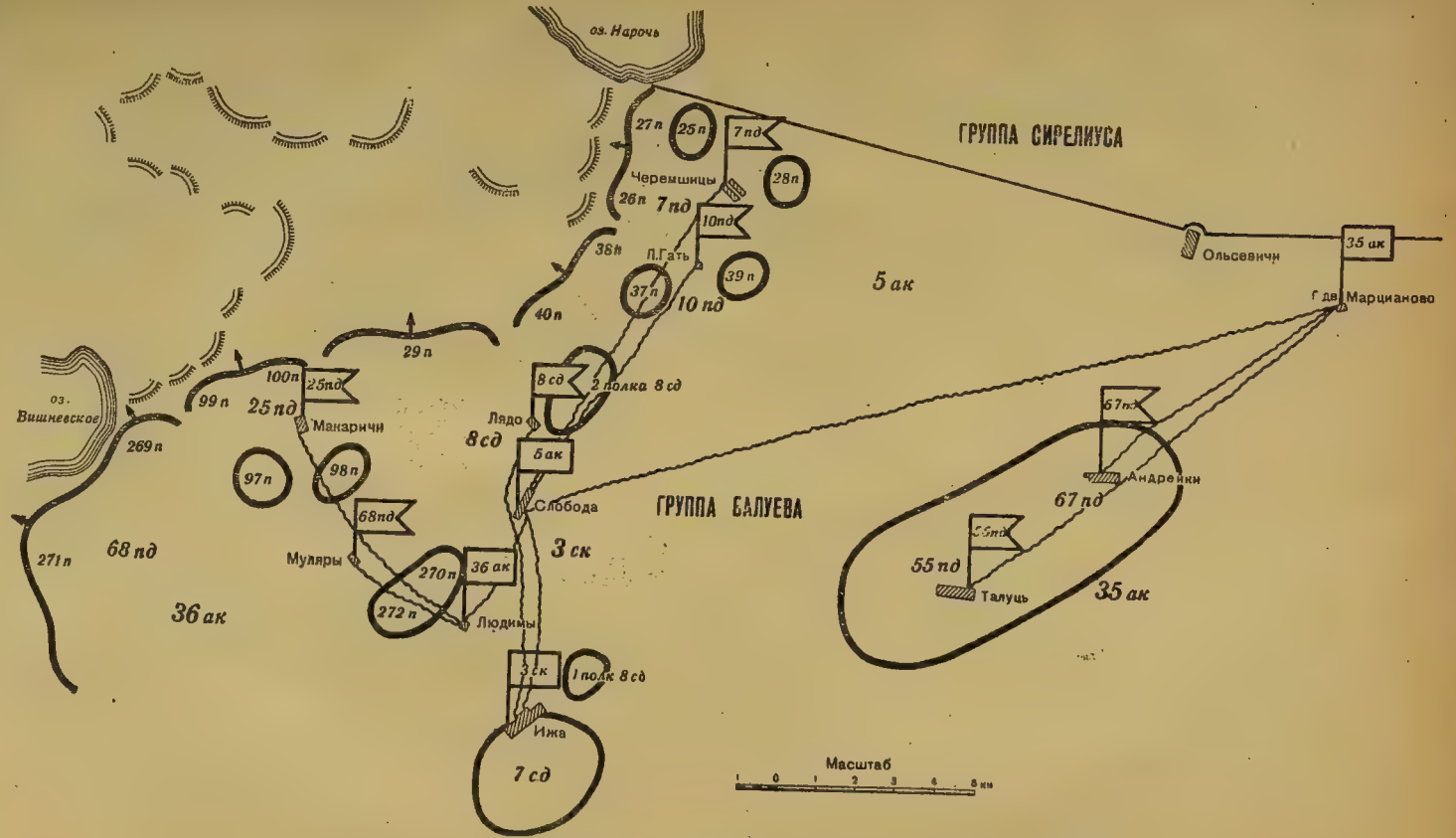


Схема 11. Организация управления и связи в группе ген. Балуева

Несмотря на такое большое удаление от линии фронта, штабы, тем не менее, размещены не на территории своих участков: штаб 1-го армейского корпуса, например, расположился на участке 1-го сибирского корпуса — ф. Зосин (схема 10), а 5-го армейского (схема 11) — на территории 3-го сибирского корпуса (Слобода) и т. д.

Все это создавало путаницу во взаимоотношениях и связи одних частей с другими. Посыльные попадали не в свои штабы; необходимые донесения вручались не тем, кому они были адресованы; от этого происходила утеря и задержка документов, иногда весьма срочных; ожидаемые распоряжения не получались в частях вовремя, создавалось напряженное положение, которое часто заканчивалось решением, не соответствующим видам старших начальников.

Во всех штабах излишне много писали: давались всякого рода указания, требовались сведения, составлялись сводки. Но, как правило, никто из старших начальников не выезжал на места, лично сам не смотрел, что делалось на фронте, как справляются части с возложенными на них задачами. Днем шел бой, обстановка складывалась для войск тяжелая, но все равно никто не шевелил пальцем до вечера, когда составлялась сводка. По сводке командующий группой ориентировался в обстановке, доносил о случившемся командующему армией; тот знакомился с донесениями групп по сводке штаба армии около 24 часов, в начале второго часа ночи давал свои указания, последние поступали в части к утру; между тем за ночь обстановка могла измениться так, что полученные указания командующего армией совершенно ей не отвечали.

Кроме того, указания давались не в форме требования, обязательного к исполнению, а в виде пожелания, которое можно было выполнить, а можно было под всякими предлогами и не выполнять. Предлогов этих всегда находилось более чем достаточно, и по поводу их между частями и соединениями армии велась обширная переписка.

Наконец, нельзя не отметить затруднительности управления при создании в армии оперативных групп. Назначенные командующими группами командиры 1-го сибирского, 4-го сибирского и 5-го армейского корпусов не освобождались от командования своими корпусами, а их штабы одновременно должны были обслуживать своей работой и группы и войска корпуса. Все это не могло не отражаться на успешности работы командования и штабов, тем более что группы не имели своего отдельного снабжения и в нужную минуту лишены были возможности «подбросить» частям то, в чем они нуждались.

4. Ставя задачи войскам на прорыв укрепленной полосы противника, командующий армией ни звуком не обмолвился в своей директиве о характере использования артиллерии, инженерной подготовки района наступления, организации тыла и мерах скрытности в подготовке наступления. Между тем на последнее обращал его внимание в своей директиве главнокомандующий фронтом.

Как были решены первые три задачи, мы об этом скажем несколько позднее. Что же касается скрытности наступления, то

в Нарочской операции 1916 года она выглядела секретом полишинеля.

В старой русской армии не принято было скрывать многое из того, что должно было быть секретным. Знакомясь с делами крупных армейских штабов, мы находим там, например, такие запросы [1]: «Прошу сообщить, в какую армию входит имение «Вишнев» графа Хребтовича-Бутенева, Ошмянского уезда, Виленской губернии?»

И граф Хребтович-Бутенев получал услужливый ответ: имение такое-то «в ночь на 12 января 1916 года входило в район 10-й армии».

После Нарочской операции отмечали плохое соблюдение русскими военной тайны. Уже 14 марта (устанавливалось позднее следственными органами) среди конюхов и денщиков старшего командного состава открыто шли разговоры о предстоящем наступлении. Такие же разговоры, с их слов, велись среди местного населения.

Людендорф в своих воспоминаниях отмечает, что уже «с начала марта к нам поступали сведения о готовящемся наступлении русских на Вильну».

Стягивание войск к месту атаки производилось преимущественно походным порядком. Длинные колонны передвигаемых частей узкими черными лентами легли на засыпанные снегом дороги. Русская авиация была слаба. Превосходство в воздухе принадлежало противнику. Противник мог безнаказанно вести разведку сосредоточения войск в районе 2-й армии и совершенно точно определять количество передвигаемых в этот район войск и железнодорожных эшелонов.

К моменту наступления немцы точно знали, где и какими силами будут наступать русские. Там, где их окопы близко подходили к русским, они кричали русским солдатам: «Русс! Пора наступать!» Пленные точно были осведомлены, что наступление готовится от Двинска. Их расчеты в этом отношении несколько попутал главнокомандующий Северным фронтом генерал Куропаткин, который в самый последний момент изменил свое решение наступать со стороны Двинска и отнес направление главного удара несколько севернее этого пункта, к Якобштадту.

Вывод. Вопросу скрытности подготовки операции во 2-й армии не было уделено не только достаточного, но, можно сказать, никакого внимания, поэтому подготовляемый ею удар для противника не оказался неожиданным. Может быть, в одно время с получением в частях 2-й армии приказа Эверта на наступление он был уже известен противнику. По крайней мере, разведсводка Ставки от 22 марта говорила о том, что немцы имеют у себя приказ главнокомандующего Западным фронтом, начинающийся словами: «Войскам Западного фронта...» и кончающийся: «бог да поможет вам в святом деле».

5. Организация артиллерийского огня (см. схему 12 на стр. 88—89) была произведена командующими группами по своему усмотрению.

---

[1] ЦВИА, дело 278—946, стр. 473.

В группе генерала Плешкова вся тяжелая артиллерия была сведена в одну группу генерала Закутовского. К ней была добавлена вся артиллерия резервного 27-го армейского корпуса и, поскольку генерал Закутовский являлся инспектором артиллерии 1-го сибирского корпуса, легкая артиллерия этого корпуса. Таким образом, к моменту атаки на фронте Плешкова действовали:

а) группа легкой артиллерии 1-го армейского корпуса —72 орудия,

б) артиллерийская группа Закутовского—вся артиллерия 1-го сибирского и 27-го армейского корпусов, тяжелая артиллерия армейской группы, два отдельных тяжелых дивизиона, итого 144 легких и 116 тяжелых орудий.

Подобное распределение артиллерии говорит как будто об ударной роли 1-го сибирского корпуса, между тем, как увидим ниже, Плешков намечал наносить главный удар 22-й и 1-й сибирской дивизиями, т. е. на смежных участках 1-го армейского и 1-го сибирского корпусов. Лишение в этом случае 1-го армейского корпуса тяжелой артиллерии по меньшей мере странно, так как ведение артиллерийского огня группой Закутовского по объектам, находившимся против фронта 1-го армейского корпуса, не всегда было возможно. По условиям местности (болота, густой лес) огневые позиции батарей генерала Закутовского были выбраны в центре и ближе к левому флангу участка 1-го сибирского корпуса; кроме того, они находились в большом удалении от линии фронта: легкие батареи—в 4 км, тяжелые—в 6 км и более. Наблюдение было весьма затруднено расположенным впереди позиций лесом, вследствие чего стрельба велась не по целям, а по направлениям, и огонь был малодействительным.

На группу Закутовского были возложены задачи (в отношении обоих атакующих корпусов—1-го армейского и 1-го сибирского):

а) подавление артиллерии противника,

б) разрушение узлов сопротивления на всем участке главного удара,

в) проделывание проходов в проволочных заграждениях на участках атаки корпусов и

г) подавление пехотного огня на участке атаки 1-го сибирского корпуса.

Выполнить такие задачи в отношении 1-го армейского корпуса группа Закутовского, по указанным выше условиям, не могла. Поэтому известной эффективности от действия артиллерийского огня можно было ожидать только на участке наступления 1-го сибирского корпуса. Но массирование артиллерии на узком фронте наступления одного корпуса могло дать свои отрицательные результаты. Та дорога, которую для наступления пехоты расчистит артиллерия, будет в этом случае простреливаться с флангов противником; пехота, брошенная в такой узкий коридор, будет поражаться его убийственным фланговым огнем и нести большой урон.

Такие возможности в группе Плешкова были учтены недостаточно и повели в проведении операции к большим осложнениям и неудаче.

В группе генерала Балуева (схема 14) управление артиллерией было построено на совершенно иных основаниях. Управление всей артиллерией здесь было сосредоточено в руках инспектора артиллерии 36-го армейского корпуса генерала Романовского. Но такое сосредоточение являлось только номинальным. На самом деле из всех наличных батарей, бывших в распоряжении армейской группы (считая в том числе приданную бригаду тяжелой артиллерии), было создано шесть артиллерийских групп, нечто среднее между ПП и ДД корпусов и дивизий. В каждую группу дано было до 40 легких и от 6 до 24 тяжелых орудий.

На группы были возложены те же задачи, какие мы выше упоминали в отношении группы Закутовского. Часть батарей в каждой группе назначалась для сопровождения пехоты при наступлении. В этом случае они переходили в подчинение общевойсковых начальников, части или соединения которых они сопровождали.

С этой стороны организация управления артиллерией в группе Балуева подкупает нас своей гибкостью в смысле поддержки наступающей пехоты, но зато она не дает ясно выраженного массирования огня на участках главного удара. Артиллерия в шести группах распределена была примерно поровну; группы также равномерно распределены по фронту. Где будет наноситься главный удар и куда артиллерия должна дать основную массу своего огня, из такой организации артиллерии не видно.

С этой точки зрения в организации артиллерийского огня у Плешкова видна хоть какая-то идея. В целом же использование артиллерии на фронте армии было организовано нерационально: небольшие артиллерийские средства были распылены по всему фронту,— мощного ударного артиллерийского кулака не было создано, в результате артиллерийскими средствами нельзя было достигнуть тех целей, каких при другом использовании артиллерии можно было ожидать.

Генерал Рагоза, уклонившись от организации артиллерии в масштабе армии, тем самым положился на самотек и совершил крупную оперативно-тактическую ошибку, за которую сам же потом и поплатился.

6. **Инженерная подготовка.** Из доклада генерала Кондратовича, обследовавшего в конце декабря 1915 и начале января 1916 года состояние 2-й армии, мы видели, в каком безотрадном состоянии находились позиции этой армии: «окопы, убежища и ходы сообщения занесены снегом... местами окопы обвалились и частью разрушены; в некоторых окопах и убежищах стоит вода, сверху замерзшая...»

Если так содержались окопы, в которых в течение пяти месяцев жили люди, то едва ли можно предположить, что к моменту наступления за несколько дней будут оборудованы новые окопы и улучшены старые, чтобы принять в себя те части, которые будут сюда присланы для производства атаки. А между тем предстояло не только построить сеть новых траншей, ходов сообщений, наблюдательных пунктов, подъездных путей и пр., но и прикрыть все это от наблюдения воздушного и наземного противника.

Ничего этого во 2-й армии не было сделано; по крайней мере, в архивных материалах по этому вопросу мы не нашли никаких указаний, а между тем по ходу операции известно, что люди лежали часами под открытым небом, в воде, под убийственным огнем противника, замерзали и в открытую расстреливались орудийным и ружейно-пулеметным огнем противника.

7. **Устройство тыла** (схема 9). Говоря выше о материальном обеспечении 2-й армии, мы отмечали совершенно недостаточные нормы расходования артиллерийских снарядов: 200 выстрелов для 76-мм пушек, 100 выстрелов для 122-мм гаубиц и 50 выстрелов для 107-мм пушек и 152-мм гаубиц.

Но подвоз и этого количества снарядов был организован крайне плохо. При батареях к моменту артиллерийской подготовки было сосредоточено 1½ боекомплекта. Остальное находилось в армейских складах на железнодорожных станциях. Ближайшие из них находились: для группы Плешкова—на ст. Воропаево, в 30 км; для группы Балуева—на ст. Кривичи, в таком же примерно расстоянии. Такое удаление артиллерийских парков от огневых позиций батарей нельзя признать правильным. В наступательной операции, при огромном расходе снарядов, большое удаление артиллерийских парков может срывать действительность артиллерийского огня. Всякая задержка в подвозе (а их будет тем больше, чем большая будет растяжка линии подвоза) болезненно скажется на действиях войск, которые, за недостатком снарядов, могут лишиться в нужную минуту поддержки своей артиллерии.

Кроме того, по докладу генерала Рагозы от 15 марта, армия ощущала острый недостаток в перевозочных средствах. Такой недостаток, как увидим ниже, усилил остроту вопроса с подвозом артиллерийских снарядов на огневые позиции.

По тому же докладу нехватало винтовок, ножниц для резки проволоки, дымовых шашек, матов Бахмача для преодоления проволочных заграждений и пр.

Эвакопункты были оборудованы для приема только 40% потребности. Санитарных транспортов нехватало. Госпитали были забиты больными, — для вывоза их в тыл не подавалось составов.

Все тыловые учреждения—армейские, корпусные и дивизионные (схема 9)—были эшелонированы слишком глубоко и ко времени наступления не были подтянуты к фронту. При недостатках подвоза, какие нами были отмечены выше, это грозило большими затруднениями в питании фронта всем необходимым.

Мы увидим потом, как все это, вместе взятое, тяжело сказалось на работе частей при наступлении, как тыл, если не был причиной срыва операции (для этого было много и других причин, кроме неустройства тыла), то во всяком случае значительно содействовал такому срыву.

Глава шестая

Бой 2-й армии 18 марта

С 14 марта русские батареи, ставшие на позиции, начали пристрелку своих орудий. Пристрелка производилась в течение 15, 16 и 17 марта.

Пристрелка и многочисленные передвижения русских в своем тылу указывали немцам на подготавливающееся наступление. Это вызывало с их стороны беспокойство, усиливало бдительность и повышало настороженность в несении службы охранения. У противника замечалось передвижение обозов в тыл, — очевидно, вывозилось все лишнее с фронта. Увеличивались работы по расчистке окопов второй линии от снега; приводились в порядок ходы сообщения; колючей проволокой оплетались новые дополнительные участки перед фронтом; разведкой и наблюдением с воздуха отмечались земляные работы, видимо, закладка фугасов.

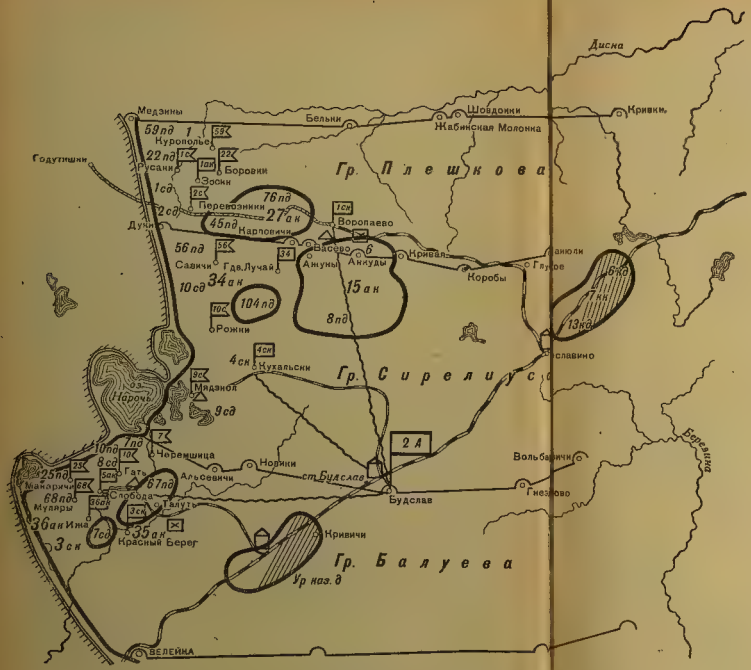
Все это говорило о том, что противник деятельно готовится к отражению атаки русских и обороне занимаемого им участка.

На рассвете 18 марта грохот сотен орудий, собранных на фронте 2-й армии, возвестил начало ее артиллерийской подготовки. Особенно мощным был огонь на участке 1-го сибирского корпуса. Менее значительным он оказался на фронте группы генерала Балуева и ничтожным в сравнении с тем, что было на участке 1-го сибирского корпуса, на фронте частей группы генерала Сирелиуса.

Бойцы передавали потом, что такой силы огня, какая была сосредоточена по противнику с участка 1-го сибирского корпуса, они с русской стороны не наблюдали во все время войны. Грохот выстрелов, треск и взрывы снарядов в связи с шумом и гулом пролетающих снарядов и ответными выстрелами противника потрясали воздух.

Изготовившимся к атаке бойцам, сидящим до начала наступления в окопах, казалось, что такой огонь вскоре проложит им дорогу к окопам противника, заставит его глубоко зарыться в землю и прекратить сопротивление, — тогда неудержимая лавина русских в мощном порыве бросится вперед, и противник будет смят, разбит и отброшен далеко к западу.

Как рвутся снаряды в расположении противника, куда они там попадают и какой вред наносят противнику, войска, конечно, знать



Легенда:

Довольствие групп:

1. Северная - ген. Плешков - базируется на ст. Сеславино и Свенцянскую ж. д.
2. Центральная - ген. Сирелиуса - базируется на ст. Будслав и конку Будслав - Мядзиол.
3. Южная - ген. Балуева - базируется на ст Кривичи и конку Кривичи-Слобода.

Провозоспособность.

1. Свенцянская ж. д.-80-90 тыс пудов
2. Конки Будслав - Мядзиол-35 тыс пудов
3. Конки Кривичи - Слобода-45 тыс. пудов

Предположено подавать интендантских грузов:

1. Группе Плешкова — 60 тыс пудов
2. „ Сирелиуса — 30 „ „
3. „ Балуева - на три корпуса Артиллерийских грузов.

1. Группе Плешкова-20-30 тыс. пудов
2. „ Сирелиуса-5-10 „ „
3. „ Балуева - на три корпуса

От конечных станций корпуса будут работать своим обозом, что даст возможность удаляться корпусам от своих магазинов до 55 верст

(Из доклада Н-ка этапно - хозяйств Отд. штаба 2-й арм об организации снабжения 2-й армии) 14 марта 1916г дело № 393-179, стр. 1-5

Условные обозначения:

- Железная дорога
- Конно-железная дорога (конка)
- Армейский магазин
- Корпусной магазин
- Склад огнестрельных припасов (Зартпарка)
- Основные направления связи

0 5 10 15 20км

Схема 9. Расположение резервов, штабов и тылов во 2-й армии к моменту мартовского наступления

не могли, поэтому в полной мере и не отдавали себе отчета в том, что в это время происходило на фронте.

Между тем на фронте армейских групп, образованных во 2-й армии, происходило следующее.

Группа генерала Плешкова

Развертывание войск группы

Директивой от 16 марта № 882 генерал Плешков, выполняя требования командующего армией о прорыве укрепленной полосы противника, принял следующее развертывание своей группы (1-й и 27-й армейские, 1-й сибирский и 7-й кавалерийский корпуса) для атаки (схема 12, стр. 88—89).

В этом развертывании мы должны отметить два момента:

а) сгусток сил на стыке перволинейных корпусов: 1-го армейского — на его левом фланге и 1-го сибирского — на правом фланге;

б) большую удаленность от фронта и места прорыва 7-го кавалерийского корпуса, который, по мысли верховного и фронтового командования, должен был войти в прорыв и развить успех атаки (схема 9).

Задачи частям были поставлены следующие:

1) начало наступления — по особому приказу;

2) всей артиллерии группы быть готовой по особому приказанию командующего группой начать мощный обстрел неприятельских позиций согласно ранее данным о том указаниям;

3) когда скажутся результаты артиллерийской подготовки, 1-му армейскому и 1-му сибирскому корпусам атаковать неприятеля и сосредоточенным, связным натиском прорвать его расположение: 1-му армейскому корпусу — на участке Микулишки, Бучелишки (искл.), 1-му сибирскому — на участке Бучелишки, Лапинский лес;

4) после прорыва неприятельского фронта корпусам в сопровождении своей артиллерии стремительно и безостановочно наступать для занятия гряды холмов на линии м. Годутишки, Комай, имея границами наступления между 1-м армейским и 1-м сибирским корпусами линию Мал. Волоцки, Бучелишки, Свилели, Городники, Янковице — все пункты для 1-го сибирского корпуса, и между 1-м сибирским корпусом и группой генерала Сирелиуса — линию дд. Дуки, Комай, Лынтуны, Струнойцы — все пункты для того же корпуса;

5) инспектору артиллерии группы ставилась задача подготовить к этому времени переезд подчиненной ему артиллерии, кроме артиллерии 27-го армейского корпуса, на новые позиции, западнее озерной линии; артиллерия 27-го корпуса возвращалась при этом в свой корпус.

Особо подтверждалось 1-му армейскому корпусу обеспечивать всю операцию группы с севера.

27-й армейский корпус оставался в районе своего сосредоточения, составляя резерв группы. На штаб корпуса возлагалась задача тщательно изучить пути из квартирного района корпуса к фронту Вилейты, Можейки и к фронту Волохи, Дуки.

Корпусу указывалось находиться в полной готовности к немедленному выступлению в одном из указанных направлений.

Подобная задача — находиться в районе сосредоточения и составлять резерв группы — ставилась и 7-му кавалерийскому корпусу.

Оценка решения командующего Северной группой. Анализируя задачи, поставленные генералом Плешковым своим войскам, мы должны отметить следующее:

1. Образование ударной группы из двух разнородных корпусов: 22-й пехотной дивизии — из 1-го армейского корпуса и 1-й сибирской дивизии — из 1-го сибирского корпуса. Обе эти дивизии, составляя ударную группу, ничем в своей работе не объединялись; в наступлении нацеливались на участок, сплошь занятый болотом. В направлении наступления 22-й пехотной дивизии, кроме того, протекала р. Камайка, которая вскоре, с наступлением теплого времени, должна была вскрыться.

В образовании ударной группы из двух частей, не объединенных общим командованием, были заложены большие трудности для ее управления. Боевые действия такой группы не могут носить организованного характера; они легко могут приобрести стихийный характер; каждая часть этого целого будет действовать по-своему, врозь от другой части; может повториться басня Крылова про лебедя, рака и щуку, которые взялись везти один воз и потянули его в разные стороны. Позже увидим, что это так и случилось.

2. И верховное, и фронтовое командование указывало на необходимость приближения конного корпуса к линии фронта, рассматривая его как ударное средство командующего группой. Последний должен ввести этот корпус в прорыв и развить им успех своего наступления. Генерал Плешков или забыл это, или не знал, как можно использовать корпус, введя его в прорыв. Развернув свои войска для наступления, он оставляет корпус на месте его прежней стоянки, примерно в 50—60 км от фронта, рассматривая конницу как свой второй резерв — после 27-го армейского корпуса.

Подобное удаление конного корпуса совершенно нецелесообразно. От фронта до стоянки корпуса 50 и 60 км (для разных частей), т. е. два перехода по зимней дороге. Если прорыв будет совершен и наступающие части ворвутся в расположение противника, конному корпусу понадобится двое-трое суток для того, чтобы только их догнать. За это время, при успехе наступления, части должны будут сами выполнять те задачи, которые для них могла бы выполнить конница. Тогда зачем ее держать в тылу группы?

Оставляя так далеко конницу в своем тылу, Плешков обрекал ее на бездействие; вместо мощного подвижного средства, каким является конница, она превратилась в лишний придаток к группе.

3. Поражает ограниченность задач, поставленных Плешковым своим корпусам. По директиве командующего группой, корпуса должны войти на линию Годутишки, Комай. Что дальше им делать — неизвестно. Годутишки — в 8 км от линии фронта, Комай — в 12. Это меньше дневной задачи, которая обыкновенно ставится корпусам в наступлении. А где наступление на Лынтуны, которое

указано в директиве командующего армией? Где выход группы на линию Свенцяны, Михалишки, Гервяты? Ничего этого в директиве генерала Плешкова нет.

Сузив задачу корпусам, генерал Плешков отнял у них перспективу дальнейших действий; он обрек свои войска на топтание на одном месте в непосредственной близости от прорыва, создал условия для провала той основной задачи, какую ставил фронт перед армией, — разбить противника.

Дальше весьма неудачна постановка 27-го армейского корпуса в резерве за левым, пассивным участком группы; кроме того, более трудная задача дана левофланговым слабым частям, которые после прорыва фронта должны будут достигать линии Годутишки, Комай, т. е. пройти расстояние не 8 км, установленное для ударных частей, а в полтора раза большее — 12 км.

По распоряжениям, сделанным генералом Плешковым, чувствуется, что он сам плохо верил в возможность выполнения задачи, поставленной его войскам директивой командующего армией, и сильно боялся контрнаступления со стороны противника. Отсюда ограниченная задача войскам группы, — хорошо, если выполнят ее, не задаваясь большим; отсюда глубокое эшелонирование частей и, как увидим ниже, соответствующие действия частей.

Рассмотрим их, начиная с правого фланга, с 1-го армейского корпуса.

Наступление 1-го армейского корпуса

Корпусу была поставлена задача [1]: «имея часть сил на фронте от Медзины до Вилейты (искл.), сосредоточить не менее 6 полков для атаки фронта Вилейты, Бучелишки (искл.), направляя свой главный удар на участок Микулишки, Бучелишки (искл.), обеспечивая всю операцию с севера».

В соответствии с этим командир корпуса приказал:

1-й бригаде правофланговой 59-й пехотной дивизии, оттеснив передовые части противника к р. Камайке, занять западную опушку леса на правом берегу этой реки и, удерживаясь на фронте против участка противника Медзины, Вилейты (искл.), обеспечивать всю операцию с севера.

22-й пехотной дивизии атаковать противника на фронте Вилейты, Бучелишки (искл.), направив главный удар подавляющим числом батальонов для прорыва на участке Микулишки, Бучелишки (искл.), и в дальнейшем наступлении, развивая успех, овладеть фронтом м. Годутишки, Янковице.

Начало артиллерийской подготовки — с рассветом 18 (5) марта; начало пехотной атаки — в зависимости от успешности артиллерийского огня. Инициатива в данном отношении предоставлялась начальнику 22-й пехотной дивизии.

Для нанесения главного удара на участке Вилейты, Бучелишки (искл.) назначалось 16 батальонов, 76 пулеметов, 54 легких орудия

---

[1] ЦВИА, дело 385—514, стр. 2—9.

и 12 мортир. Для сковывания на второстепенном участке Медзины, Вилейты (искл.) — 8 батальонов, 19 пулеметов и 18 легких орудий.

Тяжелой артиллерии, как мы знаем, в корпусе не было.

Противник на участке от Медзины до лесного выступа, обращенного к Матишки, имел сильное сторожевое охранение с большим

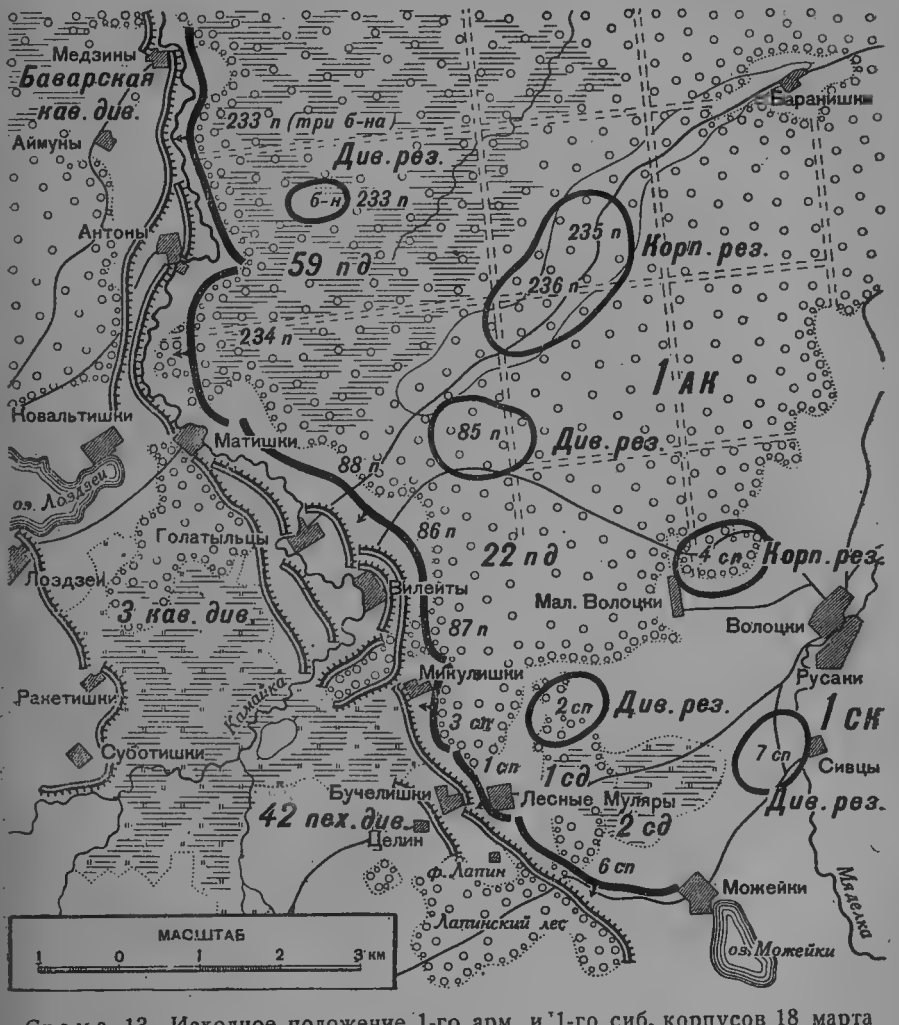


Схема 13. Исходное положение 1-го арм. и 1-го сиб. корпусов 18 марта

количеством хорошо укрытых пулеметов. Сильно укрепленными узлами у него являлись: Голатыльцы, Вилейты, клин леса между Вилейты и Микулишки и редут у д. Микулишки. Эти узлы фланкировали подступы к линии окопов противника. Особенно сильным в тактическом отношении являлся клин леса.

Исходное положение для атаки — см. схему 13.

Артиллерийская подготовка — соответственно с калибром имеющейся в распоряжении 22-й дивизии артиллерии. Огонь ее был распределен следующим образом: мортирные батареи направлялись на укрепленные узлы у Вилейты и Микулишки; легкие батареи, в соответствии с зоной обстрела — по окопам противника; разрушение проволочных заграждений предполагалось произвести при содействии огня тяжелой артиллерии группы генерала Закутовского.

Артиллерийский огонь был открыт в 8 час. 15 мин. С первыми попаданиями снарядов в окопы противника у него было замечено смятение: люди в одиночку и группами стали перебегать из окопов в тыл. Замечено было также движение всадников и повозок на запад от Годутишки. Противник отвечал на огонь русских редкими выстрелами. Создавалось впечатление, что немцы не выносят огня русских и очищают окопы и ближайший тыл от всего, не имеющего боевого значения.

Для проверки своих впечатлений начальник 22-й пехотной дивизии в 10 час. выслал своих разведчиков. Немцы встретили их редким ружейным огнем на участке между лесным клином и Бучелишки и молчанием к северу от д. Вилейты.

Полагая, что в окопах противника оставлены лишь полевые караулы, начальник 22-й пех. дивизии приказал выслать рекогносцировочные цепи. Между 12-ю и 12 час. 15 мин. рекогносцировочные цепи были встречены сильным пулеметным и ружейным огнем противника. Выяснилось, что противник притаился и ждет атаки. К этому времени стало известно, что огонь артиллерии участка по слабости калибров оказался малодействительным: заграждения остались целы; блиндажи и пулеметные гнезда не разбиты.

Атака 22-й пехотной дивизии

Около 12 час. 25 мин. в штаб 22-й пехотной дивизии поступило сообщение, что 1-й сибирский корпус перешел в атаку. После выяснилось, что это была телефонная ошибка, а начальник дивизии принял это сообщение без проверки.

Считая момент для атаки на фронте своей дивизии далеко не назревшим, но, принимая во внимание, что 1-й сибирский корпус является ударным и что 22-я пехотная дивизия в своем наступлении не должна от него отставать, начальник дивизии приказал перейти в наступление. Атака началась раньше, нежели подготовка была закончена, причем начальник дивизии, отдавая приказ на наступление, не спросил об этом мнения командующего артиллерийской группой, даже не предупредил его об этом.

В 12 час. 35 мин. вся дивизия перешла в стремительное и безостановочное наступление и под убийственным перекрестным огнем артиллерии и пулеметов противника мужественно докатилась до немецких проволочных заграждений, преодолеть которые не имела сил. Резка проволоки шла медленно, так как ружейным и пулеметным огнем врага выводились из строя целые сотни людей.

Во время этой атаки особо рельефно выяснилось выдающееся значение фланкирующих участков и особенно лесного клина, наносившего своим огнем наибольшие потери.

В 14 час. 15 мин. командующий группой потребовал более энергичного наступления на фронте от Матишки до Бучелишки, т. е. на участке 22-й дивизии.

Когда определилось, что усилия трех полков пехоты пробить брешь (каждого на своем участке) не увенчались успехом и что атака захлебнулась, начальник 22-й пехотной дивизии, дабы добиться успеха и овладеть укрепленным узлом — лесным клином, захват которого только и мог обеспечить победу, — отдал распоряжение в 14 час. 15 мин. дивизионному резерву (85-й полк) перейти в наступление и овладеть лесным клином; туда же был направлен огонь двух мортирных батарей.

С момента перехода дивизии в наступление 85-му полку было приказано изготовиться и продвигаться за атакующими частями вперед. С началом этого движения полк попал под артиллерийский огонь и начал нести потери.

В 14 час. 15 мин. 85-й полк перешел в наступление. Определив левый фланг соседнего справа 88-го полка, командир полка решил: отвлекая частью сил внимание противника с фронта, т. е. со стороны засеки, главный удар нанести на исходящий угол лесного клина.

1-й и 2-й батальоны перешли в стремительное наступление, причем шедший на левом фланге 2-й батальон по выходе на опушку леса и при дальнейшем продвижении вперед стал сразу же нести большие потери от флангового огня противника со стороны лесного клина. Роты 1-го батальона, достигнув засеки, открыли сильный ружейный огонь, отвлекая часть сил противника на себя.

Продолжая безостановочное движение, роты 2-го батальона, несмотря на большие потери, частями достигли проволочных заграждений; жестокий фланговый огонь пулеметов и батарей со стороны леса, что восточнее Лодзее, и тяжелой батареи с того же направления свели атаку 85-го полка на-нет.

Преодолеть препятствия без могущественной поддержки тяжелой артиллерии оказалось невозможным. Атака успеха не имела.

Так как противник держал все пространство между опушкой леса, занимаемой русскими, и своими окопами под убийственным огнем тяжелых батарей и перекрестным пулеметным огнем со стороны лесного клина, то выдвижение 3-го и 4-го батальонов 85-го полка давало мало шансов на успех, поэтому командир 85-го полка воздержался выпускать эти последние два батальона и донес об этом в штаб 22-й дивизии, прося отложить атаку на ночь.

К этому времени расстроенные роты 1-го и 2-го батальонов стали отходить в исходное, до атаки, положение. Для придания 22-й дивизии устойчивости командир 1-го армейского корпуса в 17 час. 15 мин. передал 22-й дивизии 235-й пехотный полк из своего резерва. К этому времени все уцелевшие бойцы 22-й дивизии уже отошли на исходную линию атаки.

Наступление 59-й пехотной дивизии

На правом фланге корпуса 233-й и 234-й полки в 12 час. перешли в атаку, в 13 час. 50 мин. преодолели проволочные заграждения

противника и заняли часть опушки леса на участке Медзины, Антоны и поперечную просеку № 8. Дальнейшее продвижение было остановлено сильным фланговым огнем противника.

* * *

Около 17 час. со стороны м. Годутишки, с фронта Ракетишки, Суботишки, было замечено движение пехоты и артиллерийских запряжек противника на восток. В сумерки было обнаружено накапливание германцев по всему фронту участка; в 21 час противник пытался переходить здесь в контрнаступление, но был отбит.

В итоге дня корпус понес потери: а) в 22-й пехотной дивизии — 49 офицеров и 5 547 солдат, б) в 59-й пехотной дивизии — 1 офицер и 89 солдат.

Потери 86-го и 88-го полков достигали 60% состава. В некоторых батальонах выбыли все офицеры.

Наступление 1-го сибирского корпуса

1-му сибирскому корпусу было приказано прорвать фронт противника на участке Бучелишки, Лапинский лес и наступать в общем направлении на Комай.

Командир корпуса поставил дивизиям такие задачи:

а) 1-й сибирской дивизии (без 4-го полка) — прорвать фронт неприятеля на участке от Бучелишки до дороги из Лесные Муляры в Рудзе, нанося главный удар правым флангом в охват леса, и далее стремительно наступать в общем направлении на Яржево, Оцковичи, Ромашковичи;

б) 2-й сибирской дивизии (без 8-го полка) — прорвать фронт неприятеля от дороги из Лесные Муляры в Рудзе (левый фланг 1-й дивизии) до Можейки (искл.) и в связи с 1-й дивизией стремительно наступать, направляясь на фронт Невяришки, Олься и далее в общем направлении на Комай и Трапшевичи, внимательно обеспечивая себя от удара во фланг слева.

Общее движение в атаку начать по особому приказанию начальников дивизий, когда скажутся результаты артиллерийской подготовки.

Артиллерийская подготовка на участке 1-го сибирского корпуса началась одновременно с 1-м армейским корпусом — в 8 час. 15 мин. Многочисленная артиллерия, собранная на участке этого корпуса, для удобства управления была разделена на пять подгрупп: две — с 76-мм орудиями и три — с полевыми и тяжелыми гаубицами. Размещение подгрупп на огневых позициях и задачи, поставленные им для боя, вызывают у нас крайнее удивление.

Например, подгруппы Андреева и Макшеева — 76-мм орудия; дистанция огня: наименьшая — 4 км, наибольшая — 9 км, задачи — обстрел выходов из окопов, обстрел ходов сообщений, тыловых дорог, резервов, образование дымовых завес и оборона от воздушных налетов противника.

Подгруппы Рукштеля, Яковлева и Надеина — 122- и 152-мм гаубицы и 107-мм пушки; дистанция огня: наименьшая — 3 км, наи-

большая 9,5 км; задачи — подавление огня неприятельской артиллерии, обстрел тыловых подступов подхода резервов, обстрел тыловых позиций противника (которые зачастую предполагались на определенных участках и не были точно разведаны) и образование проходов в проволочных заграждениях.

И размещение на огневых позициях (схема 12), и постановка артиллерии задач не выявляют их особенностей для легких и тяжелых подгрупп. Все свалено в кучу; задачи, которые с успехом могла выполнять легкая артиллерия, ставятся тяжелой (разрушение проволочных заграждений), наоборот, специальные задачи тяжелой артиллерии—огонь по окопам, ходам сообщений и резервам противника — возлагаются на легкую артиллерию, которая ни по своим калибрам, ни по дистанции с такими задачами справиться не может. Некоторые задачи — обстрел резервов — требовали огня по площадям, другие — образование дымовых завес — были просто нереальны.

Начатый в 8 час. 15 мин. артиллерийский огонь на участке 1-го сибирского корпуса был большой силы и огромной мощности, но он не давал того поражения противника, какого от него можно было ожидать. Наблюдение результатов этого огня из-за большого скопления орудий на малом участке было затруднено. Управление артгруппой со стороны Закутовского было номинальным. Все это понижало результаты.

Но пехота, приготовившаяся к атаке, чувствовала мощь своего артиллерийского огня. Она не видела и не чувствовала ответной мощи огня противника; она ждала только сигнала, чтобы ринуться в атаку.

Атака 1-й сибирской дивизии

В 12 час. 35 мин. начальнику 1-й сибирской дивизии стало известно, что соседняя справа 22-я пехотная дивизия пошла в атаку. Проверить это непосредственным наблюдением было нельзя, так как участки дивизий были разделены лесом. Но со стороны соседа были слышны крики «ура» и ружейно-пулеметный огонь; не прекращался и артиллерийский огонь. Наблюдение устанавливало, что последний ведется по тем же целям, что и раньше, переноса его в глубину боевого расположения противника не замечалось.

Начальник 1-й сибирской дивизии был в недоумении.

Крики «ура» и ружейно-пулеметный огонь свидетельствовали об атаке, в то же время артиллерийский огонь на участке атакующей дивизии продолжал вестись по целям переднего края, куда теперь устремлялись атакующие цепи.

Момента терять было нельзя, и начальник 1-й сибирской дивизии решил атаковать, хотя видел, что артиллерийская подготовка не закончена и результаты ее для производства атаки недостаточны. Но сосед пошел в атаку, и не поддержать его в такой момент начальник дивизии считал невозможным.

Между тем переход в атаку 22-й дивизии был вызван следующим обстоятельством. Вся тяжелая артиллерия Северной группы (116 тяжелых орудий) и вся легкая артиллерия 1-го сибирского и

27-го армейского корпусов (144 орудия) была развернута на узком двухкилометровом участке м. Волоцки, Теляки, Русаки. Ограниченность фронта развертывания батарей привела к огромному скоплению телефонных проводов. Порча этих проводов, неизбежная при таком скрещивании, и путаница передач, происходящая от индукции, приводили к неожиданным результатам при переговорах. Осталось невыясненным, кто из участка 1-го сибирского корпуса передал в штаб 22-й дивизии, что 1-я сибирская дивизия пошла в атаку.

И вот теперь, чтобы усилить удар 22-й дивизии, раньше времени перешла в наступление 1-я сибирская дивизия.

Атака 2-й сибирской дивизии

Стремительным броском вырвались из своих окопов 1-й и 3-й сибирские полки и мощной лавиной покатились в сторону противника. Атаку 1-й сибирской дивизии наблюдала соседняя слева 2-я сибирская дивизия. Чтобы не отстать от соседа, атакующего неприятеля, пошла в атаку и эта дивизия. И вскоре атака, начатая по недоразумению 22-й дивизией, превратилась в общую атаку на всем фронте Северной группы, от ее северного пункта Медзины до южного — Дуки.

Препятствия, имевшиеся у противника на участке, противостоящем 1-й сибирской дивизии, частично были разбиты и разрушены. Образовался узкий двухкилометровый коридор, по которому в направлении Свилели могла двигаться атакующая пехота сибирцев. Часть их ворвалась уже в окопы противника, часть преодолевала оставшиеся неразбитыми проволочные заграждения, как вдруг и те, и другие попали под убийственный перекрестный огонь с участков, противостоящих соседним 22-й пехотной и 2-й сибирской дивизиям. Особенно сильным был огонь со стороны Лапинского леса, к югу от Целины. Усилия сибирцев атаковать этот лес не дали успеха; части несли огромные потери; своя артиллерия не оказывала поддержки, так как трудно было установить, куда вести огонь, чтобы не поражать своих, да и связи у атакующей пехоты со своей артиллерией в этот момент не было.

Во время этих событий на фронте 1-й сибирской дивизии атака 22-й пехотной дивизии уже захлебнулась. Понеся огромные потери, части этой дивизии откатывались в исходное положение. Атака 2-й сибирской дивизии вообще была слаба, так как наступал лишь один 6-й полк, два полка были в резерве, — один в дивизионном, другой в корпусном, — а 5-й полк имел такой широкий фронт (7 км), что говорить серьезно о его наступлении не приходилось. Поэтому противник все свои огневые средства сосредоточил по участку атаки 1-й сибирской дивизии, буквально скашивая своим перекрестным огнем сотни людей.

В таких условиях наступавшие 1-й и 3-й сибирские полки не могли удержать за собой захваченных окопов противника. Под непрекращавшимся огнем противника они стали откатываться назад и к 19 часам, понеся огромные потери, отошли в свое исходное положение.

Потери 1-го сибирского корпуса за день 18 марта оказались следующие:

а) 1-я сиб. дивизия потеряла 19 офицеров и 1 882 солдата
б) 2-я „ „ „ 14 „ „ 1 324 „

Потери 6-го сибирского полка достигали 75% состава.

Общий результат действий группы генерала Плешкова за 18 марта

Вечером 18 марта генерал Плешков донес командующему армией [1]: «Сегодняшняя атака не развилась. Неприятель продолжает оборонять свои позиции. Я бесповоротно решил атаковать неприятеля до тех пор, пока не прорву его расположение».

Но, казалось бы, даже Плешков должен был понимать, что одной «бесповоротности» для атаки еще недостаточно; нужно было дать войскам отдых, привести их в порядок, поднять их моральное состояние и принять действительные меры для успеха вторичной атаки. Для этого надо было срочно выяснить на месте причины того колоссального неуспеха, который поразил атаку Северной группы. На все это нужно было время, внимание и силы. Вставшую перед командованием группы задачу нужно было решать совместно с начальниками атаковавших войсковых соединений. Отмахивание от нее в виде приказа о повторении атаки могло грозить новыми бедствиями войскам группы.

Дальнейшее изложение покажет, как генерал Плешков и его штаб решили такую задачу. Но прежде посмотрим, что в день 18 марта делалось на другом, левом фланге 2-й армии, в группе генерала Балуева.

Группа генерала Балуева

Развертывание войск группы

Директивой от 17 марта генерал Балуев принял следующее развертывание своих войск (5-й и 36-й армейские, 3-й сибирский корпуса и отдельная Уральская казачья дивизия) — см. схему 14. Для атаки он поставил корпусам такие задачи [2] (см. схемы 14 и 15).

1. 5-му армейскому корпусу с исходного положения район Занарочь (искл.), Ладо, р. Нарочь прорвать оборонительное расположение противника и наступать на фронт Проходы, Проньки, Карабаны; по выходе на этот фронт продолжать наступление правым флангом в общем направлении на Мал. Сырмеж, оз. Бол. Швакшта в тыл противнику, удерживающему группу генерала Сирелиуса, и выйти на фронт Глубокий Ручей, Бараний Рог.

2. 36-му армейскому корпусу с исходного положения Макаричи, р. Спяглинка, Муляры прорвать фронт противника и, заняв одной

[1] ЦВИА, дело 112—468, стр. 14.
[2] ЦВИА, дело 393—179, стр. 6—8.

Схема 14. Развертывание группы Балуева для наступления в марте 1916 года

дивизией перешеек озер Свирь и Вишневское и позицию на р. Спяглинке, другую дивизию сосредоточить в районе М. Шеметова, М. Засвирье, г. дв. Больково, обеспечивая левый фланг 3-го сибирского корпуса.

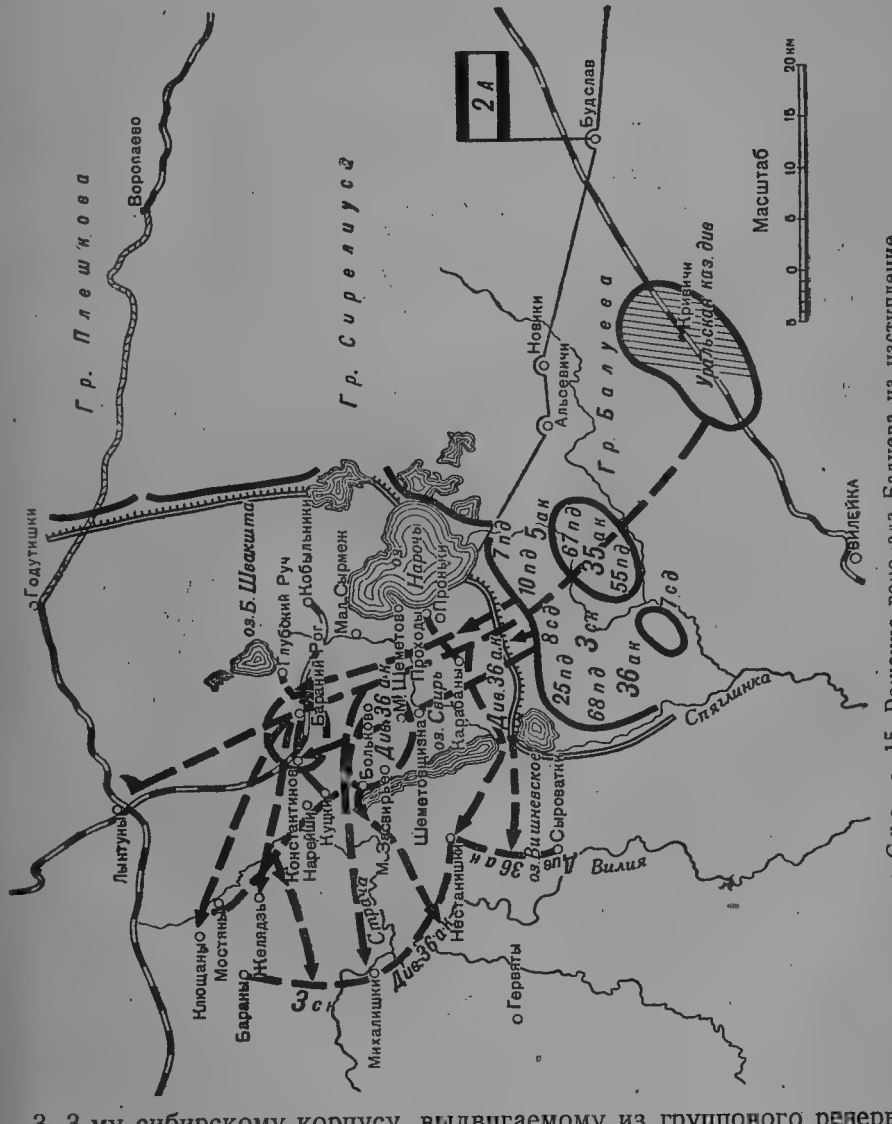


Схема 15. Решение генерала Балуева на наступление

3. 3-му сибирскому корпусу, выдвигаемому из группового резерва между 5-м и 36-м корпусами в направлении на Шеметовщизну, наступать на фронт Константинов, Куцки.

4. Уральская казачья дивизия по этому приказу должна быть выдвинута перед 5-м армейским и 3-м сибирским корпусами с особой задачей движения ее на Константинов, Лынтуны, чтобы прегра-

дить пути отступления противника от Кобыльники и вести разведку на запад, на фронт Клющаны, Желядзь, Михалишки, Нестанишки.

5. По выходе 5-го армейского и 3-го сибирского корпусов на указанные фронты, если группа генерала Сирелиуса к этому времени не выдвинется к оз. Швакшта, командующий группой требовал от корпусов совместно с Уральской казачьей дивизией [1], движением на Лынтуны и Кобыльники, выйти в тыл противнику, стоящему перед группой Сирелиуса.

Если же группа Сирелиуса достигнет оз. Швакшта и, таким образом, левым флангом подойдет к разграничительной линии с Южной группой, то в этом случае предлагалось всей группой перейти в наступление на фронт Желядзь, Гервяты, для чего 3-му сибирскому корпусу развернуться на фронте Мостяны, Нарейши, Куцки, дивизии 36-го армейского корпуса сделать то же на фронте Куцки, г. дв. Больково, а 5-му армейскому корпусу сосредоточиться в групповом резерве в районе Константинов.

Вся тяжелая артиллерия 5-го и 36-го армейских корпусов в последнем случае, с выделением необходимого количества для обороны ими позиции на перешейке между озерами Свирь, Вишневское и по р. Спяглинке, должна быть передана в распоряжение 3-го сибирского корпуса и дивизии 36-го армейского корпуса.

По выполнении такого маневра 3-му сибирскому корпусу с Уральской казачьей дивизией предлагалось форсировать болотистую долину р. Страчи и выйти на фронт Бараны, Михалишки.

Дивизии 36-го корпуса при поддержке одной дивизией 5-го армейского корпуса указывалось форсировать болотистую долину р. Страчи и выйти на фронт Михалишки, Нестанишки для содействия продвижению другой дивизии 36-го корпуса, оставленной у оз. Свирь и Вишневское.

Этой последней дивизии, одновременно с переходом корпусами р. Страчи, перейти в наступление, имея задачей выход на фронт Нестанишки, Сыроватки.

Той же дивизии 5-го армейского корпуса, которая к этому времени будет оставаться в групповом резерве, предлагалось наступать за серединой боевого порядка группы в общем направлении на Михалишки.

Варианты решения ген. Балуева: первый, если группа Сирелиуса фронта противника не прорвет, и второй, если ей это удастся сделать (см. отдельно на схемах 16 — первый вариант и 17 — второй вариант).

Оценка решения командующего Южной группой. Оценивая намерения генерала Балуева, как они выражены в поставленных им задачах, мы прежде всего должны отметить нарочитую сложность и запутанность этих задач (схемы 16 и 17), что таит в себе возможности будущих неудач.

Второе, что останавливает наше внимание в директиве генерала Балуева, это множество вариантов действий частей после прорыва

---

[1] Кстати сказать, в это время у командующего группой еще не было точных сведений, где она находится.

ими укрепленной полосы противника. Бесполезность таких вариантов вытекает из следующих соображений.

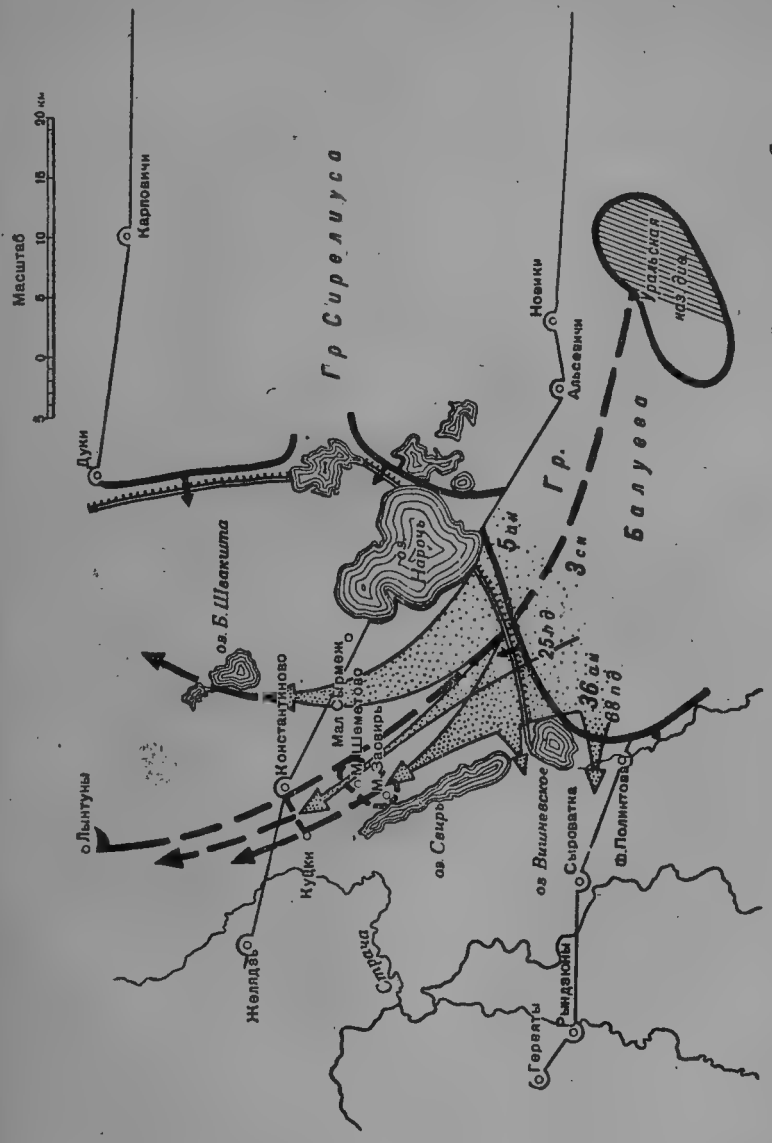


Схема 16. Замысел ген. Балуева на наступление (вариант первый, если группа Сиреликуса не выдвинется к оз. Бол. Швакшта)

Первое и основное. Их трудно освоить и в боевой обстановке твердо помнить. Директива, как и приказ, должна быть короткой, простой и ясной. В директиве Балуева всего этого нет.

Второе. Нельзя решать за противника. Нужно лишь предусматривать худший для себя вариант его решения. Противник может действовать совсем не так, как мы за него решили, и тогда все равно

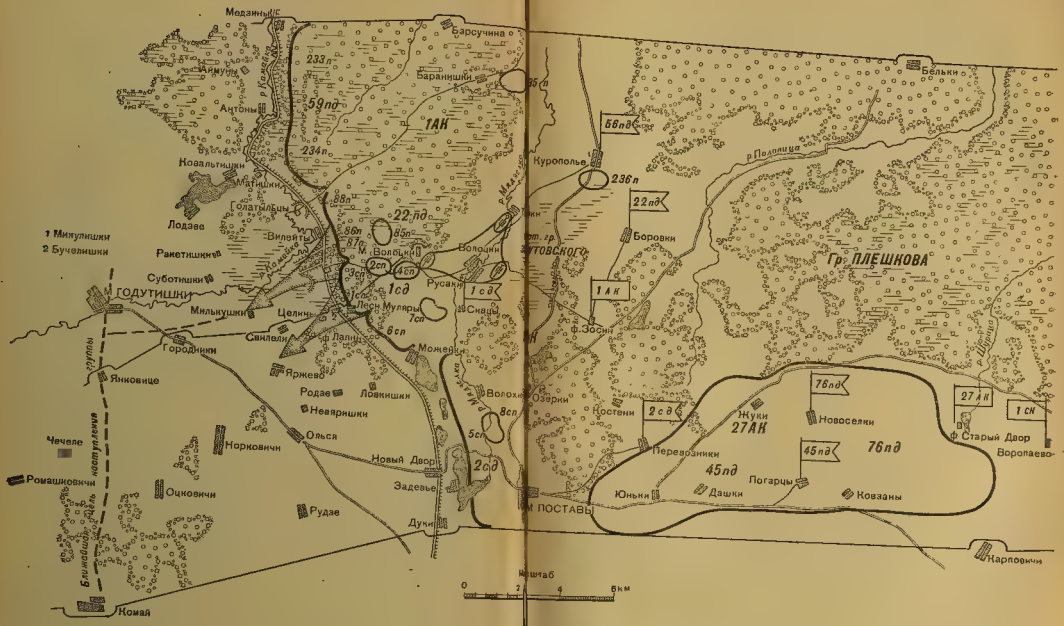


Схема 12. Развертывание группы Плешкова и его решение на атаку 18 марта

нужно будет принимать то решение, которое обусловится создавшейся обстановкой.

Третье. Разработав различные варианты своих действий, можно потом на этом успокоиться и перестать управлять войсками, — они, мол, знают, что им делать, и нечего вмешиваться в их действия. Опыт многочисленных сражений показывает, что в таких случаях для успокаивающихся на отданных распоряжениях получается конфуз. Это хорошо можно видеть на Марнском сражении, в котором германские армии не управлялись, и немцы потерпели поражение.

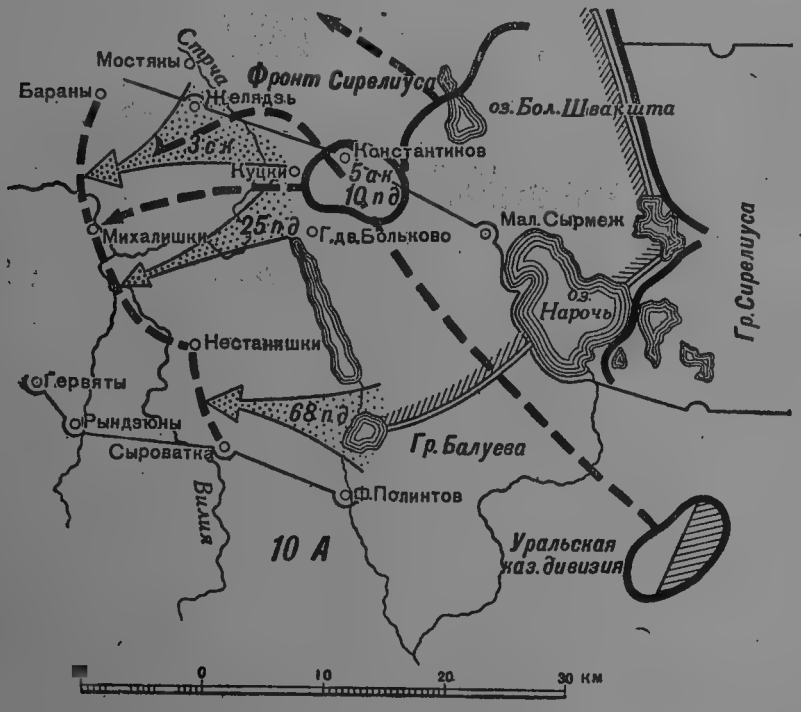


Схема 17. Замысел ген. Балуева на наступление (вариант второй, если группа Сирелиуса продвинется к оз. Бол. Швакшта)

В самой директиве Балуева, отданной им 17 марта подчиненным войскам, крайне удивляет сворачивание группы с того направления, которое указал ей командующий армией.

Если даже, как предполагает Балуев, Сирелиус будет действовать успешно, зачем его войскам нужно выходить на фронт Бараны, Михалишки, Нестанишки, Сыроватка? Какую задачу они собираются там решать? Этого из директив фронта и армии не видно. Не вытекало оно, наконец, и из самой обстановки, которая диктовала для всех частей армии активные действия в северо-западном направлении, с общей целью разбить противника и отбросить его остатки в болотистый район за линией железной дороги Вильна, Двинск.

Выход группы Балуева на фронт Бараны, Михалишки, Нестанишки, Сыроватка как раз прекращал активные действия Южной группы. Он превращал большую группу войск Балуева (три корпуса с многочисленной по тому времени артиллерией) в неподвижный заслон слева. Кого должен был остановить этот заслон, если по директивам главнокомандующего фронтом, при успешных действиях 2-й армии, 10-я армия должна была перейти в наступление и, тесня перед собой противника, выйти в район Вильны? Может быть, группа, наступая в юго-западном направлении, должна была зайти в тыл противнику, противостоящему 10-й армии, и совместно с последней уничто-

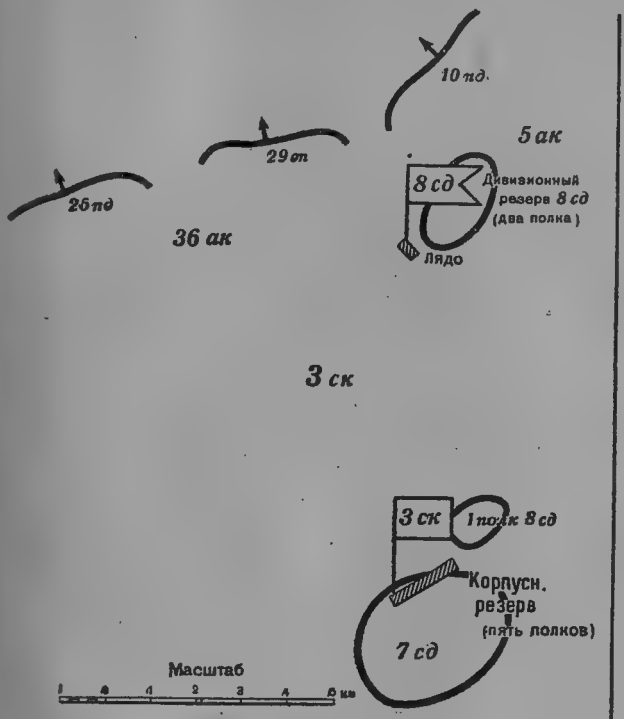


Схема 18 Боевой порядок 3-го сибирского корпуса перед атакой 18 марта

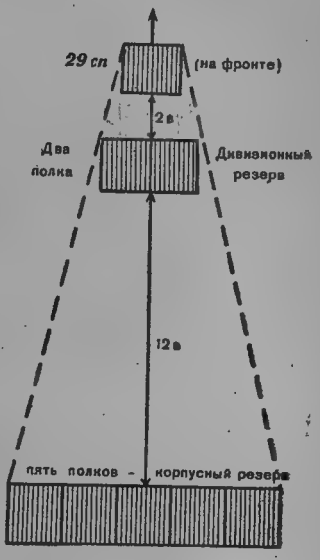


Схема 19. Графическое изображение боевого порядка 3-го сиб. корпуса 18 марта 1916 года

жить этого противника? Но, во-первых, этого никто не требовал от группы Балуева; во-вторых, Балуев тем самым нацеливал свои войска в направлении, расходящемся с остальными частями 2-й армии, и переставал вместе с ними решать общую армейскую задачу.

В намерениях генерала Балуева, выраженных им в своей директиве от 17 марта, заложены начала великих бед для 2-й армии. Они могли привести армию к разгрому по частям. Это не случилось только потому, что в самом начале наступательных действий группы сказались другие отрицательные начала, которые не позволили развиться самому наступлению.

Начала эти, как мы указывали выше, были заложены в не соответствовавшей обстановке группировке частей и в таком же не соответствовавшем обстановке распределении и использовании артиллерии. Части, которым предстояло наступать, были расставлены на фронте скорей для обороны, с одинаковой плотностью боевого порядка, глубоко эшелонируясь в сторону тыла. Особенно характерным в этом отношении являлось расположение частей 3-го сибирского корпуса (схемы 18 и 19).

Артиллерийские средства были распылены по всему фронту. Массирования артиллерии не создано. Ударного кулака, который мог бы прокладывать дорогу пехоте, в группе Балуева не получилось. Все это обусловило результаты, далекие от успешных наступлений в глубь расположения противника.

Артиллерийская подготовка

В 7 час. утра одновременно на всем фронте группы началась артиллерийская подготовка. Наблюдение огня показывало, что он не сосредоточен ни на одном пункте боевого расположения противника. Снаряды разбрасывались по всей оборонительной полосе немцев, отчего результаты этого огня были невелики. Легкая артиллерия не в состоянии была пробивать замерзший грунт, а снаряды тяжелой артиллерии, рассеиваемые по всему оборонительному участку противника, не давали нужного эффекта. Тем не менее настроение бойцов было высокое; все с нетерпением ждали часа атаки, которая была назначена на 12 час., и с полной решимостью готовы были броситься вперед на штурм неприятельской оборонительной полосы.

К 12 час. напряжение атакующих достигло высшей точки. Приближалась ответственная, решительная минута. Все нацелились к одновременному прыжку в сторону противника. Как вдруг, перед самым моментом прыжка, получился приказ: повременить с атакой. Командующий группой требовал непременного перехода в атаку всех частей одновременно, а одна из частей 68-й дивизии была не готова к атаке.

Требовалось подождать, пока изготовится она. Артиллерийская подготовка продолжалась, хотя чувствовалось, что темп ее напряжения начинает ослабевать.

Потянулись тягостные минуты ничем не оправдываемого ожидания. Напряжение перед атакой стало сменяться чувством усталости. Созданный было подъем настроения начал переходить в равнодушие и даже страх перед неизвестностью, которая остановила атаку. Может быть, атаки не будет совсем? Может быть, ее заставят производить в такой момент, когда нужного подъема для атаки уже не будет?

С 12 до 15 час. бойцы находились в тягостном предатаковом состоянии. Нервы у многих не выдержали. Пошли разговоры о предательстве и измене. Готовность атаковать сменилась боязнью смерти, страхом перед неизвестностью...

В этот момент дан был сигнал атаки.

Наступление 5-го армейского корпуса

5-й армейский корпус изготовился для атаки обеими дивизиями, 7-й и 10-й, к 12 час. Настроение бойцов было крайне повышенное. Все ждали условленного сигнала. Но его не было. Потом стало известно, что атака отложена. Перенесение атаки с 12 на 15 час. понизило настроение бойцов, размагнитило их наступательный порыв; распыление же огневых усилий по всему фронту группы не дало ощутительных результатов от артиллерийской подготовки: земляные укрепления противника не были разрушены, проволочные заграждения не были прорваны, артиллерийский огонь противника не был подавлен. В 15 час. началась атака. Части бросались в нее, не будучи обеспечены должной подготовкой и поддержкой со стороны артиллерии, терпели огромный урон от артиллерийского, а в некоторых местах и ружейно-пулеметного огня и останавливались. На фронте 7-й дивизии к тому же, из-за расхлябанности артиллерийских начальников, своевременно не выславших вперед наблюдателей, наступавшие части попали под свой артиллерийский огонь, от которого понесли немало потерь. В итоге наступление 7-й и 10-й дивизий было остановлено, и они к концу дня отошли в свое исходное положение. Общие потери корпуса за день боя достигли примерно таких цифр: 80 офицеров и 4 000 солдат убитыми и ранеными.

Наступление 36-го армейского корпуса

Части 25-й дивизии находились в расстоянии 1 000—1 200 м от противника. Фронт дивизии проходил между д. Тарасевичи и дорогой от Лыцевичи на Островляны; противник укрепился на фронте Балтагузы, Островляны. Атакующим частям нужно было пройти открытый участок Тарасевичи, Новинки, Островляны, Балтагузы. На всем пути движения дивизии местность имеет понижение с юго-запада на северо-восток. За Балтагузами, к северо-востоку от них, начинается широкое болото, тянущееся до Мокрицы, Сидоровичи, Железняки. В районе последних трех селений местность вновь круто начинает подниматься в том же северо-восточном направлении (см. схему 14).

Сопровождавшая наступление 25-й дивизии группа артиллерии частью перенесла огонь в глубь оборонительного расположения противника, частью продолжала вести его по окопам, подавляя вспыхивавший оттуда ружейно-пулеметный огонь. Атакующие части успешно подвигались вперед, как вдруг по ним был открыт сильный артиллерийский огонь со стороны Мокрицы, Сидоровичи, Железняки. Наступающие части залегли. Потребовался перенос огня артиллерийских групп 36-го армейского корпуса (их было две—25-й и 68-й дивизий) по батареям противника, стрелявшим от Сидоровичи, Железняки. Но оказалось, что эти батареи были вне досягаемости артиллерии 36-го армейского корпуса.

Выяснилась необходимость поддержки наступления 25-й дивизии артиллерией правофлангового 3-го сибирского корпуса. Но артил-

лерия этого корпуса была занята подавлением батарей противника, мешавших продвижению частей 5-го корпуса со стороны г. дв. Стаховцы. Кроме того, 3-й сибирский корпус находился на уступе справа за 36-м армейским корпусом и дальность его артиллерийского огня не достигала района Мокрицы, Сидоровичи, Железняки.

Требовалось менять свои огневые позиции, чтобы приблизить их к фронту наступающих частей. Но на это нужно было время, которого не было, так как артиллерийский огонь должен был вестись не прерываясь. Кроме того, противник, пользуясь ослаблением огня наступающего, мог сам перейти в контратаку и сорвать все наступление. 25-я дивизия была приостановлена в своей атаке. Наступательный порыв ее захлебнулся и погас.

Трудным в это время стало положение и 68-й дивизии, наступавшей 269-м полком в обход оз. Вишневского справа. Этот полк был остановлен сильным артиллерийским огнем из-за оз. Вишневского. По батареям противника, обстреливавшим 269-й полк, был сосредоточен огонь тяжелой артиллерии 36-го армейского корпуса, но эти батареи меняли свои позиции, и каждый раз, когда 269-й полк пытался наступать, он вновь и вновь останавливался огнем артиллерии противника из-за оз. Вишневского. Полк не в состоянии был наступать и залег. Остальные же полки 68-й дивизии в этот день совсем не участвовали в наступлении: 271-й полк имел пассивную задачу наблюдения за р. Спяглинкой; 270-й и 272-й полки находились в резерве.

В результате к вечеру 18 марта наступательный порыв частей 36-го армейского корпуса выдохся полностью, и наступление замерло, докатившись на отдельных участках фронта корпуса до проволочных заграждений противника, на других — не дойдя и до этой линии.

Таким образом, весь корпус оказался не в состоянии наступать и отошел на те позиции, которые занимал до атаки.

Потери его за день боя выразились в цифрах: 19 офицеров и 2 030 солдат убитыми и ранеными.

3-й сибирский корпус 18 марта не участвовал в наступлении. На 29-й полк его была возложена пассивная задача наблюдения за болотистым участком Оступы. Этот полк понес некоторые потери от дальнего артиллерийского огня противника, который велся по наступавшим частям 10-й пехотной дивизии 5-го корпуса.

В итоге дня потери Южной группы Балуева достигли 98 офицеров и 6 237 солдат убитыми и ранеными.

Группа генерала Сирелиуса

34-й армейский (без одной дивизии) и 4-й сибирский корпуса, входившие в состав группы генерала Сирелиуса, имели плотность расположения — 4 421 человек и 7,5 орудий на 1 км фронта. Силы были достаточные и для наступления, но, получив задачу приковать к себе противника, генерал Сирелиус решил ее выполнять, обозначая шаг на месте. За весь день 18 марта ни одна из его частей не сдвинулась с места. «Ведется артиллерийская пере-

стрелка с обеих сторон», — таковы были донесения штаба Сирелиуса в течение всего 18 марта. Раскусив, что противник не собирается здесь наступать и только попугивает артиллерийским огнем, немцы усиленно перебрасывают свои резервы с фронта Сирелиуса на фронт Плешкова. Последний уже в 17 час. 18 марта ропщет на бездействие группы Сирелиуса, позволяющей немцам безнаказанно маневрировать своими резервами.

К 19 час. Сирелиус донес командующему армией о продолжающейся артиллерийской перестрелке.

Потери за день —2 офицера, 60 солдат.

Итоги наступления 18 марта

Первый день боя закончился.

Потери 2-й армии за этот день выразились в огромных цифрах: 183 офицера и 15 139 солдат убитыми и ранеными.

Ни в одном пункте фронта наступавшие части не овладели укрепленной полосой противника настолько прочно, чтобы удержать ее за собой. Следовательно, они не выполнили тех задач, какие были перед ними поставлены. Что было причиной этого?

Укажем на основные.

1. В группе Плешкова: сосредоточение почти всей артиллерии группы на узком 2—3-километровом участке преимущественно 1-го сибирского корпуса. Выгоды массирования артиллерии здесь переросли в свою противоположность. Наступающим частям была проложена дорога, но настолько узкая, что они оказались не в состоянии по ней итти. Узкая полоса прорыва не обеспечила наступавшие части от флангового огня противника. Части, не имея перед собой серьезных препятствий, не продвигались вперед, так как такое движение воспрещалось с флангов. Остановившись на месте, они несли большие потери. Тогда эти части откатывались в исходное положение, еще более увеличивая число своих жертв. Так было в частях 1-го сибирского корпуса. В 1-м армейском корпусе (22-я пехотная дивизия) положение осложнялось полным отсутствием тяжелой артиллерии. Наступать приходилось без нее; от этого многочисленные, не оправдываемые обстановкой жертвы.

Главный удар наносился флангами разных корпусов; от этого страдало управление, получался разнобой в действиях тех частей, которые выполняли главную задачу прорыва.

2. В группе Балуева: изменение назначенного и объявленного всем бойцам часа атаки снизило наступательный порыв частей, что не могло не сказаться в дурную сторону на результатах атаки. Разбросанность артиллерийского огня по всему фронту атаки не дала ожидаемых от артиллерийской подготовки результатов; части наступали, не будучи обеспечены в своем продвижении артиллерией; фланговый огонь по 25-й дивизии причинял наступавшим огромные потери. Подавить этот огонь не могли, между тем такого огня нужно было ожидать со стороны противника, почему и наступление следовало вести не одновременно, а поскольку правый фланг группы был несколько на уступе назад,

нужно было сперва продвинуть этот фланг и потом уже наступать всем фронтом. Командование группы этого обстоятельства не учло, в результате части понесли большие потери.

3. Группа генерала Сирелиуса весь день бездействовала. Благодаря этому немцы перебрасывали резервы с фронта Сирелиуса на фронт Плешкова, увеличивая затруднительность положения частей последнего.

В целом, непонимание обстановки, неграмотность руководства и неуменье управлять войсками провалили первый, самый ответственный день операции. Они показали войскам трудность поставленной перед ними задачи и слабость руководства со стороны начальников. Все это вселило в частях неуверенность в возможность имеющимися средствами выполнить приказ армейского командования.

«Начало дело красит», — говорит русская пословица. Во 2-й армии «начало» 18 марта было безнадежно испорчено.

Глава седьмая

Бои 2-й армии 19 и 20 марта

Группа генерала Плешкова

(Схема 20)

Распоряжения на 19 марта

Ночь с 18 на 19 марта прошла сравнительно спокойно. С вечера начал моросить мелкий дождь и не прекращался всю ночь. Снег сделался рыхлым. Окопы стали наполняться талой водой, которую бойцы под утро не в состоянии были уже полностью откачивать. Многие, у которых обувь была плохая, от мокрой погоды и скапливающейся в окопах воды стали мерзнуть. Все ждали повторения атаки в ночных условиях, но приказа о ней не было.

Около 12 час. ночи в штабах корпусов Северной группы была получена директива командующего группой [1].

«Сегодняшняя атака, — говорилось в ней, — не развилась: неприятель продолжает оборонять свои позиции. Я бесповоротно решил атаковать до тех пор, пока не прорву его расположение.

Приказываю:

1. Всей артиллерии вести всю ночь и завтра, 19 (6) марта, с утра сосредоточенный огонь по строго указанным ей целям, усилив огонь к полудню до возможного предела и доведя его к двум часам до ураганного.

2. Во все время артиллерийского огня корпусам боевой части вести разведку и резку проволочных заграждений, пользоваться этим временем для сближения с неприятелем и захвата отдельных участков его позиций, развивая каждый частный успех.

3. В 2 часа дня завтра, 19 (6) марта, 1-му армейскому и 1-му сибирскому корпусам безусловно атаковать неприятеля в пределах своих участков и овладеть неприятельской позицией.

4. 27-му армейскому корпусу сосредоточиться к 11 час. утра 19 (6) марта: 45-й дивизии — в районе Озерки, Костени и 76-й дивизии — в нынешнем районе 45-й дивизии.

5. Обращаю внимание на необходимость большей выдержки в атаке, надлежащую оценку результатов нашего артиллерийского огня и на важность сильных боевых атакующих частей, снабжен-

[1] ЦВИА, дело 141—834, стр. 6.

Схема 20. План атаки группы Плешкова 21 марта

ных всеми имеющимися в войсках техническими средствами поражения неприятеля и разрушения его укреплений. Сегодня всего этого не было сделано.

6. 7-му конному корпусу, направив одну бригаду в район Васево, Ажуны, оставаться в своем районе».

В директиве генерала Плешкова отметим следующие моменты:

1. Она, как и все предыдущие, посылается все из того же Воропаева, которое находилось от фронта в расстоянии 30 км. Несмотря на все несчастья, выпавшие на долю его частей, генерал Плешков так и не собрался выехать оттуда ближе к фронту. Между тем его личное присутствие на фронте могло бы многое изменить и в его намерениях и в его решениях в момент самого боя.

2. Требование применить в атаке все имеющиеся в войсках технические средства поражения неприятеля и разрушения его укреплений в значительной части было пустым звуком. Части не были снабжены даже тем, что им нужно было для преодоления укрепленной полосы противника.

20 марта, через день после того, как была подписана генералом Плешковым приведенная нами выше директива, из Орши запрашивали штаб 2-й армии [1], почему туда на склад не являются приемщики от армии за получением брезентовых матов, подрывных шашек, противогазовых масок и прочего имущества. Генерал Плешков требовал применять в атаке то, что еще не было получено.

3. Непонятны задачи, поставленные командующим группой резервным соединениям — 27-му армейскому и 7-му конному корпусам. Дивизиям первого корпуса требовалось перейти в новые районы, но к чему готовить себя в этих районах, что делать, находясь в них, — об этом ни звука. А между тем ясно, что дивизии будут куда-то брошены на поддержку; им нужно до этого разведать свои пути, связаться с теми частями, которые они будут усиливать или с которыми рядом будут драться, произвести разведку огневых позиций артиллерии и пр. Кроме того, 27-й армейский корпус, хотя подвигался несколько ближе к фронту, но попрежнему располагался против левого пассивного участка группы. Продолжает оставаться непонятной также и задача 7-го конного корпуса. Неизвестно, зачем одна бригада перебрасывается в район Васево, Ажуны (примерно 30 км от фронта), в то время как остальным частям корпуса указывается оставаться в прежнем районе. Начавшееся раздергивание корпуса по частям может говорить только о том, что генерал Плешков не думал использовать его целиком, как единую ударную массу.

Действия 1-го армейского корпуса 19 марта

С утра 19 марта день стоял пасмурный. Артиллерия продолжала вести огонь. Раскаты ее стрельбы гулким эхо разносились по

[1] ЦВИА, дело 385—514, стр. 21.

окрестностям. Весь огонь попрежнему был сосредоточен по участку атаки 1-го сибирского корпуса. До 10½ час., отмечает журнал военных действий 1-го армейского корпуса [1], артиллерийская группа генерала Закутовского не сделала ни одного выстрела по району, избранному для атаки 22-й пехотной дивизии.

В 10½ час., после долгих переговоров и просьб, отмечает тот же журнал, одна четырехорудийная батарея 152-см (6-дм.) пушек из группы Закутовского выбросила около 80 бомб по окопам противника севернее Бучелишки и на этом покончила. Наблюдение и разведка показали, что существенных повреждений противнику это не нанесло.

На правом боевом участке 1-го армейского корпуса — в 59-й пехотной дивизии — вели огонь только легкие батареи, и притом шрапнелью, поэтому результаты артиллерийского огня были совсем ничтожны.

В 12 час. обстрел тяжелой артиллерией группы Закутовского, теперь уже несколькими батареями, вновь начался по участку атаки 22-й дивизии, но снаряды не долетали до противника, а некоторые из них поражали свои передовые части. Это результат плохого наблюдения с чужого участка.

К этому времени лед на ручьях в участке расположения корпуса стал трескаться, и полыньи в низких местах становились настолько большими, что люди проваливались в них до пояса.

В 18 час. в распоряжение начальника 22-й дивизии было передано восемь тяжелых орудий — две батареи. Батареи эти принялись за исполнение своих задач лишь под вечер, уже в сумерки, имея около 60 бомб. Пристрелка при таких условиях по новым целям была очень затруднительна, а потому и повлиять сколько-нибудь на успех артиллерийской подготовки не могла. Между тем на 21 час. назначалась ночная атака с решительными целями во что бы то ни стало овладеть укрепленной полосой противника.

Телеграмма командующего Северной группой об этой атаке (получена в частях около 14 час. 19 марта) гласила следующее [2]:

«1. Вполне веря в готовность войск атаковать сегодня неприятеля, я тем не менее нахожу необходимым ввиду выяснившейся недостаточности артиллерийской подготовки продолжать таковую.

2. Назначенную сегодня на 2 часа дня атаку отменить.

3. Начать ее по особому приказанию».

Это приказание поступило в части в 19 час. и требовало от войск следующего [3]:

«... сегодня, 19 (6) марта, 1-му армейскому, 1-му сибирскому корпусам решительной атакой овладеть неприятельской позицией в пределах корпусных участков.

Атака должна быть стремительна, безудержна и кучна; подготовка к ней тщательна.

Ставлю в личную ответственность начальникам атакующих дивизий обязательно выполнить поставленные задачи.

---

[1] ЦВИА, дело 385—514, стр. 9—12.
[2] ЦВИА, дело 141—834, стр. 62.
[3] ЦВИА, дело 141—834, стр. 63.

Всей артиллерии с началом атаки действовать в полной связи с атакующими частями, обеспечивая их фланги и постепенно перенося огонь вперед.

Успех атаки я немедленно поддержу свежими частями.

Командиру 27-го армейского корпуса передвинуть к 11 час. вечера сегодня одну дивизию в район леса севернее М. Волоцки, другую — в район д.д. Озерки, Костени» (схема 12, стр. 88—89).

Выполнение приказа генерала Плешкова в частях ударной группы (22-я пехотная и 1-я сибирская дивизии) было осуществлено так.

22-я дивизия (схема 20). Из 85-го, 87-го и приданного 235-го полков была образована ударная группа полковника Шуберского. 86-й и 88-й полки составили вспомогательную правую группу под командованием генерала Шишкина.

Для атаки было принято следующее построение: полк за полком, три батальона каждого полка в резервных колоннах, имея головы разомкнутых рот на одной линии, шеренга от шеренги на дистанции 150—200 шагов, между полками до 400—600 шагов. 235-й полк, как более свежий, был поставлен в голове. За 87-м полком должен был наступать 85-й полк.

Построившись в такую группу, полки оставались в ней до 21 часа, когда был двинут в атаку 235-й полк. По выходе 235-го полка из опушки леса он был встречен сильным огнем противника. Вслед за 235-м двинут был в атаку 87-й полк, за которым медленно стали продвигаться роты 85-го полка.

Роты 235-го и 87-го полков сразу по выходе из леса стали нести большие потери от огня противника и настолько были ослаблены в своем составе, что залегли, не дойдя до проволочных заграждений. Та же участь постигла и 85-й полк.

К этому времени непосредственная связь с 1-м сибирским корпусом нарушилась, так как наступавший левее 3-й сибирский полк уклонился влево и атаковал позиции противника южнее Бучелишки, чем и можно объяснить столь сильный фланговый пулеметный огонь со стороны Бучелишки по наступавшим частям 22-й дивизии.

К часу ночи выяснилось, что пехотные части ударной группы Шуберского продвинуться не могут. Проволока оказалась неиспорченной и укрепления немцев неразрушенными. Попытки правой группы 22-й дивизии (86-й и 88-й полки) наступать в районе Вилейты и леса, что южнее Вилейты, окончились таким же неуспехом.

Около 2 час. ночи дивизии стало известно, что наступавшая слева 1-я сибирская дивизия прорвала фронт противника и захватила его окопы от Бучелишки до Лапинского леса. Успех соседа требовалось развить, ввиду чего начальнику 22-й дивизии приказано было принять крайние меры, под личной его ответственностью, для выполнения поставленной задачи.

Приказание это дошло до полковника Шуберского только в 4 часа ночи. Он сформировал из оставшихся людей трех полков пять сводных рот и снова перешел с ними в наступление.

Боевой порядок двинулся почти бегом и вскоре достиг заграждений противника, преодолеть которые не мог.

Немцы, пользуясь разрывом между 22-й и 1-й сибирской дивизиями, повели наступление от леса, что южнее Бучелишки, в охват левого фланга наступающих рот Шуберского. Группа Шуберского вследствие этого вынуждена была загнуть свой фланг влево, что ослабило ее наступательный порыв.

К этому времени, уже около 7 час. 20 марта, на участок 22-й дивизии начала выходить 1-я бригада 76-й дивизии. Командир бригады выехал в штаб дивизии — Боровки (схема 12) — для ознакомления с обстановкой; части выходили и располагались в резервных порядках в районе просек леса, что западнее Мал. Волоцки.

Между тем положение ударной группы Шуберского становилось все тяжелее. Противник усиливал свой нажим со стороны леса, что южнее Бучелишки, и жалкие остатки растаявшей под огнем противника группы Шуберского принуждены были отойти в свое исходное положение.

В 8 час. 20 марта группа Шуберского была расформирована; три полка — 85-й, 87-й и 235-й — перестали существовать; 22-я дивизия не могла больше расцениваться как боевая единица и нуждалась в замене ее на фронте другою частью.

Использование группового резерва

Вышедшая на участок 22-й пехотной дивизии бригада 76-й пехотной дивизии никакой поддержки ей не оказала, а командир бригады, вместо того чтобы на месте ориентироваться в том, что происходит, и ударить по противнику там, где он наиболее угрожает нашим частям, спокойно оставляет бригаду возле фронта и уезжает в тыл, в штаб дивизии, «ориентироваться в обстановке».

Немалый интерес представляет вообще выход бригады 76-й пехотной дивизии на участок 22-й пехотной дивизии. Мы видели, как нелепо командующий группой ставил задачи по использованию 27-го армейского корпуса. В последнем своем приказе на ночную атаку он указал командиру корпуса к 11 час. вечера одну дивизию выдвинуть в район леса севернее М. Волоцки, другую — в район д.д. Озерки, Костени, но какую куда командующий группой не указал.

К моменту получения приказа командующего группой об использовании 27-го армейского корпуса [1] дивизии этого корпуса находились: 45-я — в районе Озерки, Костени, 76-я — Перевозники, Юньки, Дашки. Требовалось заполнить разрыв между 22-й пехотной и 1-й сибирской дивизиями частями 27-го армейского корпуса. Видимо, командиру 27-го корпуса приказано было дать для этой цели одну дивизию, может быть, срочно только бригаду. Кажется естественным, при одном взгляде только на карту (схема 12), что для этой цели нужно было послать бригаду из 45-й дивизии, или, если требовалось, всю 45-ю дивизию, как ближе расположенную к фронту и участку 22-й дивизии.

---

[1] К сожалению, этого приказа в делах ЦВИА нами не найдено.

Вместо этого командир 27-го корпуса посылает для заполнения разрыва между 22-й пехотной и 1-й сибирской дивизиями бригаду 76-й дивизии. Бригада тащится через все расположение 45-й дивизии, ночью путается по незнакомым ей дорогам, бесконечно опаздывает, а придя утром туда, куда требовалось, не вступает в бой, сосредоточивается в резерве, а командир ее уезжает в тыл, в штаб 22-й дивизии, «ориентироваться в обстановке».

Позднее производилось расследование, почему командир 27-го корпуса послал в эту памятную ночь с 19 на 20 марта бригаду из 76-й, а не 45-й дивизии. Командир корпуса генерал Баланин на такой вопрос не мог дать вразумительного ответа; высшее же его начальство признало, что сделал он это «не со злого умысла».

Действия 1-го сибирского корпуса

(Схема 20)

Весь день 19 марта на участке наступления 1-й сибирской дивизии велся сосредоточенный артиллерийский огонь. Наблюдение отмечало удачные попадания; данные разведки говорили о значительных повреждениях в укреплениях противника. Части готовились к атаке, назначенной на 14 часов.

В 10 час. 45 мин. в штаб дивизии поступило предложение от 22-й пехотной дивизии войти с ходатайством о перенесении атаки на ночь. Считая более выгодным атаковать днем, начальник 1-й сибирской дивизии отклонил такое предложение.

В 13 час. 30 мин. известным нам распоряжением командующего группой атака была перенесена на ночь. В 19 час., после получения приказания на атаку, командир 1-й сибирской дивизии приказал [1]:

1. Правому участку дивизии — 3-му полку — атаковать позицию у д.д. Бучелишки и Целины. Среднему участку — 2-му полку — атаковать участок южнее Бучелишки и д. Целины до ф. Лапин включительно. Левому участку — 1-му полку — атаковать с севера германскую позицию у лесного перешейка и выступа леса к юго-востоку от ф. Лапин.

2. Артиллерийский участок подготавливает атаку и поддерживает ее.

3. Дивизионный резерв —4-й полк — эшелонируется за правым флангом боевой части.

В 20 час. 30 мин. артиллерийский огонь начал усиливаться и около 21 часа дошел до ураганного. Моросил мелкий дождь, подымался туман.

В 21 час 3-й, 2-й и 1-й полки 1-й сибирской дивизии перешли в наступление. Здесь мы предоставляем слово очевидцу (см. запись журнала военных действий 1-й сибирской дивизии за 19 (6) и 20 (7) марта) [2].

«Беспрерывный гул артиллерии, вспышки выстрелов и разрывов, трескотня ружейной и пулеметной стрельбы сливались в неумолч-

[1] ЦВИА, дело 141—834, стр. 6—7.
[2] ЦВИА, дело 141—834, стр. 8—9.

ный гул — жуткий и захватывающий. Смерть со страшной силой носилась над полем сражения и косила свои жертвы направо и налево. Стоны раненых, соединенные с воем пролетавших снарядов, огни то здесь, то там рвущихся гранат и бомб придавали этой страшной ночи поистине зловещий характер.

Почти весь день молчавшая немецкая артиллерия с неистовым напряжением открыла огонь по всему фронту наступления. Казалось, что не люди подняли весь этот гам, а две стихии сошлись со страшной силой и пытаются побороть одна другую.

Полки, между тем, медленно, но твердо продвигались вперед. Особенно тяжелым было движение 1-го сибирского полка к лесному перешейку. Дождь пуль заливал идущих в атаку сибирцев. Пришлось артиллерии с новой силой обрушиться на этот перешеек.

Наступавшие полки настолько сильно обстреливались с фронта и флангов, что приходилось то останавливаться, то вновь с еще большей силой устремляться вперед, пользуясь каждым случаем перерыва или уменьшения огня со стороны противника.

Ночная атака, рев орудийных выстрелов и страшные потери в рядах полков, стремительность их движения вперед вели к перемешиванию отдельных частей, но это не останавливало движения: передние увлекали своим примером отстающих, и вся лавина трех полков упорно и настойчиво катилась вперед.

С напряжением и тревогой ожидали, чья возьмет в этом страшном поединке. Больной и охрипший от разговоров по телефону начальник дивизии с тревогой и надеждой следил за результатами атаки. Временами казалось, что полки не выдержат. Напряжение подходило к своему пределу, и каждую минуту могла получиться страшная или радостная весть.

Наконец, в 1 час 20 мин. из 1-го полка поступила просьба перенести огонь артиллерии вперед. Это было первое известие о начавшемся успехе. 3-я рота 1-го полка ворвалась в окопы противника.

В 1 час 45 мин. 2-я рота и 3-й батальон того же полка были уже в немецких окопах. Только 3-й полк продолжал свои усилия по овладению Бучелишками, где противник был особенно упорен и продвижение оказывалось наиболее трудным. И только на рассвете, когда в густом тумане стали неясно обрисовываться контуры окружавших предметов, 3-й полк овладел частью немецких окопов к югу от Бучелишки.

1-я сибирская дивизия оказалась победительницей».

Но победа 1-й сибирской дивизии досталась ей дорогой ценой. Полки буквально растаяли, а резервов, кроме 4-го полка, также достаточно потрепанного в момент атаки, не было. Наступление соседей (2-я сибирская дивизия) развивалось медленно, а на участке 22-й дивизии замерло вовсе. К 8 час. ударная группа полковника Шуберского, как мы знаем, перестала существовать; уцелевшие остатки ее откатились в свое исходное положение; правый фланг 1-й сибирской дивизии оказался обнаженным.

На левом фланге одновременно с 1-й наступала 2-я сибирская дивизия — 6-й полк и две роты 7-го. Наступление шло туго. Не разрушенные артиллерийским огнем укрепления противника поставили

перед наступающими такую преграду, которую они преодолеть не могли. Наступающие цепи залегли у проволочных заграждений. Под действием артиллерийского и флангового пулеметного огня части 2-й сибирской дивизии не удержались на рубеже, который ими был захвачен ночью, и утром откатились в свое исходное положение. Таким образом был обнажен и левый фланг захватившей немецкие окопы 1-й сибирской дивизии.

Густой туман окутал все окружающее. С трудом различались предметы, удаленные на 100 м. Люди сбивались в поисках своих подразделений, находившихся тут же, в непосредственной от них близости. Пристрелка артиллерии по новым целям сделалась не только затруднительной, но совершенно невозможной. Между тем артиллерия противника была пристреляна по своим окопам, и ее огонь, повышавшийся в своем напряжении, был действительным и наносил огромное поражение мужественным сибирцам.

Имеется предел всякому напряжению. Есть границы человеческих усилий и мера страданий. Понесшая огромные потери в атаке, 1-я сибирская дивизия в занятых ею германских окопах, обращенных незащищенною стороною к противнику, превратилась в артиллерийскую мишень для врага, которому нужно было только время, чтобы ее окончательно расстрелять.

Сибирцы не хотели стать такой мишенью и отошли в свое исходное положение, вернув противнику то, что с таким трудом было ими захвачено в предыдущую ночь.

Группа генерала Балуева

(Схема 14)

Ночь с 18 на 19 марта на всем фронте группы Балуева прошла спокойно. Убирали раненых, хоронили убитых, боролись с водой, которая все больше заливала окопы. Всю ночь шел дождь. С утра туман закрыл горизонт, и для артиллерии наблюдение сделалось очень затруднительным. Артиллерийский огонь не мог быть открыт на поражение и велся лишь на беспокойство противника.

Немцы не отвечали, кроме участка 25-й пехотной дивизии, по которому они с рассветом 19 марта открыли сосредоточенный огонь снарядами с удушливыми газами.

Начальник 25-й пехотной дивизии решил атаковать противника, чтобы выйти из отравленной зоны и захватить окопы противника в условиях, когда он не может развить по наступающим сильного ружейно-пулеметного огня (туман).

Расчет оказался недостаточно обоснованным. У проволоки наступающие части были остановлены сильным артиллерийским и пулеметным огнем заранее пристрелянных орудий и пулеметов. Полки остановились, залегли. Усилившийся огонь по району 99-го полка заставил командира этого полка полковника Томилина принять поспешное решение отойти назад, в исходное положение. Полковник Томилин увел свой полк, не предупредив об этом соседей.

Уход одного полка повлек откатывание в исходное положение других, наступавших с ним полков —100-го и 98-го.

На участке 3-го сибирского корпуса весь день 19 марта прошел в усиленной артиллерийской стрельбе. Немцы проявляли здесь наибольшую активность, доводя свой огонь до степени ураганного.

В 11 час. 19 марта в 3-м сибирском корпусе была получена телефонограмма от командующего группой (он же командир 5-го армейского корпуса), что 5-й армейский корпус в наступление сегодня не идет. Свою атаку он переносит на завтра, на 20 марта. Корпусам группы предоставляется право развивать частную инициативу.

Получив такую телефонограмму, командир 3-го сибирского корпуса отменил назначенную было им атаку 29-го полка и дал указания о производстве ее 20 марта. По указаниям командира корпуса, в боевой линии попрежнему оставлялся один 29-й полк, два полка 8-й дивизии располагались в дивизионном и пять полков — в корпусном резервах.

Для отложенной на 20 марта атаки части 5-го армейского корпуса были построены следующим образом. В боевой линии:

а) в 7-й пехотной дивизии—25-й, 27-й и два батальона 28-го полка;

б) в 10-й пехотной дивизии—37-й, 40-й и один батальон 38-го полка.

В резерве 7-й дивизии — два батальона 28-го полка, 10-й дивизии — 39-й полк.

Корпусный резерв—26-й полк и три батальона 38-го полка.

Боевой порядок 36-го армейского корпуса остался прежний (схема 15).

20 марта весь день стоял туман. Сильно таял снег. Дороги окончательно испортились. Артиллерийское наблюдение было затруднено, поэтому атака была перенесена на 21 марта.

После 14 час. туман стал рассеиваться, выглянуло солнце, ночью можно было ожидать заморозка, и командующий группой принял решение атаковать ночью с 20 на 21 марта, начав артиллерийскую подготовку для этой атаки с вечера. Атака была назначена на 4 часа 21 марта.

Группа генерала Сирелиуса

(Схема 8, стр. 60)

Когда на фронте Северной и Южной групп происходили все эти события, в группе генерала Сирелиуса царили мир и тишина, если не считать редкой артиллерийской и пулеметной стрельбы и «поисков разведчиков». Генерал Сирелиус так твердо усвоил, что он не в ударной группе, что даже перестал активно беспокоить противника. Противник снимал все больше частей с фронта Сирелиуса и перебрасывал их на фронт Плешкова; движение колонн к северу, на участок Северной группы, устанавливалось даже простым наблюдением. Что в это время давали Сирелиусу «поиски разведчиков», трудно сказать. Вероятнее всего, ничего не давали, и генерал Сирелиус, видимо, был очень рад, что в тяжелом деле, выпавшем на долю 2-й армии, ему не придется ничего делать и удастся сухим выйти из воды.

Потери его за два дня боя — 19 и 20 марта — ничтожно малы в сравнении с потерями у Плешкова и Балуева.

Потери Сирелиуса — 2 офицера, 252 солдата.

У Плешкова за это время выбыли 61 офицер и 3 905 солдат, у Балуева — 20 офицеров и 1 731 солдат.

Выводы по действиям 2-й армии 19 и 20 марта

1. В группе генерала Плешкова поражает бестолковость и растерянность командования со стороны организации наступательных действий. Атака назначается независимо от состояния войск; «бесповоротные» решения принимаются без учета возможностей их выполнения и материальной помощи войскам; отдается повторный приказ и только потом приходится атаку откладывать, переносить ее на другое время, долго держать части в неведении, когда, наконец, эта атака осуществится.

2. Артиллерийский огонь в группе Плешкова попрежнему сосредоточивается только по участку предстоящего наступления 1-го сибирского корпуса; 1-му армейскому «из милости» даются две тяжелые батареи, и то перед самой атакой, когда из-за наступления темноты нельзя уже было как следует организовать огонь. В результате 22-я дивизия вновь идет в атаку, не обеспеченная артиллерийской подготовкой, и гибнет. 2-я сибирская дивизия наступает в слишком ослабленном составе — два полка — и не добивается никаких результатов. Обе эти дивизии откатываются назад, в свое исходное положение, обнажая фланги геройской 1-й сибирской дивизии.

3. 1-я сибирская дивизия овладевает окопами противника. В своем движении в атаку она показывает пример исключительного героизма и доблести. Она выполняет свою задачу по прорыву укрепленной полосы противника, причем выполняет ее на узком фронте, не имея за собой достаточных резервов. В результате дивизия расстреливается фронтальным и фланговым огнем противника и гибнет. То, что отходит из этой дивизии в свое исходное положение, представляет жалкие остатки прежней 1-й сибирской дивизии.

4. Может вызывать чувство глубокого возмущения использование генералом Плешковым своих резервов. Участок 5-го сибирского полка (левый фланг группы) с самого начала был предназначен генералом Плешковым к пассивной роли. Тут не собирались наступать и, видимо, крепко надеялись на невозможность контрнаступления со стороны противника на этом направлении, так как одному полку отвели около 7 км фронта.

Между тем в затылок именно этому полку поставлен резервный 27-й корпус (схема 12). Когда этот корпус понадобился для затыкания образовавшихся дыр на фронте (а это с самого начала нужно было предполагать), его пришлось перетаскивать с левого фланга в центр и к правому флангу; движение от этого запаздывало, а генерал Баланин, кроме того, «не со злого умысла» направил еще вперед не ближе стоящую дивизию — 45-ю, а ту, которая находилась дальше — 76-ю. Командир же бригады, выделенной от этой дивизии на фронт, мы видели, усугубил создавшуюся труд-

ность тем, что, оставив бригаду в непосредственной близости от происходящего боя, уехал в штаб дивизии узнать там обстановку.

Архивные материалы, к сожалению, не сохранили фамилии этого командира, чтобы его поступок сделать для нас нарицательным.

Провал наступления частей Северной группы в ночь с 19 на 20 марта нужно отнести исключительно за счет высшего командования — генерала Плешкова и его штаба. Войска действовали хорошо, а части 22-й и 1-й сибирской дивизии вообще поражают своим мужеством и беззаветной решимостью в выполнении исключительно трудной и ответственной задачи по прорыву.

5. На фронте группы генерала Балуева серьезные действия были только на участке 25-й пехотной дивизии, закончившиеся так печально — отходом всей дивизии — из-за трусости командира 99-го полка полковника Томилина. Испугавшись ложного сообщения, что на 99-й полк «в огромном числе наступают немцы», полковник Томилин отвел свой полк, даже не известив об этом соседей. Это привело к серьезным потерям в рядах 100-го и 98-го полков и к отходу всей дивизии. В тот же день, 19 марта, полковник Томилин был отрешен от своей должности распоряжением временно командующего 25-й дивизией генерала Филимонова. Поступок генерала Филимонова был очень редким в старой царской армии; с нашей стороны он заслуживает только положительной оценки.

6. Достойно отметить построение боевого порядка в 3-м сибирском корпусе на атаку. Командир корпуса построил корпус по образцу древнегерманской «свиньи» (схема 19) в битве немецких рыцарей с Александром Невским на льду Чудского озера (Ледовое побоище). Какие замыслы отражало такое построение — трудно сказать. Непонятно, почему в это дело — построение такого боевого порядка — не вмешался командующий группой генерал Балуев. Ведь в самом деле, если на участке 3-го сибирского корпуса может наступать несколько полков в одном эшелоне, тогда почему построение делается в трех эшелонах, с такой большой растяжкой эшелонов в тыл и нарастанием строящихся сил не к фронту, а к тылу? Если же наступать на участке 3-го сибирского корпуса нескольким полкам в одном эшелоне нельзя (болото), тогда нужно резервы этого корпуса ставить в другом месте, на фланге или в тылу тех корпусов, в которых по ходу боя они понадобятся и где они могут сыграть значительную роль в смысле поддержки. Ничего этого не было сделано. Командир корпуса подошел к разрешению такого важного вопроса формально, а командующий группой умыл в этом деле руки и, как увидим позже, раскаивался в своем поступке.

7. Отрицательной оценки с нашей стороны заслуживают действия генерала Сирелиуса, в нерешительности топтавшегося на месте и на деле всячески облегчавшего оборону противником своих участков против Северной и Южной ударных групп русских.

Насколько бесшабашно наступал Плешков, настолько осторожно, чтобы не сказать больше, вел себя Сирелиус. А стоящий над обоими генерал Рагоза в это время сидел в своем штабе, в Будславе, и серьезно не вмешивался в их действия.

Глава восьмая

Бои 2-й армии 21 и 22 марта

Покой Рагозы был нарушен грозным окриком из Минска[1]. 20 марта ему телеграфировал оттуда Эверт:

«Из донесений групп усматриваю, что наступление развивается вяло, без должного руководства начальства, без правильной организации артиллерийской подготовки и состоит из ряда частных разрозненных ударов без своевременной их поддержки.

Во 2-ю армию я сосредоточил подавляющие силы пехоты и артиллерии, дал столько снарядов, сколько только мог рассчитывать; все это при надлежащем управлении ударными группами должно было повести к тому, что слабый, находящийся против вас противник будет выбит; между тем он не только удержался в течение двух дней, но частично даже переходил на некоторых участках в наступление.

Потребуйте от начальников групп и командиров корпусов должного управления их войсками, имея в виду громадное превосходство сил 2-й армии. Приказываю проявить должную энергию и активность во всех действиях как старшими, так и младшими начальниками и во что бы то ни стало разбить и отбросить противника, так как наступившая ростепель в последующие дни затруднит наше наступление».

Потребовать «должного управления», не указав, в чем оно по создавшейся обстановке должно состоять,—по существу значит не потребовать ничего. Конечно, было бы лучше, если бы вместо этого неконкретного требования генерал Эверт сам выехал во 2-ю армию и лично осуществил там «должное управление» наступавшими войсками. Но он этого не сделал, хотя обстановка (затишье на остальных участках фронта) и позволяла произвести такой выезд. Вместо выезда генерал Эверт, подчеркнув недостатки управления, послал во 2-ю армию очередную директиву. Генерал Рагоза не замедлил «спустить» ее вниз, в подведомственные ему войска.

---

[1] Штаб Западного фронта.

Группа генерала Плешкова

Распоряжения на 21 марта

(Схема 20)

В тот же день, 20 марта, генерал Рагоза вызвал к прямому проводу командующего Северной группой генерала Плешкова. Тот к аппарату не подошел, так как чувствовал себя нездоровым. С командующим армией от имени Плешкова вел разговор начальник штаба генерал Зиборов [1].

На вопрос Рагозы, как чувствует себя Плешков и в состоянии ли он командовать группой, Зиборов ответил, что генерал Плешков командовать вверенной ему группой в состоянии.

Дальше Рагоза задал вопрос, почему сорвалась ночная атака Северной группы. На это Зиборов ответил, что виной всему начальник 22-й пехотной дивизии, который не выполнил поставленной ему задачи — надежно обеспечить операцию прорыва 1-й сибирской дивизии.

Мы видели, в каких условиях приходилось 22-й пехотной дивизии «обеспечивать» операцию прорыва. Дивизия не «обеспечивала» операцию прорыва 1-й сибирской дивизии, а выполняла вместе с ней задачу прорыва. Дивизия больше чем наполовину растаяла под сосредоточенным огнем противника. И виноват тут был вовсе не начальник 22-й пехотной дивизии, который в ночной атаке с 19 на 20 марта как раз с нашей стороны особых упреков не вызывает, а кто-то другой, повыше его.

«Эта дивизия, — докладывает Зиборов Рагозе, — не использовала благоприятного момента... Самое осаживание ее не отвечало серьезности натиска противника на нее [2], а между тем благодаря этому отходу наши части попали под продольный пулеметный обстрел...» Словом, виновник, на котором можно отыграться, найден.

После ряда вопросов о том, каков начальник 22-й пехотной дивизии, почему генерал Баланин вместо 45-й дивизии на усиление атакующих частей выслал 76-ю дивизию, как обстоит дело с боеприпасами (Зиборов доложил, что очень плохо подвозятся тяжелые 6-дм. и 42-лин. снаряды) и пр., генерал Рагоза приказал: «Завтра к утру вернуть все потерянное». «Передайте Плешкову, — потребовал он через Зиборова, — что я прошу принять все меры к тому, чтобы сегодняшняя ночная атака имела полный успех и полное обеспечение от контратак противника».

Зиборов почтительно доложил, что войска утомлены, расстроены предыдущими боями, подготовка атаки затруднена недоставкой 152-мм (6-дм.) и 107-мм (42-лин.) снарядов — первых на батареях очень мало, вторых нет совсем, что передвижение по разбухшим дорогам крайне затруднено, выдвижение 76-й дивизии поэтому крайне затянулось...

---

1 ЦВИА, дело 130—395, стр. 104—107.

2 Сидя за 30 км от фронта, генерал Зиборов, вероятно, не представлял себе, в каком «переплете» в ночь с 19 на 20 марта находилась 22-я пехотная дивизия.

На все это Рагоза еще раз повторил, чтобы к утру 21 марта группа вернула все потерянное.

«Атаку ни под каким видом не откладывать, невзирая ни на какие препятствия. Указанные вами недочеты, — заявил он Зиборову, — отнесите на свой счет. Кто не умеет использовать достигнутых результатов, тот может только пенять на себя».

На что Зиборов почтительно ответил: «Слушаюсь, будет передано (Плешкову) и исполнено».

И Северная группа, разгромленная и морально подавленная в предыдущих боях, вновь волею стоящего над ней начальства бросается в атаку. Бросается, не считаясь ни с чем, только потому, что так хотел командующий армией, на которого, как мы видели выше, тяжело наседал главнокомандующий фронтом.

Вслед за этим последовал приказ Плешкова о новой атаке на 21 марта [1].

«Командующий армией, — говорилось в нем, — выразил неудовольствие отсутствию связности и взаимной поддержки в минувшем ночном бою. Командующий армией приказал принять решительные меры к тому, чтобы новая атака безусловно была доведена до результата и прорвала неприятельское расположение.

Приказываю:

1. Артиллерии вести непрерывный огонь разного напряжения, сосредоточивая его особенно на районе д.д. Бучелишки, Целины и на горловине Лапинского леса.

2. Корпусам иметь все время разведку для выяснения результатов нашего огня и своевременной резки проволоки.

3. Корпусам изготовиться для атаки к 4 час.; самую атаку начать лишь по моему особому приказанию.

4. Начиная с 8 час. вечера сегодня доносить мне через каждые три часа о результатах обстрела нашей артиллерией неприятельской позиции.

5. Иметь в виду, что захват хотя бы небольшой части неприятельской позиции немедленно должен быть поддержан соседями и помощью свежих поддержек для расширения занятого нами пространства и быстрого развития его вглубь, во вторую и далее линии.

Только при этих условиях, — добавлял приказ, — намечающийся успех может быть своевременно развит и доведен до нужных результатов».

Дополнительно к изложенному выше приказу указывалось: 1-му армейскому корпусу атаковать на участке от Вилейты до Микулишки; 27-му армейскому — от (искл.) Микулишки до Бучелишки и 1-му сибирскому — от (искл.) Бучелишки до Лапинского леса.

Разграничительными линиями между корпусами назначались: между 1-м и 27-м — д. Жуки, ф. Зосин, Микулишки, Милькушки, Годутишки — все пункты, кроме ф. Зосин, Микулишки и д. Годутишки, для 27-го армейского корпуса; между 27-м армейским и 1-м сибирским — Ковзаны, Перевозники, Бучелишки, Яржево, Норко-

---

[1] ЦВИА, дело 130—395, стр. 77.

вичи, Чечеле — все пункты, кроме Норковичи, для 27-го армейского корпуса.

Дивизии группового резерва (45-й) указывалось стать в лесу западнее д. Мал. Волоцки и держать связь с командующим группой через штаб 27-го корпуса.

Действия 1-го армейского корпуса

Основная задача, которая ложилась на корпус, — обеспечивать операцию группе Плешкова с севера. В самом корпусе такая задача была возложена на правофланговую 59-ю пехотную дивизию без одной бригады. 22-й пехотной дивизии, со включением в нее бригады 59-й пехотной дивизии, ставилась задача овладеть позициями противника от Вилейты до Микулишки. Артиллерии корпуса с приданными двумя батареями тяжелого дивизиона было приказано сосредоточить огонь по участку прорыва, постепенно, по мере продвижения наступающих частей вперед, перенося его в глубину.

К 24 час. части заняли исходное положение для атаки. К этому времени их потери достигали:

59-я пехотная дивизия — 18 офицеров и 1 976 солдат,

22-я пехотная дивизия — 72 офицера и 5 526 солдат.

Общая атака была назначена на 5 час. 21 марта.

К 4 час. пошел снег, что крайне затруднило наблюдение за результатами артиллерийского огня. Степень повреждений проволоки не была видна, между тем до атаки оставался один час.

Атака началась ровно в 5 час. По выходе из леса, как и в прошлую ночь, атакующие были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем, особенно фланговым со стороны Голатыльцы. Тем не менее, неся значительные потери в своем продвижении, около 5 час. 30 мин. роты 87-го полка 22-й пехотной дивизии были уже в окопах противника у Микулишки. Здесь было захвачено два пулемета и несколько пленных 232-го резервного полка 107-й дивизии противника.

В 6 час. 20 мин. противник был сбит со всей первой линии своих окопов 85-м и 88-м полками на фронте между лесным клином и южнее Микулишки. Взяты пленные все того же 232-го резервного полка.

Чтобы парализовать возможную контратаку со стороны противника, начальник 22-й дивизии приказал дивизионному резерву (один батальон) сблизиться с боевой линией и укрепиться в ближайшем ее тылу. В распоряжении начальника дивизии после этого не оставалось ни одного человека резервов.

Между тем захваченные окопы противника представляли собой сплошные озера воды. Покидая окопы, немцы разрушили все приспособления, останавливающие сток в них талой воды. Удерживать такие окопы представляло двойную трудность: надо было бороться с противником и с напором стекающей в окопы воды. Части несли большие потери. Начальник дивизии обратился к командиру корпуса с просьбой об усилении его резервами. На эту просьбу ему ответили оттуда посылкой в его распоряжение одного батальона.

Но и этот батальон не дошел до дивизии. Сбившись по дороге ночью в лесу, он вышел на участок 22-й дивизии только около 10 час. 21 марта.

До 13 час. дивизия удерживала захваченные ею окопы. Бойцы, не имея средств выкачивать из окопов воду, располагались вне их, на открытых местах, в результате чего еще больше увеличились потери в их рядах. Дальнейшее продвижение без усиления дивизии резервами оказывалось невозможным.

Немцы же заметно усиливались в районе лесного клина. Туда стягивались их свежие силы. Лесной клин был сильно укреплен завалами и засеками. Все его опушки были густо оплетены колючей проволокой. Штурмовать такой укрепленный пункт в дневных условиях лобовой атакой было бессмысленно. Начальник 22-й пехотной дивизии решил захват клина осуществить ночью, после соответствующей артиллерийской подготовки.

Но в 20 час. 15 мин. немцы в густых построениях повели наступление от лесного клина. Части 86-го полка были выбиты из захваченных ими окопов. После жаркого рукопашного боя были оттеснены к опушке леса и остальные части дивизии.

Измотанные четырехдневными беспрерывными боями, без сна и пищи, пролежав весь день 21 марта на мокром снегу, среди луж талой воды, бойцы 22-й пехотной дивизии вновь вернулись в то исходное положение, с которого уже в третий раз пытались неудачно прорвать укрепленную полосу противника. Вернулись потому, что своевременно не были поддержаны резервными частями и не были в нужной мере обеспечены артиллерийским огнем.

Из 5 560 человек, ходивших в наступление 21 марта, вернулось назад только 1 050. 4 510 человек осталось лежать (убитыми и ранеными) на поле боя. Среди них было много окоченевших.

Действия 27-го армейского корпуса

Одновременно с 1-м армейским корпусом левее его наступал 27-й армейский корпус. Этот корпус был влит в боевую линию без одной бригады 45-й дивизии, находившейся в групповом резерве. Но из трех бригад 27-го корпуса в наступление было назначено только два полка 76-й дивизии—301-й и 302-й. Остальные части были эшелонированы в глубину, составляя дивизионный и корпусный резервы.

Наступление 27-го армейского корпуса вначале развивалось успешно. 302-й полк захватил сторожевое охранение противника у Бучелишки, но дальше продвинуться не мог, так как мешал сильный фронтальный огонь со стороны Бучелишки и фланговый косоприцельный от Целины. За 302-м полком остановился в своем продвижении и 301-й полк.

Утром 21 марта оба полка были подвергнуты сосредоточенному обстрелу артиллерии противника. Полки не выдержали такого огневого испытания и отошли в свое исходное положение. Поддержка их со стороны 2-й бригады 76-й дивизии оказалась слабой и несвоевременной. Командование корпуса и 76-й дивизии строило опра-

вдание своего отхода на том, что отошел правый сосед — 1-й армейский корпус. А то, что при отходе в 27-м корпусе оставались не введенными в бой четыре полка, для генерала Баланина, видимо, ничего не значило.

Действия 1-го сибирского корпуса

1-я сибирская дивизия

Весь день части 1-й сибирской дивизии приводили себя в порядок и готовились к новой атаке.

В 3 часа 15 мин. 21 марта была получена телеграмма, в которой командир корпуса требовал от 1-й и 2-й сибирских дивизий к утру вернуть полностью потерянное 20 марта.

В 5 час. 15 мин. в дивизии был получен приказ об атаке. Наступал четвертый день беспрерывных боев.

В 5 час. 30 мин. дивизия оставила свое исходное положение и пошла в атаку. Огонь поддерживавшей дивизию артиллерии усилился, но уже не носил прежнего характера ураганного огня.

Полки сразу были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем противника и начали нести большие потери. Цепи очень медленно продвигались, часто останавливались и залегали под убийственным огнем. Только к 6 час. они достигли проволочных заграждений, за полчаса пройдя всего 200—250 м.

Начался самый трудный, мучительный период атаки—преодоление проволочных заграждений. Противник беспрерывно обстреливал их ружейно-пулеметным огнем. Дождь пуль поливал эти заграждения, местами пробитые русской артиллерией. В узкие щели между уцелевшей проволокой пролезали отдельные бойцы, часто тут же падая замертво от вражеских пуль.

Но, несмотря ни на что, в 7 час. 5 мин., когда наступал уже рассвет, 1-й сибирский полк был опять в окопах противника. Вслед за ним ворвались туда же 2-й и 3-й полки. Вскоре контратакой противника 2-й и 3-й полки были выбиты из немецких окопов и, отойдя к Лесным Мулярам, залегли там.

В 8 час. начальник 1-й сибирской дивизии донес, что 1-й полк, овладев немецкими окопами, понес большие потери, с трудом удерживает захваченное, 2-й и 3-й полки не в состоянии оказать ему помощь, так как сами обессилены предыдущими боями не в меньшей степени, резервы же всех полков исчерпаны полностью.

В 8 час. 20 мин., в ответ на просьбу дивизии, ей было разрешено ввести в бой 4-й полк, находившийся до того в корпусном резерве. 4-м полком решено было атаковать противника через Мулярский лес, со стороны левого фланга 1-го полка, нанося удар в северо-западном направлении в обход Бучелишки. 2-й и 3-й полки в этом случае должны были атаковать противника на своих участках. Наступление 4-го полка должна была предварить короткая артиллерийская подготовка, почему сама атака, по расчету, могла состояться около 12 час.

Но выяснилось, что в тяжелых дивизионах нет больше снарядов. Подвоз их ожидался только к вечеру. Бросать полк в атаку без

артиллерийской подготовки сочли бессмысленным, так как это означало бы для начальника 1-й сибирской дивизии уничтожение без надежды на успех его последнего наступательного резерва. Атаку 4-го полка перенесли поэтому на вечер.

Около 15 час. от Свилели в направлении Целины и Бучелишки отмечен был подход двух колонн противника величиной каждая до батальона. К вечеру в немецких окопах замечалось большое оживление: подача команд, передвижение людей и пр. Видимо, противник подготавливал контратаку. Местность впереди его окопов все время освещалась ракетами.

В 21 час 45 мин. начальник 1-й сибирской дивизии донес командиру корпуса [1]: «1-й, 2-й и 3-й полки, принимавшие непосредственное участие в атаке укрепленной полосы противника, понесли тяжелые потери убитыми и ранеными. Крайней силы перекрестный пулеметный и ружейный огонь разрывными пулями выводил массы людей из строя. По докладу командиров полков боевой состав частей ныне следующий:

В	1-м	полку:	офицеров	18,	штыков	514,	пулеметов 11
Во	2-м	»	»	11	»	262	» 19
В	3-м	»	»	19	»	600	» 14
В	4-м	»	»	52	»	2 100	» 21

Состав этот не может считаться соответствующим возложенным на дивизию ответственным боевым задачам. Кроме того, нужно принять во внимание утомленность людей после четырех дней усиленных переходов и боев.

Ввиду этого ходатайствую об ограничении задачи, выпавшей на дивизию, и во всяком случае о предоставлении некоторого времени частям на восстановление сил».

В это время 1-й полк, оторванный от остальных частей дивизии, продолжал таять, сидя в немецких окопах под непрекращавшимся убийственным огнем противника.

В ночь с 21 на 22 марта он также принужден был отойти в свое исходное положение.

Вторично героизм сибирских частей не дал тех результатов, каких можно было ожидать от их атаки. Вторично неповоротливость группового и корпусного командования, во-время не обеспечившего наступление подводом нужных резервов, сорвала атаку. Невероятные усилия частей, огромные человеческие жертвы и колоссальный расход материальных средств — все пошло впустую.

На фоне потерь, какие понесла 1-я сибирская дивизия в атаке 21 марта, нельзя не остановиться на тех местах записи журнала военных действий этой дивизии, где говорится о гибели добровольца 3-го сибирского полка Евгении Воронцовой [2], прибывшей в полк в конце февраля из Москвы (отец бухгалтер Голутвинской фабрики). «Воронцовой, — рассказывает журнал, — было всего 17 лет. Принимая во внимание ее молодость, ее зачислили в

---

[1] ЦВИА, дело 141—834, стр. 24.
[2] Там же, стр. 29.

команду связи, но в день атаки она категорически заявила, что желает принять участие в атаке, и отправилась в 5-ю роту.

Под сильным перекрестным огнем, пулеметным и ружейным, вместе со стрелками она достигла проволочных заграждений. Идя с винтовкой в руках, не обращая внимания на град пуль, сыпавшихся на наступающих со стороны противника, она своим спокойствием заражала всех окружающих.

У проволочных заграждений атакующие цепи приостановились. Воронцова первая нашла проход на разрушенном участке проволочных заграждений противника и с криком: «Братцы, вперед!» устремилась к германским окопам. Многие последовали ее примеру. Но через несколько шагов юная героиня пала мертвой, сраженная вражеской пулей».

2-я сибирская дивизия

Когда в 1-й дивизии развертывались такие события, во 2-й сибирской дивизии происходило следующее.

Атака дивизией была начата несколько раньше — в 4 часа 21 марта. К 5 час. 6-й полк овладел первой линией неприятельских окопов, захватил там пленных, сопротивлявшихся переколол и ринулся дальше, преодолевая проволоку противника на своем пути.

Сильное сопротивление наступавшему полку было организовано противником только в лесу, что севернее Ловкишки. Участок этого леса был немцами сильно укреплен. Но эти укрепления не остановили наступавших. Пироксилиновыми шашками, ручными гранатами бойцы 6-го полка расчищали себе дорогу и вскоре оказались в самом лесу. Немцы частью бежали, частью поднимали руки вверх и сдавались в плен.

Занимавший слева от 6-го полка позицию на широком фронте 5-й сибирский полк сообщил, что от Можейковского озера к западу наблюдаются убегающие группы противника. От 7-го полка, наступавшего правее, поступило сообщение, что правофланговые роты его вместе с 1-й сибирской дивизией заняли первую линию немецких окопов, левофланговые залегли перед этими окопами у проволочных заграждений. Начальником дивизии было приказано 8-му полку поддержать двумя батальонами 7-й полк и двумя ротами наступление 6-го полка.

Между тем в лесу, захваченном 6-м полком, происходила сдача противника в плен. Офицеры 6-го полка, увидя массу столпившихся немцев, поднявших руки и просящих о пощаде, прекратили огонь и стали останавливать свои подразделения, пытаясь восстановить порядок в их расстроенных группах.

Пока этот порядок устанавливался, наблюдение за противником было ослаблено. Вдруг из-за толпы сдававшихся в плен германцев неожиданно застучали пулеметы. Все бросились врассыпную, кто куда. Стали падать, сраженные пулями, и русские, и немцы. Началось невероятное смятение. Кто уцелел, бросился на землю и, применяясь к местности, начал вести огонь. Произошла жаркая огневая схватка на самых сближенных дистанциях, причем бойцам 6-го полка нужно было не только вести огонь по противнику, не-

ожиданно оказавшемуся боеспособным в этом лесу, но и смотреть за захваченными пленными, которые находились среди них и каждую минуту могли броситься на них со своим кое у кого уцелевшим оружием.

В результате такого боя, охваченный с трех сторон подходящими к немцам поддержками, 6-й полк вынужден был уйти из леса. Отход совершался в чрезвычайно тяжелых условиях. Тем не менее уцелевшие остатки 6-го сибирского полка вернулись в свое исходное положение, приведя с собою несколько десятков пленных 17-го, 52-го и 131-го германских полков.

Наступление 2-й сибирской дивизии не развилось. Потери ее в одну ночь с 20 на 21 марта достигли 55 офицеров и свыше 5 000 солдат. Все резервы дивизии были исчерпаны.

Вечером 21 марта начальник дивизии донес командиру корпуса [1]: «Предшествующие атаки двумя с половиною полками, несмотря на поддержки, тотчас вливаемые в бой, приводили только к занятию первой линии окопов противника, причем у него из леса тотчас появлялись пулеметы, косившие перед собою все живое. Потери трех полков (5-й пассивен, занимает 6-верстную позицию) — 55 офицеров и 5 200 стрелков убитыми и ранеными. 6-й полк ныне в составе двух рот; нетронутыми у меня остались только два батальона 8-го полка. Такими силами, несмотря на доказанные уже боями и потерями высокие моральные качества частей дивизии, взять укрепленную позицию противника, не имея больше ничего, чтобы влить свежие резервы и тем удержать ее, вряд ли удастся, а может только повести к безрезультатной потере людей.

Для выполнения возложенной задачи я должен иметь в своем распоряжении не менее свежей бригады. Прошу верить, что при всякой другой обстановке 2-я сибирская дивизия свято исполнит свой долг».

Решения генерала Плешкова и командующего 2-й армией на 22 марта

Начальники дивизий напрасно метали бисер своего красноречия и убедительных с их точки зрения доводов перед своим командиром корпуса, он же начальник Северной группы. Вечером того дня, когда были посланы ими эти «слезницы» генералу Плешкову, от него получилось приказание повторить атаку в ночь с 21 на 22 марта. Исходное положение занять к 21 часу.

Но, как бывает предел человеческим страданиям, так, видимо, существует и мера человеческому самодурству. Очевидно, генерал Плешков дошел в своей «бесповоротности» до этой черты. В 23 часа атака была отменена. Если бы эта отмена и не последовала, атака все равно не состоялась бы. Части Северной группы (исключая 27-й корпус), измученные беспрерывными четырехдневными боями, неспособны уже были ни на что, кроме отдыха. В день 21 марта многие засыпали под убийственным огнем противника у его прово-

[1] ЦВИА, дело 141—943, стр. 6.

лочных заграждений. Четырехдневные атаки, связанные с исключительным нервным напряжением, утомили людей настолько, что многие из них не могли двигаться.

Наступление группы Плешкова выдохлось.

22 марта генерал Эверт прислал в Ставку запись своего разговора по прямому проводу с генералом Рагозой о действиях Северной группы 2-й армии.

Разговор этот очень длинен; суть его такова [1].

Плешков действует неудачно: идет в атаку без достаточной подготовки артиллерией, зря уничтожает войска, утомляет их постоянными ненужными передвижениями, не пускает в дело массу, хотя и имеет ее; он сам и его помощники делают, что могут, но способностей военачальников лишены. До боев генералов мало знали, менять их теперь — значит окончательно расстроить управление в ответственный момент.

Рагоза предлагал приостановить весь маневр группы Плешкова, экстренно сосредоточить к вечеру 22 марта войска в другом месте и ударить оттуда на немцев неожиданно.

Установление факта вполне правильно, но выводы неожиданны. Нужно быть Рагозой, чтобы предполагать возможным в одну ночь передвинуть массу войск с их артиллерией и тылами с одного участка фронта на другой, передвинуть по дорогам, которые окончательно испортились и движение по которым сделалось невозможным. Передвинуть войска, управляемые такими генералами, как Баланин, который при подобной рокировке частей мог организовать такую «передвижку», после которой можно было вообще не найти этих частей! Кроме того, едва ли можно было добиться неожиданности наступления на другом участке в условиях, когда войска противников сцепились непосредственно друг с другом в четырехдневных боях, и оторвать их в такой обстановке без раскрытия своих намерений едва ли возможно.

Но то, что казалось невозможным для других, рисовалось простым и возможным для Рагозы. Несколько позже мы увидим, к каким «возможностям» это привело истрепанную предыдущими неудачными боями 2-ю армию, а пока посмотрим, что делалось в это время на других участках фронта армии — Южной и Центральной групп.

Группа генерала Балуева

(Схемы 21 и 22)

Непосредственно после разговора по прямому проводу с генералом Зиборовым Рагоза вечером 20 марта вызвал к прямому проводу командующего Южной группой генерала Балуева. Последнего в штабе группы не оказалось. Разговор с командующим армией вел начальник штаба группы генерал Вальтер.

Мы этого разговора передавать здесь не будем, так как он почти дословно повторяет то, что говорилось Зиборову; заканчивался он тем же стереотипным требованием: «к утру вернуть потерянное».

---

[1] Мих. Лемке, 250 дней в Ставке, стр. 623.

Вальтер, как и Зиборов, обещался доложить командующему группой и в точности исполнить, что приказано.

Атака корпусов Южной группы была назначена на 4 часа 21 марта.

Действия 5-го армейского корпуса

(Схема 21)

Приказом на атаку дивизиям этого корпуса были поставлены такие задачи:

7-я пехотная дивизия: для нанесения главного удара на перекресток дороги с крестом (из Близники в Стаховцы и из Занарочь в г. дв. Стаховцы) — 1½ полка; для вспомогательного удара на участок от оз. Нарочь до (искл.) выс. 94,2— один полк; дивизионный резерв —½ полка — следует за ударной группой в непосредственной с ней связи. Один полк в корпусном резерве.

10-я пехотная дивизия: для нанесения главного удара на исходящий угол немецких позиций — кладбище в роще, что северо-восточнее г. дв. Стаховцы, — два полка; непосредственно за ними, в тесной связи с ними, один полк дивизионного резерва. Один полк в корпусном резерве.

Корпусный резерв располагается у д. Черемшицы.

Задача атакующим полкам: прорвать первую линию противника и закрепиться на ней; дивизионным резервам прикрывать ворвавшиеся головные части и закрепить выдвижением вперед захваченные ими участки окопов противника.

С 1 часа ночи 21 марта батареи 5-го корпуса начали артиллерийскую подготовку. Вперемежку с обычными стрельба велась также химическими снарядами. Всего за ночь по противнику с участка 5-го корпуса было выпущено около 7 000 химических снарядов.

К 3 час. наблюдение артиллерийского огня показало отдельные удачные попадания и значительные повреждения на некоторых участках проволочных заграждений противника.

В 3 часа 30 мин. части 5-го корпуса двинулись в атаку.

7-я пехотная дивизия

Вначале продвижение полков 7-й пехотной дивизии совершалось успешно, но, дойдя до проволочных заграждений противника и начав их резку и расчистку, полки были встречены сильным ружейным, артиллерийским и, главным образом, пулеметным огнем.

Продвижение 27-го и 28-го полков (схема 12), которым приходилось пройти большее расстояние между своими и неприятельскими окопами, чем 25-му полку, совершалось более медленным темпом. 25-й полк быстро дошел до проволочных заграждений противника и быстро их преодолел.

Ввиду обозначившегося успеха на фронте 25-го полка и медленного продвижения 28-го и 27-го полков решено было облегчить развитие наступления последних энергичным и решительным продвижением 25-го полка. Командиру этого полка было приказано немедленно подкрепить передовые части и развить их успех стремительной атакой.

Схема 21. Наступление группы генерала Балуева 21 марта 1916 года

Решительное движение в атаку 25-го полка увенчалось успехом, и в 4 часа 21 марта 25-й полк, а за ним 28-й и 27-й ворвались в передовую линию германских окопов. Развивая успех, части захватили несколько последующих линий окопов противника и отдельные укрепленные пункты у д. Близники.

К 11 час. утра части 7-й пехотной дивизии, захватив укрепленную позицию противника, заняли фронт от оз. Нарочь через г. дв. Августово, рощу, что у подписи «Вол. пр.», и далее к югу по болоту, где вошли в связь с частями 10-й пехотной дивизии.

В результате боя частями дивизии было взято свыше 1 000 пленных, в том числе 17 офицеров.

Противник к этому времени занимал лес к северо-западу от г. дв. Августово, далее фронт его тянулся на перекресток дорог к западу от д. Близники и на западную окраину болота.

Около 17 час. вдоль берега оз. Нарочь от леса, что северо-западнее г. дв. Августово, немцы густыми цепями с сильными поддержками повели наступление, но, обстрелянные легкой и тяжелой артиллерией со стороны оз. Блядо, отхлынули назад.

К вечеру был отдан приказ, согласно которому 25-й, 26-й и 28-й полки должны были упорно удерживать захваченный участок позиции противника, а 27-й полк — отойти в дивизионный резерв к штабу дивизии.

Прорыв 21 марта укрепленной полосы противника, морально потрясенного нашим успехом, в связи с захватом двух линий этой позиции и отсутствием у противника значительных резервов давал возможность рассчитывать на дальнейшее развитие успеха. Штабом дивизии в этом отношении были приняты все меры, в бой были введены все полки, в резерве начальника дивизии оставался один сводный батальон учебных команд, но, кроме этого батальона, других свободных сил не было, почему и пришлось ограничиться удержанием захваченного, не ставя себе пока целей дальнейшего продвижения вперед.

Неподача во-время резервов — корпусных и группового — и здесь, как и в Северной группе, губила успешно начатое дело.

10-я пехотная дивизия

Атака дивизии началась совместно с 7-й пехотной дивизией. Около 4 час. 37-й полк прорвал укрепленную полосу противника западнее Колодино и стремительным движением овладел кладбищем, что к северо-востоку от г. дв. Стаховцы. На плечах убегающих немцев 37-й полк ворвался во 2-ю линию окопов противника. Здесь немцы оказали отчаянное сопротивление, и 37-й полк понес большие потери при захвате этой линии.

За 37-м полком двинулся в атаку 38-й полк. Обойдя фланг 37-го полка справа, 38-й полк стремительным ударом овладел третьей линией окопов противника и стал распространяться вправо. В это время 27-й и 28-й полки 7-й дивизии овладели Занарочью, а 40-й полк (левофланговый в 10-й дивизии) своим правым флангом вышел в перелески севернее г. дв. Стаховцы.

Для развития успеха командиром 5-го корпуса немедленно были двинуты резервы корпуса — 26-й и 36-й полки — и для преследования отходящего противника назначены две сотни Уральской казачьей дивизии, один полк которой к этому времени был подтянут в Черемшицы.

Противник оказывал незначительное сопротивление; он или был уничтожен в схватках за свои первую и вторую линии, или взят в плен. Но, усиленный подтянутыми резервами, он все же успел занять свои последние окопы по линии перелесков, примерно вдоль дороги г. дв. Августово, Мокрицы, и высоты севернее большого болота и на этой линии остановить продвижение 5-го армейского корпуса.

Действия 3-го сибирского корпуса

Первоначально корпус выполнял пассивную задачу обеспечения центра Южной группы, но на 21 марта ему тоже была поставлена активная задача: 29-му полку, развернутому на фронте, наступать, согласовывая свои действия с действиями левофлангового 40-го полка 10-й дивизии; одной бригадой, сосредоточенной в районе ф. Гарова, Кулиха, выдвинуться ночью через Изорода на Стаховцы и оттуда, в связи с наступлением 5-го армейского корпуса, продвинуться в Мокрицы, Сидоровичи, после чего развивать своим наступлением успех правофланговых частей 5-го армейского корпуса.

Нельзя сказать, чтобы такая задача была проста и посильна бригаде, особенно в ночных условиях. Бригаде нужно было, двигаясь в тылу и на фланге 10-й дивизии, пройти в одну ночь по трудным, испорченным дорогам 12 км и после того вступить в бой с противником, обороняющим хорошо укрепленную позицию.

Ничего этого бригада 3-го сибирского корпуса не выполнила, чем, как увидим позже, поставила в чрезвычайно трудное положение дивизии 5-го армейского корпуса.

До этого рассмотрим, что делалось на фронте 36-го армейского корпуса.

Действия 36-го армейского корпуса

(Схема 22)

На атаку 21 марта дивизиям корпуса были поставлены такие задачи:

25-й пехотной дивизии — атаковать на всем фронте, имея одной из своих важнейших задач овладение Балтагузами.

68-й пехотной дивизии — оказывать содействие 25-й пехотной дивизии артиллерией и переходом в наступление правым флангом у д. Бережная.

Корпусный резерв — один полк — из района Демьяновичи к 4 час. должен был выйти к высоте 89,3 севернее Лыцевичи, другой полк из района Муляры, Курники — в лес к северу от Демьяновичи.

25-я пехотная дивизия

100-й и 98-й полки наступали на Балтагузы и высоту 93,0, имея задачей овладеть ими; 97-й полк должен был атаковать фронт:

ф. Островляны, высота севернее фольварка, лес, огибающий эту высоту к северо-западу до дороги из Новоалександрова в Буйки.

Обе группы 20 марта с наступлением темноты заняли исходное положение и нацелили части на объекты атаки. В атаку приказано

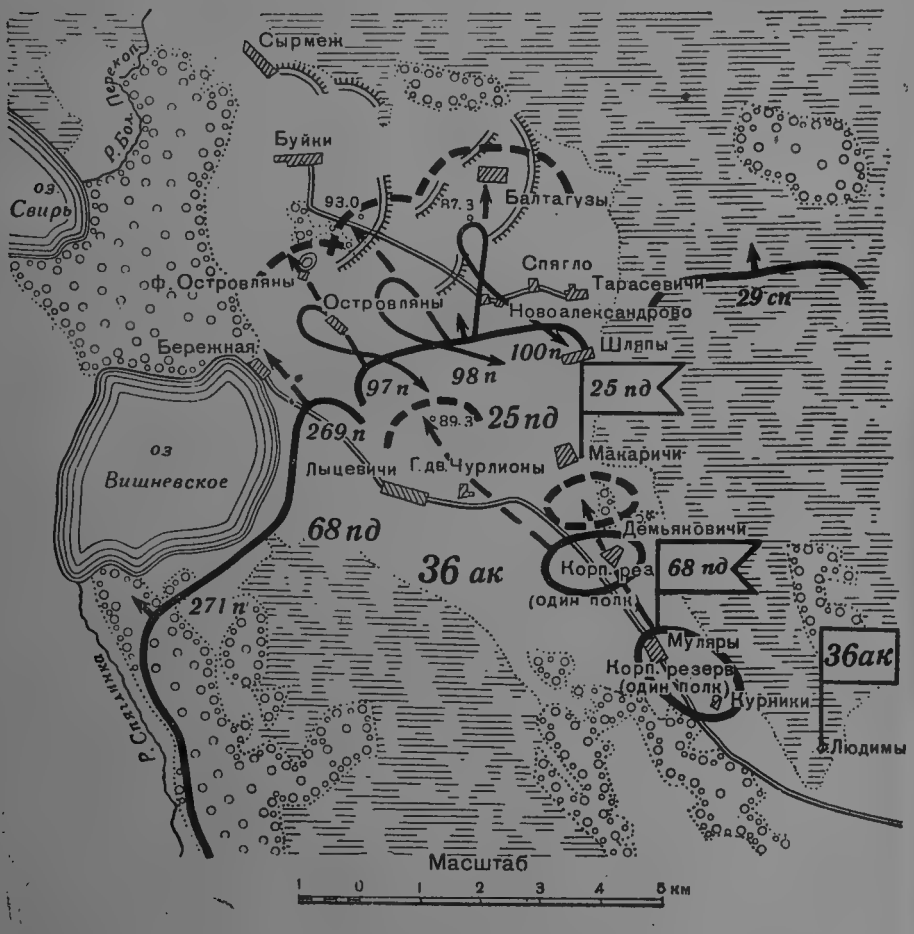


Схема 22. Наступление частей 36-го арм. корпуса 21 марта

было итти на сближенных дистанциях, без выстрелов, двигаясь безостановочно.

Атака началась в 4 часа утра, за полтора часа до рассвета, но передовые роты подошли к проволочным заграждениям противника только на рассвете. К 9 час. части достигли проволочных заграждений на высоте 87,3 и на высоте севернее ф. Островляны, где люди залегли и не продвигались, поражаемые тяжелыми снарядами и пулеметным огнем. Командиры полков, ввиду больших потерь в офицерском составе (во 2-м батальоне 97-го полка остался один офицер), не могли продвинуть их.

В 17 час. 30 мин. были получены от командиров полков донесения, что люди утомились четырьмя бессонными ночами и окоченели, лежа на мерзлой земле. Командир корпуса разрешил отвести части в исходное положение. 97-й и 98-й полки заняли основные окопы по линии Тарасевичи, Островляны, а 100-й и 99-й полки расположились: 100-й полк — в д. Шляпы, 97-й — в землянках между Островляны и Чурлионы.

Как только полки расположились на месте, получено было распоряжение командующего группой «энергично атаковать противника», но полки, утомленные предшествующими боями, — об этом прямо говорит журнал военных действий 25-й пехотной дивизии [1], — такого распоряжения не выполнили.

68-я пехотная дивизия

На фронте этой дивизии в ночь с 20 на 21 марта по существу никаких действий не происходило. Робкая попытка 269-го полка наступать была встречена сильным огнем со стороны противника. Полк залег в ожидании, когда продвинется сосед справа—25-я дивизия. Продвижение это не дало больших результатов, почему и 269-й полк почел за благо не рисковать своей головой в опасном наступлении. Тем более, что все огневые средства 36-го армейского корпуса были сосредоточены по участку наступления 25-й дивизии, и 68-й приходилось наступать без артиллерийской поддержки.

Действия групп Плешкова и Балуева 22 марта

В 13 час. 30 мин. была получена телеграмма начальника штаба армии о том, что 55-я пехотная дивизия (армейский резерв) передается группе генерала Балуева. Тотчас по получении этого извещения 55-я дивизия была передвинута в Ижу (схема 14, стр. 84), на место 7-й сибирской дивизии, которая была подтянута ближе к фронту и поставлена в затылок 8-й сибирской дивизии.

В 18 час. был отдан по группе приказ продолжать выполнение поставленных ранее задач, но этот приказ не был выполнен частями. Люди были настолько утомлены, что побудить их к каким-либо активным действиям не было возможности. Они нуждались в отдыхе и неспособны были выполнять приказы своего командования. Наступательные возможности были полностью исчерпаны, и наступление выдохлось. Этого упорно не хотели понимать старшие начальники, безответственно ставившие войскам требования «продолжать выполнение ранее поставленных задач».

Атака Южной группы была перенесена на 22 марта.

День 22 марта застал войска Северной группы отдыхающими. На фронте тихо. Артиллерия обеих сторон молчит. Кое-где вдруг вспыхнет небольшая ружейная перестрелка сторожевых частей;

---

1 ЦВИА, дело 130—395, стр. 3—4.

иногда в это дело вмешается двумя-тремя очередями пулемет, потом опять все замолкнет.

Части отдыхали, приводили себя в порядок, убирали раненых. Их было очень много; все лечебные места были заполнены; нехватало перевозочных средств, чтобы эвакуировать их дальше в тыл. Врачи теряли голову от невозможности оказать помощь всем тем, кто в ней срочно нуждался.

Отдыхал и, видимо, приводил себя в порядок в этот день и противник. Прежнего оживления, замечаемого в его окопах, не было видно. Не исправлялись даже разрушенные местами проволочные заграждения, что немцами обычно делалось в первую голову и неукоснительно после каждого боя. Русские атаки, видимо, вконец измотали германцев. В своих воспоминаниях [1] Людендорф говорит об этом так: «С 18 по 21 марта положение 10-й армии [2] было критическим. Русские обладали огромным численным превосходством. 21 марта русские одержали в озерной теснине [3] успех, который для нас был очень болезненным. Западнее Постав [4] их атака была лишь с трудом отражена. Напряжение войск, принимавших участие в этой операции на глубоко размытой земле, в холодную и сырую погоду, было очень велико».

Так проходил день 22 марта на фронте Северной группы.

На фронте Южной группы этот день не отличался таким спокойствием (схема 21).

С 7 час. началась артиллерийская подготовка. В 13 час. части снова перешли в атаку. Немцы ответили встречным наступлением в стык между 7-й и 10-й пехотными дивизиями.

Основной удар противника пришелся по 26-му полку 7-й пехотной дивизии, который вследствие этого подался несколько назад, поставив под угрозу успехи дивизии, достигнутые ею во вчерашнем бою. Но наступавший в затылок 26-му пехотному полку 26-й сибирский полк легко опрокинул немцев, фронт 7-й пехотной дивизии был восстановлен, и германская контратака потерпела неудачу.

10-я пехотная дивизия в это время только обозначила наступление своим левым флангом, а 25-я вообще топталась на месте. Части были сильно утомлены предыдущими атаками, и наступление их развивалось слабо.

Более успешными были действия 32-го сибирского полка, который стремительной атакой овладел высотой 92, что севернее г. дв. Стаховцы.

В 19 час. генерал Балуев, видя безрезультатность атак, приказал частям закрепиться на достигнутых рубежах, с тем чтобы повторить атаку ночью. Новая атака была назначена примерно на 3 часа.

Весь день 22 марта шел дождь, ночью же неожиданно стало ясно и ударил мороз до 4°. Люди обледенели. В цепях оказалось много обмороженных и замерзших.

---

[1] Людендорф, Мои воспоминания, стр. 169—170.
[2] Противостоящей на фронте 2-й русской армии.
[3] На фронте наступления 5-го армейского корпуса.
[4] На фронте группы Плешкова.

Атака началась в 3 часа 30 мин. одновременно 5-м армейским, 3-м сибирским и 36-м армейским корпусами. Встреченные сильным огнем противника, наступающие части продвигались медленно. Около 5 час. командир 36-го армейского корпуса донес, что части залегли и 25-я дивизия, по его мнению, небоеспособна; выполнять поставленную ей задачу она не в состоянии. Командир корпуса ходатайствовал о смене этой дивизии другими, менее расстроенными частями и уводе ее в тыл на отдых для пополнения и приведения в порядок.

Так как к этому времени в распоряжение командующего Южной группой была передана из армейского резерва 55-я пехотная дивизия, командующий группой решил сменить ею 25-ю пехотную дивизию. 55-я пехотная дивизия находилась в районе Курники, Муляры. До ее подхода на участок 25-й пехотной дивизии последней было приказано удерживать занимаемый участок во что бы то ни стало.

К 6 час. 35 мин. части 3-го сибирского корпуса заняли Длинный лес, что в 1 км юго-восточнее Мокрицы. Захват леса представлял для сибирских частей исключительную трудность, так как он весь был оплетен проволокой и забит завалами и засеками.

Ночная атака 7-й и 10-й пехотных дивизий успеха не имела. Части неспособны были на дальнейшее продвижение. Они нуждались в отдыхе. На 23 марта они занимали положение, указанное на схеме 21.

Группа генерала Сирелиуса 21 и 22 марта

(Схема 8, стр. 60)

20 марта, по донесениям из штаба Сирелиуса [1], на фронте Центральной группы «продолжалось содействие соседним группам артиллерийским огнем, местами редкая ружейная стрельба». «Артиллерия противника,—эпически повествует штаб Сирелиуса,—обстреляла наши окопы у Глодово и против Шабаны, особенно сильно район от г. дв. Черняты до д. Лотва. Выпущено около 150 тяжелых снарядов, один с удушливыми газами. Наши потери—2 офицера и 24 солдата. Нашей артиллерией удачно обстреляна колонна около двух рот, направлявшаяся из д. Микитки в г. дв. Иванки. Немцы разбежались и укрылись в лесу; последний был также обстрелян, после чего одиночные люди выбегали из леса и скрывались в овраге».

То-есть удивительно мирное житье! Чтобы не забыть, что это все-таки фронт, неприятеля беспокоят артиллерийским огнем и ружейной перестрелкой. Ведется точный учет неприятельских артиллерийских выстрелов; их немного: 150 тяжелых снарядов упало на всем фронте группы, из них один химический. Наш огонь, доносит Сирелиус, заставил две роты противника спрятаться в лесу, а потом стал беспокоить их и в этом лесу, тогда «одиночные люди выбегали из леса и скрывались в овраге».

Но 20 марта вдруг «тронулся лед». Совесть ли заговорила у генерала Сирелиуса, или он вздумал в свои объятия схватить ту

[1] ЦВИА, дело 112—722, стр. 41.

победу, которая так упорно не давалась его соседям — Плешкову и Балуеву, только вдруг прислал он генералу Рагозе телеграмму, что желает всерьез наступать «уступом после соседей» и просит передать для этой цели в его распоряжение одну бригаду из 104-й дивизии — армейского резерва.

Что означало такое «наступление» — действительную затею Сирелиуса или очередной дипломатический маневр с его стороны, этого не понял и Рагоза. В ответ на телеграмму Сирелиуса он сообщил ему следующее [1]:

«Из 104-й дивизии ничего дать не могу. Просите слишком поздно — ее части могут подойти к вам не ранее шести часов утра, а это уже поздно (учитывая, что атаки и Северной и Южной групп намечались на 4 часа 21 марта.—Н. П.). Кроме того, из вашего № 9234 не видно, какие части атакуют и как организована эта атака. При таких условиях атака на авось нежелательна».

Сирелиус, тем не менее, отдал приказ «наступать». На ночь с 20 на 21 марта им было отдано следующее распоряжение: «Приказываю в течение всей ночи периодически открывать беглый артиллерийский огонь на всем фронте, дабы тревожить противника. Атака будет произведена позже, когда выяснятся результаты атаки соседних групп».

Но, видимо, атака не состоялась, так как в архивных материалах 2-й армии никаких следов проведения такой атаки нами не найдено.

Но жест, сделанный Сирелиусом — «намереваюсь наступать» — не пропал даром. Он имел серьезные последствия. Мы не будем утверждать, что дело пошло от Сирелиуса; может быть, такая мысль, вызванная неудачами наступления на флангах, уже носилась сама в воздухе, — факт только тот, что после телеграммы Сирелиуса о наступлении Рагоза в разговоре с Эвертом поднял вопрос о возможности перегруппировки сил на свежий участок фронта 2-й армии — в группу генерала Сирелиуса — и о развитии главного удара по противнику с этой стороны.

К 22 марта эта мысль дошла до Ставки; возможно, она родилась там самостоятельно, вызванная обстановкой на фронте. Не в этом дело. Важно то, что 22 марта наштаверх Алексеев прислал Эверту телеграмму следующего содержания [2]:

«При докладе его величеству,—говорится в этой телеграмме,— сегодня утром позволил себе высказать мысль, что при данной обстановке и способе управления от группы генерала Плешкова ожидать более ничего нельзя, тем более достижения поставленной ей цели.

Опираясь на опыт действий на р. Дубиссе в мае прошлого года, полагаю, что генерал Сирелиус в качестве руководителя группы не может дать смелых, связных наступательных действий, систематического выполнения плана.

Ростепель приближается. Заполнение новыми частями войск района действий генерала Плешкова, думается, не отвечает нашим

[1] ЦВИА, дело 112—722, стр. 61.
[2] ЦВИА, дело 443, стр. 89—90.

интересам; этот район охранят от неприятеля сравнительно слабые силы,—поэтому на группу эту, лично решая задачу, возложил бы задачу пассивную, передал бы 15-й корпус генералу Сирелиусу; подходящий же корпус [1] привлек бы в группу генерала Балуева и добивался бы успеха на участке между Поставы и озеро Вишневское с главным ударом у озера Нарочь.

Вполне понимаю, что тяжело отказываться от обдуманного и выполняемого плана, но часто обстановка заставляет менять несколько решение и развивать удар там, где обозначился некоторый успех. Выскажу опять же личное мнение о необходимости отказаться от групповых начальников там, где решается участь операции, и взять на этом участке командующему армией управление в свои руки, допуская роскошь сотрудничества на второстепенного значения направлениях, ввиду неимения тех лиц, которые успешно справились бы с задачей.

Фронт от Поставы до 10-й армии не столь велик, чтобы командующий армией с мощным штабом не выполнил бы работу сам».

Эту телеграмму Алексеева вместе с приводимой нами ранее директивой Эверта о методике наступления, отданной им за день до наступления, надо вписать в историю мировой войны как редкий в своем роде образчик бюрократического, бездушного и безответственного творчества. Вот уж действительно, по пословице, спустя лето, генерал двинулся по малину. А где он был, позволительно спросить, в то время, когда операция начиналась? Почему тогда не подал своего «разумного» совета о ненужности создания армейских групп во 2-й армии? Почему молчал до сих пор? Почему не требовал от Эверта, чтобы тот более активно руководил действиями 2-й армии?

Генерал оказался крепок задним умом. Выступил с советом тогда, когда операция по существу провалилась, когда вследствие неразумных, неподготовленных и безответственных действий невежд и самодуров-генералов погибло без числа русских людей и зря израсходованы огромные материальные средства.

Старая лиса Алексеев чувствовал, что в массовом безумном истреблении людей у озера Нарочь виноват прежде всего он сам, указавший этот участок для наступления войскам и не вмешавшийся до сих пор в организацию и проведение самой операции. Не кто другой, как он, генерал Алексеев, дотянул ее до весны, до распутицы, когда в указанном им болотистом районе невозможны стали боевые действия.

Совет хорош, когда он подан во-время. В то время, когда подавал свой совет генерал Алексеев, никакой, самый лучший совет помочь уже не мог. Дело было явно провалено. Операция выдохлась, и частный успех 5-го корпуса скрасить провала не мог.

Но генерал Алексеев был наштаверх, фактический главковерх, к его голосу надо было прислушиваться, советы принимать не только к сведению, но к руководству и исполнению. «Мое личное мнение», употребляемое в телеграмме, означало только, что если

---

[1] Речь идет о 3-м кавказском.

у вас будет плохо, то в этом винить меня нельзя. Это был обычный дипломатический шаг генералов старой царской армии.

С советом наштаверха, конечно, посчитались, его приняли к руководству и исполнению и несколько ниже мы увидим, что из всего этого получилось.

Выводы по действиям войск 2-й армии за 21 и 22 марта

1. Прежде всего необходимо отметить совершенно необоснованную постановку генералом Рагозой вопроса о возврате к утру 21 марта потерянного в предыдущей атаке. Потребовать этого от войск без учета их физического и морального состояния, не вникнув в их потери людьми и материальными средствами, мог только человек, совершенно не представляющий себе, чего он требует. От войск можно требовать многое, кроме того, чего они не в состоянии выполнить. Генерал Рагоза своим требованием обрек войска на новые, заведомые неудачи.

2. Атака Северной группы вновь захлебывается по двум главным причинам:

а) недостаточной подготовленности и обеспечения ее артиллерией и

б) неподачи во-время и к нужному месту резервов.

Последнее происходит в третий раз все из-за того, что между командованием и войсками огромное 30-километровое расстояние, связь только телефонная, личного наблюдения нет, быстроты реагирования на события тоже нет.

3. Вызывает большое удивление боевое построение корпусов (5-го армейского и 3-го сибирского) в группе Балуева. Успех 5-го армейского корпуса вполне естественен, так как боевой порядок корпуса отвечал тем задачам, какие перед ним ставились. Но вот почему 3-й сибирский корпус был построен по типу древнегерманской «свиньи»,—это остается непонятным. К чему нужна была такая глубокая растяжка корпуса от фронта в тыл — это секрет командующего Южной группой и командира 3-го сибирского корпуса.

В результате, когда 5-й армейский корпус захлебнулся в своей атаке и не мог продвигаться дальше и когда вводом свежих сил из резерва можно было бы сразу поправить это дело и развить успех, в это время как раз нужных сил не оказалось, а огромный сибирский корпус стоял без дела в тылу, не находя себе применения на фронте в столь трудный и ответственный момент боевых действий Южной группы.

Нераспорядительность и неуменье маневрировать своими резервами являются наиболее характерными особенностями генералов старой царской армии, губивших этим любые начинания, даже в полной мере обеспеченные всем необходимым для их выполнения.

4. Исключительно позорное поведение мы отмечаем у командира 27-го армейского корпуса. Корпус отошел потому, что отошла соседняя справа 22-я пехотная дивизия. Командир корпуса, извест-

ный уже нам генерал Баланин, после оправдывался, что он никак не ожидал такой неустойчивости от 22-й пехотной дивизии, обнажившей своим отходом его правый фланг. Но 22-я пехотная дивизия была совершенно растрепана и изнурена предыдущими атаками. Некоторые ее полки имели до 75% потерь первоначального своего состава. Полки 27-го корпуса, наоборот, были свежими. Почему они равнялись в этом случае на слабого соседа? Если сосед отошел, почему командир корпуса не выдвинул на фланг своих резервных полков, а у него в этот момент их было четыре? Почему своим смелым продвижением вперед не заразил новым подъемом упавшую духом слабую 22-ю дивизию?

Эти вопросы остаются неразрешенными, так как поведение генерала Баланина с самого начала участия его в данной операции, как мы видели, было позорным.

5. Особо нужно остановиться на сделанном генералами Рагозой и Алексеевым предложении о переносе направления главного удара с участка генерала Плешкова на участок генерала Сирелиуса и о руководстве боевыми действиями на главном, ударном направлении самим командующим армией (предложение Алексеева).

Перенос направления главного удара с одного участка на другой ничего сверхъестественного не представляет. История дает нам примеры таких переносов, произведенных в самое короткое время. Клук в Марнском сражении в одну ночь перебросил свои корпуса с р. Морена на р. Урк и встретил там крупными силами наступление французской 6-й армии. Но нужно учитывать, что Клук свою переброску совершал в начале сентября, в условиях французской, богатой хорошими дорогами местности, что дело происходило в сухое время года и войска 1-й германской армии были тогда в ореоле своих побед, одержанных ими по пути движения из Германии во Францию через Бельгию.

Ничего подобного не было в армии генерала Рагозы, в частности, в истрепанных и измученных предшествующими боями войсках группы Плешкова. Местность, по которой этим войскам нужно было бы двигаться, чтобы произвести рокировку с одного фланга на другой, бедна дорогами и в данное время года от весенней ростепели неподходяща вообще для передвижений. Этого не учитывали высокие начальники, строившие планы ударов на новых участках беспочвенно и безответственно, пользуясь только картами, а не живой местностью, которую никто из них не видел ни до боя, ни во время его.

6. Управление ударной группировкой самим командующим армией разумно и целесообразно, но в условиях, когда таких ударных групп две, как это имело место во 2-й армии (Плешкова и Балуева), предложение Алексеева едва ли осуществимо. Командующему армией в этом случае нельзя перебрасываться из одной группы в другую, управлять попеременно действиями то одной из них, то другой.

В условиях 2-й армии вообще нужно было строить не две ударных группы, а две ударных армии, которыми на время операции, оставив другие дела, управлять самому командующему фронтом.

7. В числе заслуживающих внимания боевых эпизодов за рассмотренные дни мы должны хотя бы кратко остановиться на геройском подвиге 17-летней Евгении Воронцовой, добровольца 3-го сибирского полка. Воронцова своим примером воодушевила весь полк, повела его, заражая своим энтузиазмом, в атаку. Она своей жизнью заплатила за такую исключительную решимость в трудную, ответственную минуту боевой работы полка.

Героизм Воронцовой, осветивший частный, единичный случай в мучительной, упорной борьбе русских с германцами у оз. Нарочь, вовсе не говорит о том, что он был чем-то единственным и исключительным в своем роде. Наступательные действия 1-й сибирской, 22-й и 7-й пехотных дивизий показывают нам примеры высокой доблести, отваги, решимости и героизма, выказанных не отдельными лицами, вроде Воронцовой, а всей массой солдат и низшего офицерства — командиров взводов, рот и батальонов.

Широкой массе людей, одетых в серые шинели, рабочим и крестьянам России, брошенным на кровавые поля Польши, Галиции и Кавказа, не были известны истинные цели грабительской империалистической войны. Обманутые господствующими классами, они, идя на войну, думали, что идут защищать свое отечество, отстаивать родину от иноземного, вражеского нашествия. Они и делали это с присущим русскому народу мужеством и храбростью. Но они руководились бездарными и безграмотными в военном отношении начальниками, оказывались в невыгодных в отношении противника условиях, часто погибали без всякой нужды и пользы для России.

Глава девятая

Замирание боевых действий 2-й армии

Решение командующего 2-й армией на 23 марта

Полученные от Алексеева указания о нецелесообразности образования групп и необходимости самому командующему армией непосредственно управлять войсками на том участке, где решается судьба операции, главнокомандующий Западным фронтом не преминул «спустить» вниз, во 2-ю армию, со следующими своими соображениями на этот счет.

«Ген. Алексеев, — писал он Рагозе 23 марта [1], — считает желательным отказаться от групповых начальников там, где решается участь операции, и взять на этом участке командующему армией управление в свои руки, допуская роскошь сотрудничества на второстепенном направлении. Вполне разделяя этот взгляд, полагал бы необходимым, чтобы управление группой генерала Плешкова вы взяли на себя».

В тот же день в группу Плешкова были командированы из штаба Западного фронта для расследования боевых неудач генерал Беляев и полковник Лисовский. Сам Рагоза предписывал Плешкову «оказывать им всяческое содействие в их работе». Ясно было, что в этой группе дела обстоят не блестяще, раз туда выехала следственная комиссия, — и после всего этого вдруг взять в непосредственное управление такую группу! Рагоза тут же «веско» и «поученому» возразил Эверту на его предложение [2]. «Взглядом Алексеева, — телеграфировал он главнокомандующему Западным фронтом, — и вашим относительно групповых начальников, особенно там, где решается участь операции, согласиться не могу, как принципиально, так и равно по сложившейся обстановке. Нас учили: мастера военного дела более пяти единицами управлять не могут. Я простой смертный и имею под своим началом таковых тринадцать».

Рагоза передергивает, так как в конечном счете он имел у себя под началом только три единицы — группы.

---

[1] ЦВИА, дело 112—006, стр. 184.
[2] ЦВИА, дело 442, стр. 124—125.

«...Чтобы взять на себя управление группой генерала Плешкова, я должен переехать в район его войск».

А генералы, как мы видели, не любили переезжать из своих удобных, оборудованных штабов в другие места.

«Не на кого тогда будет оставить армию. Если, не дай господи, будет заминка у генерала Балуева, то должен буду тогда переехать к нему. На кого тогда оставлю армию и войска группы Плешкова?

...Теперь при групповой организации через телеграф проходит до трех тысяч депеш ежедневно.

Если мне треть таковых читать, то при семнадцатичасовой непрерывной работе можно на каждую депешу уделить только по одной минуте».

Здесь позволительно вспомнить, как у Рагозы расходились слова с делом. 16 марта, перед началом операции, он, подобно Эверту, тоже разослал свои «указания» войскам, где в числе других требований значились такие: «Решений не менять», «Наступая, не оглядываться на соседа», «Порыв не терпит перерыва», «Когда потечет кровь, закрыть чернильницы». По числу поступающих в штаб армии депеш видим, что когда на фронте текла кровь, чернильницы далеко не были закрыты.

С своей стороны Рагоза вновь предлагал перенести направление главного удара с участка группы Плешкова на участок группы Сирелиуса. Эверт, стремившийся сейчас по возможности умывать руки в Нарочском деле, согласился с предложением Рагозы.

«Ввиду заявления вашего, — телеграфировал он Рагозе, — что у вас иссякла вера в успех группы Плешкова, несмотря на выгоды этого стратегического направления, принужден согласиться на перемену направления удара и предоставляю вам избрать новое, более отвечающее настоящей обстановке для достижения поставленной вами цели».

Согласие было дано 27 марта. Но Рагоза и до того твердо верил в получение именно такого ответа на свое ходатайство. В старой царской армии так повелось, что старшие начальники, боясь ответственности за проведение своего решения, обыкновенно соглашались с предложениями младших.

Зная такие порядки, Рагоза твердо надеялся на согласие Эверта. Уверенный в его получении, он до утверждения главнокомандующим своего намерения стал проводить его в жизнь. При этом несколько необычным и оригинальным способом — дискредитацией генерала Плешкова.

Генералу Рагозе нужно было показать, что дела идут плохо только потому, что Плешков не отвечает своему назначению. Поэтому необходимо поставить ему всякое лыко в строку, собрать больше обвинений по адресу провалившегося генерала. Для этой цели вызывается к прямому проводу начальник штаба Северной группы генерал Зиборов и ему «вежливо» указывается на неграмотное редактирование штабом Северной группы оперативных приказов. В приказах, мол, ставится задача всем резервам, вплоть до глубоких, двигаться в непосредственной близости за наступаю-

щими частями, а инструкция, поучает Рагоза, говорит о том, чтобы глубокие резервы в своем продвижении вперед закрепляли захваченные участки окопов противника и приспособляли их для обороны в сторону наступления. Неграмотно приказываете, резюмирует командующий армией, поэтому терпите неудачи.

В один и тот же день, 23 марта, штаб Северной группы отдает два приказа на наступление, причем в отношении постановки задач и использования частей штаб армии отмечает ряд дефектов и противоречивых требований. По одному приказу, например, удар намечается правым флангом, по другому — левым; в одном случае конный корпус подвигается одной свой бригадой вперед, по другому — остается целиком на месте; первый приказ артиллерийской группе Закутовского ставит задачу обеспечить наступление 27-го армейского корпуса, второй требует это сделать в отношении 1-го сибирского корпуса.

Штаб армии справедливо указывает, что отдача приказов, а вслед за ними дополнений и изменений к этим приказам нервирует войска и подрывает веру у подчиненных в своих начальников. Это губит нужное начинание и влечет естественный неуспех. Кроме того, от всех этих изменений в приказах войска теряют время отдыха, делают ненужные передвижения, возвращаются назад в те места, откуда их вызвали, зачастую без надобности остаются без крова, а затрачиваемые на артиллерийскую подготовку снаряды расходуются непроизводительно.

Опять вывод командующего армией в отношении командования Северной группой — не умеете руководить.

Но, отметив все эти недостатки в управлении генералом Плешковым вверенной ему группой, Рагоза тут же «посильно» увеличивает тот хаос и сумбур, которые проявились в работе генерала Плешкова и его штаба.

Генерал Плешков, например, ставит своим частям задачу на атаку. Ударная группа —27-й армейский корпус; 1-й армейский обеспечивает эту атаку с севера, 1-й сибирский — с юга. За час до атаки, когда все подготовительные мероприятия были закончены и войска заняли исходное положение, Рагоза вдруг отменяет атаку.

По его мнению, в таком виде она как раз не будет обеспечена с юга. Опять путаница в распоряжениях, отмена приказов, дискредитация командного состава. Высшее командование группы в лице Плешкова и Зиборова от таких отмен своих распоряжений теряет голову и не в состоянии здраво судить о целесообразности своих поступков. Повышенная нервозность их действий отражается на войсках.

Без сна, без пищи, всегда мокрые, постоянно в повышенном нервном напряжении, части группы Плешкова были доведены беспрерывными атаками до состояния, близкого к невменяемости. И с такими частями нужно было решать «бесповоротную» задачу командующего группой на прорыв.

Задача не решалась; начальство сердилось за неудачи, указывало на неграмотность действий; на дворе злым врагом глядела весна; по размокшим дорогам разваливалось снабжение, — было отчего

Плешкову потерять душевное равновесие и начать, при действительной военной неграмотности, огромном самомнении, исключительном самодурстве, с удвоенной энергией продолжать выматывать из войск их последние физические и моральные силы.

К 22 марта наступила полная распутица. Дороги на болотистых участках стали почти непроходимыми. Боевые действия не только с каждым днем, но даже с каждым часом делались все менее возможными. Естественным казалось в таких условиях прекратить их вовсе.

Но 22 марта перешел в наступление Северный фронт. По сообщениям оттуда, наступление развивалось успешно; Западному фронту в этих условиях нельзя было отставать, и на 23 марта войскам 2-й армии поставлена вновь задача — продолжать атаки с целью прорыва фронта противника.

Рагоза признавал полную неспособность Плешкова добиться какого бы то ни было успеха; вместо того чтобы заменить его другим лицом, взять управление в свои руки, или, на крайний случай, прекратить боевые действия в этой группе, он в связи с наступлением Северного фронта вновь требует от Плешкова активных наступательных действий.

И Плешков организует новую атаку.

Агония группы генерала Плешкова 24—26 марта

Новая задача, поставленная Плешковым: прорвать фронт противника на участке Вилейты, Бучелишки. Причем в приказе Плешкова на атаку ни слова не говорится, что делать войскам дальше, когда они выполнят свою задачу. Фронт прорвать нужно все на том же участке Вилейты, Бучелишки, где войска Северной группы столько раз терпели неудачу, и где на пути наступления лежало столько неубранных от прежних атак трупов. Еще Наполеон советовал никогда не оставлять войск в тех районах, где остаются неубранными трупы бойцов от прежних сражений. Участники его похода в Россию отмечают в своих записках о чрезвычайно тяжелом впечатлении, какое произвело на них Бородинское поле с тысячами неубранных трупов, когда разбитой армии Наполеона приходилось отступать от Москвы. Плешков не учитывал всего этого: с упрямством, достойным лучшего применения, он посылал людей на смерть все в одном и том же направлении, все на одни и те же участки их заведомой гибели. Посылал наступать тогда, когда снарядов у артиллерии почти не было и она не могла поддержать атаки своей пехоты. Задачи корпусам были поставлены следующие.

Действия 1-го армейского корпуса

(Схема 23)

По приказу командующего группой 1-й армейский корпус должен был выполнить прорыв укрепленной полосы противника на участке (искл.) Вилейты, (искл.) Микулишки.

Во исполнение поставленной задачи, 59-я пехотная дивизия должна удерживать фронт Медзины, Вилейты, обеспечивая опера-

Схема 23. Организация наступления Северной группы 23 марта и атака 27-го армейского и 1-го сибирского корпусов 26 марта

цию с севера. 22-я дивизия с одной бригадой 59-й пехотной дивизии атакует противника на участке (искл.) Вилейты, (искл.) Микулишки, обеспечивая с севера действия 27-го армейского корпуса. Корпусный резерв — один батальон 233-го полка и два батальона 234-го полка — располагается в районе огневых позиций артиллерии.

В 10 час. 23 марта начать артиллерийскую подготовку. Исходное положение для атаки занять по особому приказанию. Атаку указывалось производить стремительной волной, все время подпирая поддержками сзади идущих впереди.

Последнее требование останавливает наше внимание. Оно делается так, словно бы перед этим с частями 1-го армейского корпуса ровно ничего не случилось; они так же свежи, какими были в первый день боя; они действительно могут атаковать «стремительной волной», «все время подпирая поддержками сзади идущих впереди».

В течение дня 23-го наблюдалось накапливание немцев в лесном клину, перебегание небольших партий из рощи, что северо-западнее Микулишки. У Вилейты замечены новые пулеметные установки.

Артиллерийская подготовка в течение 23 марта интенсивной не могла быть из-за недостатка в батареях тяжелых снарядов. Атака была отложена на ночь. В 2 и 4 часа ночи приказано было открывать короткий, большой силы огонь по противнику, атаку же перенести на 24 марта.

Действия 27-го армейского корпуса

Ночь с 22 на 23 марта прошла в редкой ружейной и артиллерийской перестрелке. Две батареи 76-й бригады открывали огонь по группам пехоты, замеченным ночью у Бучелишки. Утром тяжелыми батареями русских обстреливался участок фронта противника между Бучелишки и Целины.

Приказом Плешкова 27-му армейскому корпусу поставлена была задача атаковать дд. Микулишки, Бучелишки.

76-я дивизия, усиленная одним полком 45-й дивизии, изготовилась к атаке, но начало атаки было отложено до особого распоряжения. Артиллерия из-за недостатка снарядов вела редкий огонь. Так продолжалось весь день, и весь этот день 76-я дивизия находилась в напряженном состоянии.

Когда на землю уже спустились сумерки, был получен приказ об отмене атаки.

В 2 и 4 часа ночи открывался короткий, шквальный огонь с целью «тревожить и измучивать противника ожиданием нашей атаки». Измучивало ли это противника в такой мере, как ожидали, трудно сказать, но что собственные войска Плешкова были измучены до последнего — это был факт, не подлежащий сомнению.

Плохо, когда старший начальник все время находится при войсках: непосредственные впечатления боя могут отрицательно влиять на его душевное состояние, вызывая у него поспешные, продиктованные случайным обстоятельством решения, не отвечающие требованиям всей обстановки. Но еще хуже, когда старший началь-

ник, как генерал Плешков, никогда не видит своих войск, не имеет представления о их физическом и моральном состоянии. В этом случае, не учитывая одной важнейшей части обстановки — своих войск,—он может принимать решения и делать по ним распоряжения, совершенно не отвечающие обстановке и в корне расходящиеся с ней.

На примере 1-го и 27-го армейских корпусов в отношении генерала Плешкова это показывается весьма наглядно.

Действия 1-го сибирского корпуса

Ночь с 22 на 23 марта прошла в редкой ружейной и артиллерийской перестрелке. Получено приказание вновь атаковать противника, причем атака будет произведена не то утром, не то днем. Позже она была перенесена на ночь. Весь день части держались в напряженном состоянии. Артиллерийский огонь с русской стороны из-за недостатка снарядов велся редкий.

В 21 час начальник 1-й сибирской дивизии доложил командиру корпуса, что все неудачи нашего наступления, по его мнению, происходят оттого, что части бросаются в атаку, недостаточно подготовленную артиллерийским огнем. Новая атака при той слабой артиллерийской подготовке, которая имела место сегодня днем, также, по его мнению, будет неудачна и вызовет только большие потери в людях и материальных средствах.

В 23 часа 30 мин. атака была отменена. Ее перенесли на 24 марта. Новым распоряжением командующего группой было приказано произвести перегруппировку частей корпуса.

1-й сибирской дивизии, выделив один, наиболее сильный по составу полк в дивизионный резерв, в ночь с 23 на 24 марта сменить части 2-й сибирской дивизии на участке от пересечения дороги Лесные Муляры, Ловкишки с западной опушкой Лапинского леса до Можейки и упорно оборонять участок от (искл.) Бучелишки до (искл.) Можейки.

2-й сибирской дивизии образовать ударную группу, которой сосредоточиться в лесу у дороги из Лесные Муляры в Курты. Смену закончить в 6 час. утра 24 марта.

День закончился спокойно. Противник был пассивен. Тем не менее с утра и до самой ночи люди держались в готовности ежеминутно атаковать. Погода выдалась сырая и холодная. Горячая пища была подвезена с наступлением темноты. До ночи не было уверенности, что атаки не будет, поэтому только после 23 час. 30 мин. представилась возможность обогреться и обсушиться. «Приходилось, — отмечает журнал военных действий 2-й сибирской дивизии [1], — сквозь пальцы смотреть на разведение в Мулярском лесу костров, так как людям нужно было и обсохнуть и отогреться».

Обстоятельства отмены назначенной на 23 марта атаки были следующие.

22 марта, вечером, Плешков донес Рагозе, что им на 23 марта назначена новая атака с нанесением главного удара на фронте 27-го армейского корпуса. По словам командующего Северной группой,

[1] ЦВИА, дело 141—943, стр. 7.

удар силами этого корпуса может создать неожиданность для противника и привести наши войска к победе.

В ответ на это в тот же вечер генерал-квартирмейстер 2-й армии Ставров вызвал к прямому проводу начальника штаба группы Плешкова—Зиборова—и от имени командующего армией посоветовал отложить атаку на день, чтобы дать войскам отдых и лучше подготовиться. Из разговора двух генералов выяснилось, что как правый, так и левый участки боевого расположения частей группы Плешкова представляют собой сплошное болото, залитое во многих местах талой водой, что артиллерию передвигать крайне трудно; 6-дм. снаряды подаются на батареи очень плохо, с большими перебоями, 42-линейные не подвозятся совсем, вследствие чего двенадцать 42-лин. орудий молчат. В группу прибывает новый 14-й отдельный тяжелый дивизион, но при обнаружившемся остром недостатке тяжелых снарядов польза от него весьма проблематична.

Генерал Зиборов набрался смелости предложить вместо группы Плешкова развивать главный удар на другом направлении, например, подал он мысль, на участке генерала Сирелиуса. Ставров понял мысль Зиборова спихнуть с себя тяжелое, ответственное дело и уклончиво ответил в том духе, что он командующему армией такое предложение доложит, а какое тот примет решение — «это, сами знаете, — добавил он, — дело весьма гадательное...»

Ставров, видимо, не был в курсе того, что с такою мыслью уже носился сам командующий армией Рагоза.

День 23 марта прошел поэтому спокойно. Но до многих частей указание о том, что атаки 23 марта не будет, дошло только поздно вечером. Атака же была назначена утром. Мы видели, что части поэтому весь день держались в напряженном состоянии, в сырую, холодную погоду без горячей пищи весь день.

Распоряжения генерала Плешкова 24 марта и атака 25 марта

Ночью с 23 на 24 марта Плешков отдал новый приказ об атаке, которая назначалась теперь в ночь с 24 на 25 марта. Исходное положение указывалось занять к 2 час. 25 марта. Ударный корпус — 27-й армейский, 1-й армейский и 1-й сибирский содействуют наступлению 27-го. Участок прорыва тот же, что и в предыдущие дни, — Микулишки, Бучелишки. За невозможностью менять огневые позиции артиллерии Плешков отказался от намеченного было им удара на левом фланге.

Рагоза усмотрел в этом недостаток волевых качеств у подчиненного ему командующего Северной группой. «Из вашего № 1585 (приказ об атаке), — телеграфировал он Плешкову [1], — я усматриваю, что у вас нет уверенности в успешности атаки на рассвете двенадцатого марта [2], а потому приказываю таковую на сутки отложить; в течение их принять все меры, чтобы надлежащим образом нацеливать части и обеспечить фланги».

---

[1] ЦВИА, дело 171—927, стр. 306.

[2] По старому стилю.

Отмена атаки вызвала со стороны Плешкова отмену передвижения ряда частей, что необходимо было произвести перед атакой. Подтягиваемые к исходному положению резервы нужно было отправить в их прежние места. Некоторые из этих частей уже начали передвижение, с полдороги приходилось их возвращать по грязи, в дождь. Почему все это делалось, никто не знал, но все понимали, что это проявление какой-то бестолковости и сумбура.

День 24 марта опять прошел в редкой ружейной и артиллерийской перестрелке. К вечеру Плешков назначил новую атаку в ночь с 25 на 26 марта. Опять исходное положение указывалось занять к 2 час. ночи. Ударный корпус — 27-й, направление удара все на те же Микулишки, Бучелишки.

«Я решил, — писал Плешков в своем приказе [1], — вести главную атаку на фронте дд. Микулишки, Бучелишки, нанося также сильный удар со стороны д. Можейки, дабы одновременно действиями обеих ударных групп рассредоточить контратаки неприятельских резервов».

Цель нанесения удара в приказе Плешкова оригинальна и останавливает на себе наше внимание. Оказывается, не прорыв неприятельской укрепленной полосы и не выход на маневренный простор является целью новых действий войск группы Плешкова, а лишь рассредоточение контратак неприятельских резервов. Гора, выходит, родила мышь. Из наступательных он переводит свои действия в активные оборонительные. Расписывается в собственном бессилии выполнить поставленную ему армейским командованием задачу и этим подписывает приговор всей Нарочской операции.

Но приказ Плешкова все же требовал наступать, и части обязаны были его выполнять. Они это сделали следующим образом.

Исходное положение было занято не к двум, а к трем часам 26 марта. Атака 27-м армейским корпусом была начата в 4 часа, 1-м сибирским в 5 час.; 1-й армейский, из-за потерь, ослабивших боевой состав, в атаке не участвовал вовсе.

К 4½ час. 301-й и 304-й полки 76-й дивизии заняли первую линию неприятельских окопов; левофланговый 302-й полк даже прошел первую линию и атаковал вторую. Но на атаке этой линии, имея открытым свой левый фланг (наступление 1-го сибирского корпуса запаздывало), 302-й полк понес огромные потери и принужден был откатиться назад. Отход 302-го полка задержал продвижение соседних с ним полков — 301-го и 304-го.

Требовалась поддержка, которой не было. 76-я дивизия не выдержала сосредоточенного огня противника и стала отходить. В это время на уровень с ней стала выходить слабая 2-я сибирская дивизия; в тылу оставалась неиспользованной свежая, почти не бывавшая в боях 45-я дивизия.

В 11 час. эта дивизия получила приказ своего командира корпуса (все того же генерала Баланина) «развить успех 76-й дивизии». Дивизия развернулась и двинулась вперед, но встретила уже пере-

---

[1] ЦВИА, дело 171—927, стр. 310.

мешавшиеся остатки расстроенных и понесших огромные потери 301-го, 302-го и 304-го полков разбитой в одиночку 76-й дивизии.

Генерал Баланин, оказывается, имел такую связь со своими дивизиями, что, когда одна из них истекала кровью в неравной борьбе, он полагал, что она успешно наступает; когда он посылал вторую дивизию развивать успех первой, та уже была разбита; а о том, что наступление 27-го корпуса вообще захлебнулось и части, понеся большие потери, вернулись в свое исходное положение, генерал Баланин узнал только вечером 26 марта!

Конец боевых действий группы генерала Плешкова

На этом собственно и закончились атаки Северной группы, начатые генералом Плешковым 18 марта и упорно повторяемые им в течение 8 дней. 26 марта, правда, был получен еще один приказ Плешкова повторить атаку в ночь с 26 на 27 марта, но командующим армией эта атака вновь была отменена.

Группа Плешкова явно выдохлась. Наступательные возможности ее иссякли. Огромные силы, сосредоточенные в этой группе, были растрепаны, материальные средства израсходованы зря.

Рагоза отменял приказы Плешкова на атаки не потому, что берег силы войск или щадил жизни бойцов, а потому, что такими отменами атак (по чисто формальным соображениям) он дискредитировал командующего Северной группой, указывал на недостатки руководства его своими войсками. В своем поведении по отношению к Плешкову он все больше напирал на то, что Плешков в военном отношении безграмотен и кроме неудач ничего другого в своих действиях дать не может.

Рагоза не стеснялся даже об этом говорить вслух, и такие его разговоры, видимо, дошли до Плешкова. Последний написал Рагозе обидчивое письмо с указанием на прежние свои заслуги и боевые отличия руководимого им 1-го сибирского корпуса. «Называть меня, — аргументировал Плешков, — безграмотным в военном деле, значит, под сомнение брать весь славный боевой путь, пройденный мною и вверенным мне соединением».

По мнению Плешкова, неудачи в его действиях происходили только оттого, что ему не давали в полной мере проявить себя (намек на вмешательство в его действия Рагозы).

На это Рагоза зло и насмешливо ответил[1]: «В безграмотности в военном деле вас никто не обвинял. Определенного положения, занятого вашим корпусом в русской армии, также никто не оспаривал, несмотря на то, что действовал он на сей раз плохо.

Если же вам давались указания и вносились поправки в ваши распоряжения, то это вызывалось недостаточной ясностью, определенностью и своевременностью ваших приказов».

С Плешковым можно было не церемониться. Песня его была спета. Теперь нужно было поставить ему в вину больше проступков, показать сильнее его бесталанность, чтобы на фронте разыграв-

---

1 ЦВИА, дело 111—924, стр. 72.

шейся плешковщины более чистым выйти самому из грязного нарочского дела. Предстояло давать объяснения следственной комиссии, назначенной штабом Западного фронта. Нужно было поэтому принять меры к сохранению в армии своего «доброго» имени. Вот почему Рагоза с такой готовностью выбрасывает Плешкова за борт и взводит на него столько обвинений за нарочское поражение.

После 26 марта Плешков больше не отдает приказов на наступление. Его «бесповоротность» полностью исчерпана непрерывными неудачами первых восьми дней. Последние два дня — 27 и 28 марта — были для Северной группы уже предсмертными судорогами, за которыми вскоре последовала смерть: сперва прекращение активных действий и увод 1-го армейского и 1-го сибирского корпусов в тыл, а потом расформирование самой группы.

Бои на правом фланге 2-й армии закончились. Наступление, начавшееся 18 марта, кончилось полным крахом.

Но продолжали боевые действия еще две группы 2-й армии — генерала Балуева и Сирелиуса.

Посмотрим, что в это время происходило там.

Заключительные атаки на фронте генерала Балуева
(Схема 24)

Действия 5-го армейского и 3-го сибирского корпусов 24—27 марта

В то время как события на участке Северной группы подходили к концу, правый участок группы Балуева —5-й армейский и 3-й сибирский корпуса — продолжал пока проявлять свою активность.

Мы оставили части Южной группы на рубежах, которые ими были достигнуты в ночной атаке с 23 на 24 марта. Предстояла новая повторная атака 2-й германской позиции — лес западнее г. дв. Августово, высоты восточнее д. Мокрицы. Артиллерийская подготовка должна была начаться в 2 часа ночи.

Ровно в 2 часа 24 марта загремела артиллерийская канонада на всем фронте Южной группы. Противник отвечал редким орудийным и ружейным огнем, непрерывно освещая местность впереди себя ракетами и прожекторами.

В 3 часа пехота пошла в атаку. К 4 час. левофланговой 55-й дивизии удалось захватить первую линию окопов противника.

Хуже дела обстояли на правом фланге группы, где продвижение 3-го сибирского корпуса совершалось крайне медленно. К 6 час. 26-й, 30-й и 32-й сибирские полки дошли только до проволочных заграждений, преодолеть которых не могли.

Так как 3-й сибирский корпус в своем наступлении был остановлен, а попытки атак ослабленного в предыдущих боях 5-го армейского корпуса вообще не могли иметь успеха, немцы весь свой огонь сосредоточили по продвинувшейся вперед 55-й дивизии, заставив ее отойти в свое исходное положение.

Грязь между тем сделалась невылазной. Батареи стояли в воде. Бойцы были мокрые и озябшие. Загрязненные затворы не досылали

патронов в патронники. Артиллерийский огонь из-за недостатка снарядов сократился и стал редким. Тем не менее Балуев приказал повторить атаку в следующую ночь, с 24 на 25 марта.

Атака не состоялась из-за неподвоза тяжелых снарядов и была перенесена на ночь с 25 на 26 марта.

Оригинальную мотивировку причин своих неудач делает генерал Балуев в своем новом приказе на атаку. «Атаку отложить, — пишет

Схема 24. Заключительные атаки на фронте генерала Балуева

он [1], — с 25 (12) на 26 (13) марта, причем уверен, все примут крайние меры, чтобы откладываемый удар был нанесен самым сокрушающим образом. Надо помнить, что наш враг силен не живой силой, а своими техническими средствами, а последние, при решимости победить, преодолеть не трудно, чего я и ожидаю от всех частей группы».

Нам теперь странны подобные суждения о технике. Русские генералы, воспитанные на традициях Драгомирова, свысока смотрели на технику и жестоко были биты этой техникой. Повторяя с упря-

[1] ЦВИА, дело 112—721, стр. 58.

мой настойчивостью свои атаки все в одном и том же направлении, строго в лоб, они терпели одну неудачу за другой все на одном и том же месте.

Потребовав от войск новой атаки, генерал Балуев решил упрекнуть Рагозу за то, что тот не позволил ему в самом начале операции поставить 3-й сибирский корпус в затылок 5-му армейскому корпусу. «Я очень жалею [1], — жаловался он, — что не провел твердо своего начального плана, а именно, не сосредоточил 3-й сибирский корпус за 5-м, чтобы развить успех на своем правом фланге. В настоящее время, — храбрится Балуев, — я твердо держусь своего плана: на фронте Близники — болото Оступы я держу два корпуса — 5-й и 3-й сибирский, а на фронте Тарасевичи — оз. Вишневское — один 35-й; 36-й корпус несет пассивную задачу».

Конечно, похвально, что у генерала Балуева, наконец, хватило духу проявить свою твердость, но дело уже было упущено. Когда поодиночке 5-й и 36-й корпуса истекали кровью в своих настойчивых попытках прорвать укрепленную полосу противника, 3-й сибирский корпус бездействовал, глубоко эшелонируясь между боевыми корпусами, 5-м и 36-м, не помогая ни тому, ни другому.

Атака, назначенная в ночь с 25 на 26 марта, опять не состоялась из-за слабого подвоза артиллерийских снарядов. Командующий Южной группой приказал поэтому назначенную им в ночь с 25 на 26 марта атаку перенести на следующую ночь — с 26 на 27 марта.

Но немцы упредили атаку Южной группы русских. Перед рассветом 27 марта они открыли сильный огонь по окопам 3-го сибирского корпуса, а в 4 часа перешли в наступление, нанося главный удар по 30-му сибирскому полку. Под натиском противника 30-й полк стал было отходить, покинув занимавшуюся им южную часть Длинного леса.

Для контратаки были направлены: 26-й сибирский полк — с северо-востока и 31-й сибирский — с юга. Бой за Длинный лес принял крайне ожесточенный характер. Во время боя полил вдруг дождь. Все смешалось в единый комок невообразимой грязи. Упорство сибирцев все-таки победило. Немцы принуждены были очистить южную часть Длинного леса, оставив несколько десятков пленных и два пулемета. Пленные оказались трех полков: 34-го резервного 80-й резервной дивизии, 343-го и 344-го пехотных 86-й пехотной дивизии, что говорило об усилении противника на данном участке резервами. Ночной бой на этом окончился. Но так как, по мнению командующего Южной группой, планомерность намеченной им атаки контрнаступлением немцев была сорвана, новую атаку он приказал произвести на рассвете 28 марта.

Последние атаки 28 и 31 марта

В 3 часа 28 марта началась артиллерийская подготовка новой атаки. Она была короткой, но напряженной. В 3 часа 20 мин. части перешли в атаку. К 5 час. 37-й полк 10-й пехотной дивизии во-

[1] ЦВИА, дело 112—721, стр. 63.

рвался в окопы противника на восточной опушке северной части Длинного леса. В это время соседний 28-й полк 7-й дивизии подошел к роще по дороге к Проньки. Роща оказалась густо оплетенной проволокой. Продвижение полков сделалось затруднительным, и полки залегли.

Получив об этом донесение, Балуев приказал 37-му полку закрепиться на достигнутом рубеже, полкам же 7-й дивизии энергично атаковать противника в прежнем направлении, стараясь во что бы то ни стало овладеть высотой «Фердинандов нос», прозванной так за сходство ее с носом болгарского царя Фердинанда.

Между тем положение 37-го и подошедшего к нему на помощь 38-го полков 10-й дивизии в захваченных окопах противника оказалось чрезвычайно тяжелым. Полки попали под фронтальный и фланговый обстрел противника. Части несли огромные потери. Необходимо было скорейшее продвижение вперед 7-й дивизии и захват ею «Фердинандова носа». Создалось тяжелое положение, тем более что русская артиллерия из-за недостатка снарядов своей пехоте не помогала, ограничившись короткой подготовкой перед началом атаки. Кончилось все это плачевно: 7-я дивизия овладеть «Фердинандовым носом» не сумела, а 37-й и 38-й полки принуждены были оставить захваченные окопы противника.

Известие об этом, посланное вечером 28 марта командующему армией, привело его в состояние чрезвычайного раздражения. Он тут же срочной телеграммой потребовал «во что бы то ни стало овладеть высотой «Фердинандов нос», закрепиться на ней, после чего войскам дать отдых».

Высота «Фердинандов нос» — незначительный отдельный пункт на широком фронте Южной группы — неожиданно приобрела характер какого-то «стратегического ключа», на котором в данный момент сосредоточилось все внимание не только командования Южной группы, но и командования 2-й армии.

Действительно ли эта крохотная высота играла такую выдающуюся роль в мартовской операции русских у оз. Нарочь? Действительно ли овладение ею разрешало коренные, узловые вопросы застопорившегося наступления 2-й армии и переламывало самую операцию в сторону крупного успеха?

Конечно, нет. Больше того: вопрос был вовсе не в этой высоте, а в продолжающемся показе, что вся армейская операция провалилась из-за бездарности и неподготовленности командующего Северной группой генерала Плешкова. Рагозе нужно было показать, что на других участках, где боевыми действиями руководят более способные генералы, успех есть; этот успех можно развить, ввести в бой свежие войска генерала Сирелиуса и, может быть, еще одержать если не полную, то хотя бы частичную победу. На сегодня нужно было хотя бы захватить «Фердинандов нос», чтобы доложить главнокомандующему фронтом об успехе.

Успех же не давался; «Фердинандов нос» оставался у немцев; доложить главнокомандующему фронтом было нечего, — отсюда понятно раздражение командующего армией и его требование «во что бы то ни стало овладеть высотой «Фердинандов нос».

«Фердинандов нос» — яркий показатель измельчавших намерений и провалившихся планов армейского командования 2-й русской армии в мартовском наступлении 1916 года.

Ночью с 28 на 29 марта пошел сильный дождь. Он продолжался потом весь день 29 марта. Почва размокла. С трудом можно было передвигаться даже по возвышенным местам. Окопы в некоторых местах почти до краев были залиты водой. Пребывание в них сделалось невозможным. Сообщение с тылом на отдельных участках прекратилось, так как полой водой были снесены гати и мосты.

Ввиду этого, несмотря на категорическое требование командующего армией наступать, генерал Балуев вошел с ходатайством об отмене атаки, перегруппировке войск и уводе в тыл сильно ослабленного в последних боях 3-го сибирского корпуса.

На ходатайство Балуева поступил короткий ответ Рагозы: взять «Фердинандов нос», укрепиться на линии г. дв. Августово, высота «Фердинандов нос», Мокрицы, после чего производить необходимые перегруппировки.

Новая атака «Фердинандова носа» поэтому была назначена на 30 марта, на рассвете.

В ночь с 29 на 30 марта разведчиками-сибиряками было захвачено четверо пленных германцев, оказавшихся рядовыми 46-го пехотного полка 119-й дивизии. Захват пленных говорил о крупных силах противника на участке фронта Южной группы. Возник вопрос о более тщательной подготовке наступления и лучшем обеспечении его артиллерийским огнем. Поэтому атаку перенесли с рассвета на день 30 марта.

Весь день 30 марта стоял густой туман. Наблюдение за артиллерийским огнем было затруднено. Артиллерийская подготовка поэтому не могла дать нужных результатов, атаку снова перенесли — теперь уже на утро 31 марта.

В 3 часа 31 марта началась артиллерийская подготовка сперва артиллерией 5-го армейского, а потом 3-го сибирского и 35-го армейского корпусов. Роща севернее «Фердинандова носа» была забросана химическими снарядами. Немцы, осветив ракетами впереди-лежащую местность, открыли сильный огонь по наступающим частям 5-го армейского и 3-го сибирского корпусов, вследствие чего продвижение пехоты шло медленно, с частыми остановками и залеганием наступающих. Некоторые части под убийственным огнем противника стали окапываться. До окопов противника дошел один 25-й сибирский полк, но и тот потом был выбит оттуда сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем противника.

В 7 час. 15 мин. 31 марта генерал Балуев донес командующему армией, что атака захлебнулась; при том количестве тяжелых снарядов, которые сейчас отпускаются, при страшном утомлении и расстройстве частей, при полной невозможности двигаться из-за наступавшей распутицы, — всякая другая попытка атаковать будет иметь тот же успех.

На это было получено распоряжение произвести перегруппировки частей согласно ходатайству об этом генерала Балуева и продолжать выполнять поставленные группе задачи.

Но это «выполнение» задач уже выходит за рамки нашего изложения. Как увидим ниже, Нарочская операция на этом была закончена. Для полноты картины тех результатов, какие были получены войсками 2-й армии в мартовском наступлении у оз. Нарочь, мы коротко остановимся еще на действиях группы генерала Сирелиуса.

Группа генерала Сирелиуса 23—31 марта

От штаба группы Сирелиуса в те дни, когда на северном и южном участках 2-й армии происходили такие кровавые сражения, продолжали попрежнему поступать спокойные, «мирные» донесения:

«Противник проявляет бдительность. Освещает местность ракетами».

«Редкая ружейная перестрелка на отдельных участках фронта».

«Поиски разведчиков...» и т. д.

И в заключение (от 29 марта):

«В немецких окопах слышен непрерывный разговор, свист и смех».

Очевидно, противник проявлял все признаки своего крайнего удовольствия от одиннадцатидневного «спокойного» и «мирного» поведения генерала Сирелиуса, «славного» командующего 66-тысячной Центральной группой 2-й армии.

Прекращение же вскоре наступательных действий во 2-й армии избавило его также от неприятностей руководить ударной группой и терпеть при этом те же неудачи, какие терпели его соседи, генералы Балуев и Плешков.

Глава десятая

Конец операции. Ее итоги

29 марта генерал Алексеев отдал директиву [1] «временно приостановить выполнение операции в намеченных ранее размерах до улучшения местных условий. Предоставить усмотрению главнокомандующих [2] желательное выполнение и достижение частных целей для улучшения и упрочения нашего положения, особенно точки зрения предстоящего развития операции». 2-й армии указывалось прочно закрепиться между озерами Нарочь и Вишневское.

30 марта главнокомандующим Западным фронтом были даны, в развитие директивы верховного главнокомандующего, нижеследующие указания [3]: «Начатая 18 (5) марта атака неприятельских позиций районе 1-й и 2-й армий до настоящего времени не привела к решительным результатам, между тем наступившая теплая погода и обильные осадки, выпавшие за последние дни, сильно заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в общем объеме.

Во исполнение повеления государя императора, приказываю: 1-й и 2-й армиям прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке между озерами Нарочь и Вишневское продолжать начатую операцию с целью овладения намеченными пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района».

Этими указаниями Эверта операция, начатая 18 марта у озера Нарочь, прекращалась. Последняя возможность генерала Рагозы отыграться на свежих войсках Сирелиуса и добиться частичной победы на фронте 2-й армии, таким образом, исключалась. Вместо этого приказывалось занять фронт частями, сохранившими бо́льшую устойчивость; части же, сильно пострадавшие в боях, отвести в тыл на отдых для приведения их в порядок и на укомплектование.

31 марта в этих целях командующим армией были сделаны следующие распоряжения:

---

[1] ЦВИА, дело 443, стр. 201.
[2] Северного и Западного фронтов.
[3] ЦВИА, дело 382, стр. 183—184.

1. Группу генерала Плешкова расформировать.

2. 27-му армейскому корпусу сменить на позиции по р. Мядзелке, на участке от Коски до Авласы (искл.), части 1-го армейского и 1-го сибирского корпусов. Смену закончить к утру 2 апреля.

3. Группе генерала Сирелиуса в составе 34-го армейского и 4-го сибирского корпусов продолжать упорно оборонять участок позиции от Авласы до Занарочи (искл.).

4. 15-му армейскому корпусу расположиться в районе Дуниловичи, Сергеевичи, Васево, оставаясь в армейском резерве.

5. 3-му кавказскому корпусу, составляющему резерв главнокомандующего, к вечеру 3 апреля расположиться в районе Свиное, Докшицы, Венютенцы.

6. 7-му кавалерийскому корпусу расположиться в районе Саковичи, Станилевичи, Квачи, оставаясь в армейском резерве.

7. Группе генерала Балуева продолжать выполнение поставленной задачи.

8. 27-му армейскому корпусу и группе генерала Сирелиуса держать противника под угрозой атаки, непрерывно следить за его перегруппировками и, пользуясь настоящим его составом и свойствами местности, образовать сильные резервы.

2 апреля возвратился после болезни и вступил в командование 2-й армией генерал Смирнов. В тот же день, достаточно расстроив 2-ю армию, отправился к исполнению своих прямых обязанностей командующего 4-й армией генерал Рагоза.

Кровавая драма у оз. Нарочь на этом закончилась.

Итог ее следующий.

1. В операции с русской стороны участвовало 407 052 штыка, 18 428 сабель, 982 орудия, считая в том числе резервные 15-й и 35-й армейские корпуса.

2. Использование такой огромной массы людей и боевых средств позволило в боях с 18 марта по 1 апреля захватить около 1 200 человек пленных, десятка полтора пулеметов, несколько сот винтовок, несколько тысяч винтовочных патронов и... примерно 10 кв. км неприятельской территории. Ввиду же полной непригодности для боевых действий (болото, лес) без боя уступлено противнику на крайнем правом фланге примерно 60—70 кв. км (схема 25).

Результаты для 2-й армии оказались, таким образом, более чем скромными.

3. Зато другие цифры будут более значительными. В боях с 18 марта по 1 апреля потеряно убитыми и ранеными:

	Офицеров	Солдат	Процент к составу на 18 марта
В группе генерала Плешкова . . .	582	47 896	52,1
» » » Балуева	423	28 672	30,4
» » » Сирелиуса . . .	13	859	1,2
Всего в армии . . .	1 018	77 427	30,3

Из этого числа 12 000 было обмороженных и замерзших. В момент прекращения мартовского наступления 5 000 трупов было снято с германских проволочных заграждений [1].

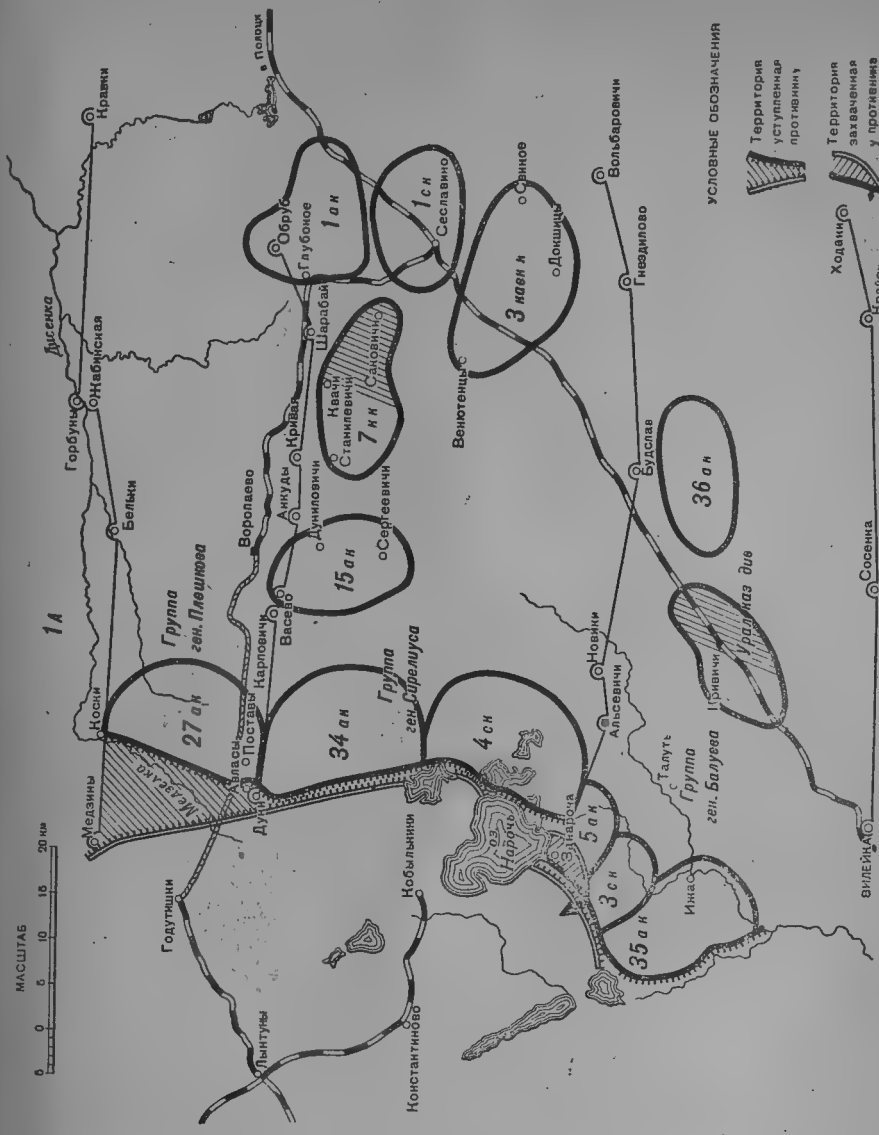


Схема 25. Итоги Нарочской операции и группировка войск 2-й армии на 2 апреля 1916 года

Таковы были потери людьми. Материальные потери не поддаются учету, но они были очень велики. Шесть корпусов (1-й, 5-й, 27-й и 36-й армейские, 1-й и 3-й сибирские) полностью или частично были уничтожены в мартовском наступлении; в то же время

[1] ЦВИА, дело 278—969, стр. 53 и 116.

другие шесть (15-й и 34-й армейские, 4-й сибирский, 3-й кавказский, 7-й конный и Уральская казачья дивизия) остались не введенными в бой, превратившись тем самым в невольных свидетелей жуткой драмы, разыгравшейся в районе оз. Нарочь в марте 1916 года.

4. Потери пленными небольшие. В сводках корпусов и групп они показываются единицами; за время операции во всех частях 2-й армии это число, надо думать, не превышало числа германских пленных, захваченных 2-й армией.

5. За время операции силы противника, противостоящие 2-й армии, значительно выросли. Нижеследующая таблица дает представление о росте этих сил на 18 марта (числитель) и 1 апреля (знаменатель) [1].

Участок	Штыков	Сабель	Орудий легких	Орудий тяжелых	Пулеметов
Против группы Плешкова	12 500 / около 20 000	4 320 / около 5 000	48 / 72—96	32 / 48—64	72 / 108—144
Против группы Балуева	21—25 000 / около 45 000	2 8°0 / около 3 000	48 / 120—153	56 / 92—104	128 / 236—260
Против группы Сирелиуса	16 000 / 16 000	— / —	88 / 88	32 / 32	84 / 84

Рост сил противника (на 30 000 штыков, 150 легких орудий, 82 тяжелых орудия и свыше 200 пулеметов) говорит нам о значительном внимании, которое уделялось немцами Нарочскому району, куда были брошены все свободные резервы, и больших потерях, понесенных ими при атаках 2-й армии.

Если бы эти атаки не грозили немцам большой опасностью, какой смысл им стягивать сюда столько войск. Ряд удачных атак русских с захватом немецких окопов не мог не нанести немцам значительных потерь, особенно, если учесть упорство их при обороне своих позиций.

Немецкие источники (Рейхсархив, т. 10, стр. 428—432) скрывают эти потери. Расценивая, например, потери группы Плешкова в наступлении 18 марта в 4 000 человек, немцы свои потери определяют всего в 200 человек. Явная нелепица, потому что день 18 марта по потерям был самый значительный для обеих сторон. Если этот день по потерям немцев определить в 200 человек на их левом фланге и примерно такой же цифрой на правом, то, кругло считая, за всю операцию немцы должны были потерять (400—500×10) от 4 000 до 5 000 человек, между тем в их источниках указывается общая цифра потерь за всю операцию 20 000 человек.

Потери русских за всю операцию они исчисляют в 110 000, между тем точный подсчет их дает цифру 78 000. Анализ указанных двух цифр (20 000 и 110 000), одной заведомо преуменьшенной,

[1] ЦВИА, дело 278—972, стр. 51 и 111—924, стр. 69а.

а другой столь же преувеличенной, дает основание полагать, что потери немцев могли достигать цифры 30 000—40 000 человек, отсюда и такое стягивание на этот участок фронта немецких резервов.

Поставив вначале своей задачей только удержаться на достигнутых в 1915 году рубежах, немцы за время мартовского наступления русских должны были проделать большую работу по парированию ударов русских и переброске войск с разных районов Восточного фронта на данный участок.

Более решительные и искусные действия русского командования, несомненно, привели бы не только к успешному концу данную операцию, но, может быть, к последующему общему разгрому всего немецкого Восточного фронта. Это не случилось, как увидим ниже, не по вине русских войск.

Глава одиннадцатая

Выводы из операции и характеристика верховного командования русскими армиями

Характеристика ответственных начальствующих лиц

Мы уже говорили о том, что в группу генерала Плешкова еще 23 марта выехала комиссия штаба Западного фронта в составе генерала Беляева и полковника Лисовского для расследования причин неудачных действий этой группы. Главнокомандующий фронтом Эверт решил это расследование произвести в отношении всей армии.

Такая постановка вопроса чрезвычайно обеспокоила вступившего вновь в командование армией генерала Смирнова. В донесении от 11 апреля [1] он возражает против предложения Эверта прислать в армию особую комиссию. Он обращает внимание главнокомандующего фронтом на то, что такая комиссия произведет на части тяжелое впечатление, что лучше это разобрать и изучить на местах «в беседе прямых начальников со своими подчиненными: командиров частей с командирами рот и батальонов, начальников дивизий с командирами полков и т. д.».

Больше того: Смирнов ходатайствовал о награждении ряда командиров на том основании, что их части понесли такие большие потери, что огульно лишать их царской милости было бы, по его словам, едва ли желательно. «Огульное лишение наград, — докладывал он главнокомандующему фронтом, — затрагивая крайне деликатные стороны войсковой психики, вряд ли желательно с боевой точки зрения».

В числе представленных генералом Смирновым к награде был и генерал Плешков.

«Деликатные» мотивы, представленные командующим армией, возымели свое действие в отношении выяснения причин провала Нарочской операции, и генералом Эвертом был избран в этих целях компромиссный метод: деятельность группы Плешкова была обследована комиссией; в остальных же частях, в том числе и в группе Плешкова, дополнительно был проведен опрос всех коман-

[1] ЦВИА, дело 112—719, стр. 160.

диров, вплоть до командиров рот, о причинах неудач в мартовском наступлении.

Результаты опроса потом были обработаны в штабе фронта и на основе их и подобных результатов, полученных от Юго-западного и Северного фронтов, Ставкой была издана «Записка по поводу выполнения операций на Юго-западном фронте в декабре 1915 года и Северном и Западном в марте 1916 года», суммировавшая причины провала декабрьского наступления на р. Стрыпе и мартовского у оз. Нарочь.

Одновременно с рабочей комиссией Беляева во 2-ю армию выезжала комиссия полевого генерал-инспектора артиллерии.

В докладе одного из членов комиссии, адъютанта полевого генерал-инспектора артиллерии полковника Гриппенберга, нарисована весьма яркая и выразительная картина «мартовской неудачи» русских у оз. Нарочь.

Описывая с большой правдивостью и искренним возмущением все, что произошло в печальные дни мартовского наступления, Гриппенберг задает вопрос, кто же является виновником жуткой драмы, разыгравшейся в мартовские дни у оз. Нарочь, и отвечает на него так [1]: «Все, чем выше, тем больше... меньше всего виноваты войска, которые заслуживают глубокого уважения».

Действительно, на всем протяжении операции действия солдатской массы и шедшего в ногу с ней низшего офицерства были безупречны. Солдаты делали не только все возможное, но подчас и выходящее из рамок таких возможностей. Цитируемый нами выше Гриппенберг рисует, например, такие картины: «Присылается категорическая телеграмма: укрепиться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало. А войска стоят по колено в воде и, чтобы передохнуть, складывают немецкие трупы и на них садятся, так как окопы полны воды. К ним заползают раненые, изуродованные, не перевязанные, страдающие, стонущие...»

Или такой пример: «В 22-й дивизии осталось после боев 2 500 штыков в строю. И та же дивизия собрала около 7 500 ружей. Что это значит? Это значит, что после боя ночью посылались отдельные небольшие команды туда, где лежали убитые и тяжело раненые, брать из их окоченевших рук винтовки, причем как только немцы замечали их, по ним открывали бешеный огонь.

Это не менее того, что делал матрос Кошка» [2].

Но не такими были действия старших начальников. На ряде примеров Нарочской операции и до нее (в период подготовки) мы видели эти действия как далеко небезупречные. А между тем от руководства этих старших начальников, от правильности их решений и целесообразности распоряжений зависел в большей степени успех операции, чем от выполнявшей их волю послушной, мужественной, готовой жертвовать собой солдатской массы.

Как и во всяком деле, кадры решали успех мартовского наступления.

---

[1] Доклад полковника Гриппенберга, стр. 6. Личн. архив Е. З. Барсукова.

[2] Герой Севастопольской обороны.

Мы должны будем в выводах по операции подробно разобрать, что именно сделали руководящие кадры, но чтобы наш разбор не был однобоким, мы должны сперва посмотреть, кто были эти кадры, в состоянии ли они были руководить данной операцией и стоять во главе столь крупных войсковых соединений старой русской армии, как корпус, армия, фронт и т. д.

Свое рассмотрение руководящих кадров в Нарочской операции мы должны начать с начальника штаба верховного главнокомандующего русской армии и заместителя верховного главнокомандующего генерала Алексеева.

Генерал Алексеев. Профессор Николаевской академии генерального штаба, генерал-квартирмейстер 1-й русской армии в русско-японскую войну, командир 13-го корпуса, начальник штаба Юго-западного фронта, командующий Северо-западным фронтом и, наконец, начальник штаба верховного главнокомандующего, — таков послужной список этого незаурядного генерала царской армии.

Огромная теоретическая подготовка, большой командный стаж и богатейший боевой опыт, — таковы те данные, которые, казалось бы, должны были выработать из Алексеева исключительного, выдающегося полководца. А вместо этого он предстает перед нами в виде писаря и посредственного царедворца сгнившего и разложившегося романовского двора.

Просмотр многочисленных дел Ставки верховного главнокомандующего русской армии за 1916 год поражает обилием подшитых в них собственноручных записей генерала Алексеева. Мелким убористым почерком, обычно без поправок и помарок, он исписывает буквально вороха бумаги. Тут и директивы, и докладные записки, и всякого рода оперативные соображения и рядом с ними ответы на многочисленные запросы и всякого рода письма.

Ответ на письмо министра иностранных дел Сазонова, председателя Государственной думы Родзянко, епископа-черносотенца Варнавы (молится о ниспослании победы русскому воинству), японского студента, восхищенного (искренне или дипломатически) крепостью и твердостью русского оружия, астраханского купца-лабазника, опасающегося как бы германские самолеты не разгромили внезапным налетом его лабазов в Астрахани.

Всю эту переписку генерал Алексеев неизменно вел сам, употребляя целые ночи напролет, чтобы исписывать целые горы бумаги.

Оставшиеся в живых немногие работники бывшей Ставки в Могилеве, захлебываясь от умиления, будут рассказывать вам о замечательных качествах «добрейшего» генерала Алексеева. «Бывало, — скажут они, — пишет до трех-четырех часов ночи; на дежурстве прикурнешь себе на диванчике и заснешь. Так, бывало, не разбудит тебя: тихонько, осторожно ступая по паркету, собственноручно отнесет написанное в аппаратную и сдаст его там для передачи».

И вот этот «добрейший» генерал, стеснявшийся обеспокоить сон дежурного офицера, не стесняется посылать на убой и убивает в Нарочской операции семьдесят восемь тысяч человек! Убивает дико, зря, потому что за обилием взваленной на свои плечи переписки

(на 90% ненужной и могущей итти помимо его) ему некогда обдумать и решить вопрос о наступлении согласно принятым обязательствам на конференции в Шантильи. Он дотягивает операцию до наступления весны, до распутицы, когда в выбранном им же самим для боевых действий районе операция должна провалиться сама собой, без всякого в этом отношении воздействия со стороны противника.

Даже тогда, когда до этой весны остались считанные дни, и главнокомандующий Западным фронтом теребит его с ускорением операции, писарь-генерал не в состоянии выполнить желание главнокомандующего Западным фронтом, так как «государя в Могилеве нет», когда он будет там — неизвестно, а без него таких вопросов он решать не может.

На смену хорошему писарю выступает неуклюжий царедворец, не умеющий разбить стену придворного этикета или хитрым маневром обойти установившиеся рамки стеснительных взаимоотношений.

В результате дело затягивается до такого времени, когда операцию по условиям погоды проводить нельзя. И Алексеев, вместо того чтобы остановить проведение операции и предотвратить катастрофу, спокойно взирает на гибель десятков тысяч людей, занятый в это время, может быть, перепиской с японским студентом или организацией царского смотра войскам гвардии.

Генерал Алексеев ни в какой степени не отвечал требованиям, какие должны быть предъявлены полководцу, организатору вооруженных масс и вождю их в трудном, ответственном деле — войне. Участие его как фактического главнокомандующего в мартовской операции 1916 года заслуживает с нашей стороны самого сурового осуждения.

Генерал Эверт. Офицер генерального штаба, бывший начальник дивизии, командир корпуса, командующий войсками округа, начальник главного штаба, командующий армией и главнокомандующий фронтом,—генерал Эверт тоже имел большой теоретический, практический и боевой багаж.

Приведенные вначале его вполне разумные и дельные предложения и вдумчивая оценка обстановки показывают, что в незнании и непонимании порученного ему дела генерала Эверта обвинить нельзя. Это был по-своему незаурядный командующий армией и фронтом в царской армии.

Но почему он не остановил готовящегося провала Нарочской операции? Почему не поднял своего голоса против намечающегося массового избиения ни в чем неповинных людей? Почему потом, в конце операции, когда уже ясно обозначилось крушение задуманного плана операции, он не проявил своей воли и поплыл по течению тех предложений, которые ему сверху и снизу навязывали Алексеев и Рагоза?

Потому, нам кажется, что наряду с командиром, полководцем в Эверте мирно уживался чиновник. Эверт был разумным и дельным командующим только до тех пор, пока ему лично не угрожало ничего сверху. Но как только его личному благополучию грозила опасность, Эверт мгновенно из командира превращался в Молчалина, «чего изволите».

Вот почему, когда дела обозначились в дурную сторону, он соглашается и с тем, что ему предлагает Алексеев, и с тем, о чем снизу ходатайствует Рагоза. Не перечить ни тому, ни другому, — авось потом меньше будет ответственности. Вот почему, спохватившись накануне атаки 18 марта, что войска бросаются в бой, не обученные этому бою, он вдогонку шлет им свои бесполезные «указания», как производить прорыв укрепленной полосы противника, бесполезные, как отписка, потому что они даны слишком поздно, когда их не только нельзя было исполнять, но даже не было времени прочитать как следует.

Ведь Суворов еще в 1790 году в подобном случае поступил совершенно по-другому и совершенно правильно. Когда ему нужно было брать турецкую крепость Измаил, он за несколько недель перед этим обучал свои войска штурмовать возведенную им в тылу учебную крепость — прототип Измаила. А в 1916 году за несколько часов до атаки главнокомандующий фронтом учил войска прорыву посредством посылки им своих длиннейших «указаний».

Если в характеристике Алексеева мы отметили, что крупный военачальник не должен размениваться на мелочи и погрязать в этих мелочах, то в характеристике Эверта мы должны запомнить, что не только крупный начальник, но любой командир не должен отмахиваться от ответственности бумажной перепиской, а должен лично принимать участие в работе войск, в их подготовке и управлении ими в бою.

Генерал Рагоза. Тоже представитель генерального штаба, прошедший должности начальника дивизии, командира корпуса и дослужившийся до командования армией. Какими заслугами он добыл себе армию, нам неизвестно, но командовать ею он не мог и не умел. Говорят, в старой армии на одного из генералов дан был такой аттестационный вывод: «командиром корпуса быть может, но командовать корпусом не может». Генерал Рагоза в полной мере подходил под такую аттестацию в отношении своих способностей командовать армией.

Несколько штрихов из этого «командования». За неделю до начала операции он приехал в штаб Плешкова, чтобы познакомиться с ним, пообедал там в присутствии генерала Зиборова, в общем пробыл в штабе не более часа. По дороге к Плешкову заехал в один-два полка, посмотрел с такого же налета на них; побыл в штабе Балуева и после всего этого послал Эверту известную нам телеграмму: «Знакомился с ближайшими помощниками, многими начальствующими лицами, осмотрел часть района армии и видел пять полков. Почитаю долгом донести об отличном состоянии войск, бодром настроении и полном обеспечении их в пределах того, что нам подали... все, от генерала до рядового, проникнуты одной мыслью, одним желанием, чтобы работать не за страх, а за совесть, чтобы эта работа привела нас к давно желанной победе».

Пустая, безответственная отписка вместо личного изучения боевой обстановки и в первую очередь местности, расположения своих войск и противника, затем знакомства с теми начальниками, которым поручены ответственные задачи, и пр.

Другой штрих. Поделив войска армии на три почти равные части, генерал Рагоза, вместо того чтобы управлять ими, спокойно уселся на своем «Олимпе» в Будславе и стал оттуда глазами «американского наблюдателя» смотреть, что делают в своих группах Плешков и Балуев.

Когда он увидел, что групповые начальники действуют из рук вон плохо, что оба они, особенно Плешков, просто бессмысленно истребляют вверенные их руководству части, он посильно помог им в таком истреблении, особенно Плешкову, путая его мероприятия, отменяя его оперативные приказы или требуя активных действий от войск в то время, когда измученные предыдущими боями, они ни к каким активным действиям не были способны.

В своих распоряжениях в процессе операции Рагоза руководствовался не создающейся обстановкой, которой, находясь в 45 км от войск, он не знал, а предвзятыми выводами из донесений вопреки этой обстановке, бездушием и самоуверенностью бюрократа.

В итоге ни одной чертой своего характера, ни одной стороной своей «полководческой» деятельности он не соответствовал занимаемому им высокому положению.

Генерал Плешков. Наиболее яркий представитель группы невежд-генералов старой царской армии. Мы могли бы о нем совсем не говорить, если бы у него не отмечались некоторые черты, которые нам встречались и у других командиров.

Прежде всего о военной неграмотности этого генерала. Удар группы намечается у него правым флангом, резерв —27-й корпус — ставится за левым флангом. Ударное средство (для развития успеха) — конный корпус — ставится в таком удалении от фронта, при котором оно теряет свои возможности развивать успех при прорыве. Атака намечается на участке, совершенно непригодном ни для действий пехоты, ни для огневой работы артиллерии. Штаб командующего группой (он же командир 1-го сибирского корпуса) относится от фронта на такую глубину (30 км), при которой создаются невольные трудности в управлении войсками. Артиллерия прорыва сгущается на огневых позициях до такой степени, что она не в состоянии выполнять свои задачи и наполовину делается бесполезной на данном участке. В то же время соседний 1-й армейский корпус оставляется без тяжелой артиллерии, и войска его терпят исключительный урон оттого, что наступают без соответствующей артиллерийской подготовки. Приказы отдаются и тут же отменяются; отдаются два приказа в один день, второй из них не отменяет первого, но по своему содержанию противоречит ему. И так далее, и тому подобное.

Это со стороны военной грамотности.

Теперь со стороны возможностей командовать и управлять войсками. Наличие дешевой фразеологии: «бесповоротно решил прорвать оборонительную полосу противника...» Тупое упрямство: бросать усталые, измученные войска в новые и новые атаки, не давая им возможности отдохнуть, привести себя в порядок и не перестраивая плана своих атак в новых направлениях и другими частями. Повышенная нервозность, крикливая требовательность: «ата-

ковать немедленно», не принимая во внимание, что «немедленно» для корпуса не то же, что для отделения или взвода. Быстрая потеря самообладания, растерянность от неудач, — таковы основные черты этого кавалерийского генерала, тоже генерального штаба, волею судьбы или бабушкиной протекцией оказавшегося во главе неплохого корпуса сибирских стрелков в старой армии, в какие-нибудь 5—6 дней избивший в буквальном смысле этого слова три корпуса и потом в последние дни пытавшийся добивать их остатки.

Генерал Балуев. Как и все предыдущие — генерального штаба. Имел большую теоретическую и практическую подготовку, немалый боевой стаж, но, как и Эверт, он соединял в себе, наряду с командиром, огромную долю чиновника-подхалима. «Не сметь своих суждений иметь» у него зашло так далеко, что он не решился даже провести своего плана нанесения главного удара правым флангом; не решился соответственно этому плану построить желательный боевой порядок.

Он сделал то, что в этом отношении ему посоветовал Рагоза, хотя и не был с ним согласен. Он допустил в своей группе бесцельное болтание между действующими корпусами —5-м и 36-м — резервного 3-го сибирского корпуса, придал последнему форму древнегерманской «свиньи» и позволил свои действующие корпуса разбить порознь, не оказав силами 3-го сибирского корпуса помощи ни тому, ни другому.

После, когда уже все было потеряно, Балуев плакался Рагозе, что зря не проявил вначале нужной твердости и не провел в жизнь своего плана. Но твердость у Балуева была только на проведение бесплодных атак, когда одним упрямством уж дела поправить было нельзя.

В характеристику Балуева мы должны записать: отсутствие твердости в проведении своих решений (отметим, что в отношении их Балуев в своей группе был полный хозяин), угодничество начальству, доведенное до грани отрицания доводов собственного рассудка, бессмысленное истребление людей и расходование средств без веры в успех своего начинания, но с убеждением, что это сойдет, так как в таком направлении указало действовать начальство.

Генерал Баланин. К удивлению, тоже генерального штаба. Двух мазков в портрете этого генерала достаточно для того, чтобы охарактеризовать эту убогую фигуру.

Первый штрих: подача на фронт резервной дивизии. Баланин вместо ближайшей к фронту 45-й дивизии посылает на поддержку дальнюю —76-ю. Что он при этом думал и думал ли вообще, мы не знаем, но факт, что дивизия ко времени туда, куда ее посылали, не вышла и поддержки, естественно, оказать не могла.

Второй штрих: увод с поля сражения корпуса, потому что отошла соседняя правофланговая 22-я дивизия. Генерал, выходит, мог наступать только с обеспеченными флангами, а если один из них открыт, по его мнению, больше не остается ничего делать, как уводить свои войска с поля боя. Ровно ничего не значит, что в резерве имеются два нетронутых и почти не бывших в бою полка.

Между тем этот генерал в свое время был руководителем тактики в Николаевской академии генерального штаба и чему-то учил там молодых офицеров.

Генерал Сирелиус. Последним в нашей галлерее лиц, ответственных за мартовское наступление русских у оз. Нарочь, выступает генерал Сирелиус — это на вид как будто тихое, безобидное дитя во 2-й армии, на самом же деле тонкий, хитрый дипломат, сугубо эгоистичный формалист и расчетливый, скаредный трус.

Располагая двумя корпусами (без одной дивизии) и занимая фронт с боевой насыщенностью людьми и орудиями, почти равной соседним фронтам, он в течение всей операции ухитряется пальцем о палец не ударить, чтобы облегчить положение соседей.

Если в ряду царских генералов, с которыми мы ознакомились, мы находили писарей, чиновников, неучей и самодуров, то Сирелиус, в полной мере соединяя их качества, был еще сугубым формалистом. Не приказано наступать — не наступаю; приказано отвлекать противника на себя — отвлекаю тем, что спокойно стою против него. Вот как понимал свои обязанности в мартовском наступлении генерал Сирелиус.

В результате немцы маневрировали резервами, как хотели. Они быстро раскусили буйволову тактику Плешкова и Балуева — бить строго в определенном месте — и подбрасывали резервы к этим местам; они также прекрасно уразумели намерение Сирелиуса твердо стоять на одном месте и спокойно снимали свои войска с этого участка и посылали их на фронт Плешкова и Балуева.

Генерал Сирелиус посильно помогал немцам в мартовском наступлении, хотя командовал русской группой. Германское командование, наверно, по заслугам оценило помощь Сирелиуса, хотя об этом никому гласно не поведало. Более откровенно и прямо свое удовольствие выразили германские солдаты — смехом и свистом в своих окопах по адресу «славного полководца» генерала Сирелиуса.

* * *

После такого знакомства с генералами — виновниками Нарочской драмы — нам становится ясно, почему мартовское наступление не только не имело успеха, но с самого начала своей организации было обречено на провал. Генералы, с которыми мы ознакомились, не могли успешно воевать. Они были оторваны от солдатской массы, не знали и не считались с интересами этой массы, доходили в своей практике до отрицания человеческого достоинства в солдате, — отсюда безответственное расходование ими солдатских жизней и поражающая нас их военная безграмотность.

Действия Алексеева, Эверта, Рагозы, Плешкова и других генералов в Нарочской операции походят на вредительские. Но они не могли ими быть, потому что Алексеев, Эверт и Рагоза, так же как и все ответственные участники Нарочской операции, были кровно заинтересованы в сохранении существующего тогда в России государственного строя и по-своему честно и добросовестно сражались за «матушку Россию» и «батюшку царя». Но они в массе

были невежественны, в военном отношении недостаточно подготовлены, в личных взаимоотношениях грубы и заносчивы, по отношению к старшим трусливы и подобострастны. Со всем усердием сражаясь за «Русь святую», они губили эту «Русь» на каждом шагу, губили потому, что не были подготовлены к войне и не умели воевать. Отсюда и соответствующие результаты их действий.

Рассмотрим их более подробно.

Подготовка операции

1. Отсутствует тщательная, широко и всесторонне обдуманная подготовка во всех ее частностях. Старшие войсковые начальники и штабы не подготовлены давать подчиненным инстанциям определенные, ответственные указания. На младшие инстанции и отдельные роды войск перекладывается существенной важности работа по выполнению первоначальной, не кабинетной, а полевой подготовки операции. Исполнительная власть выпадает на долю таких начальников и штабов, которые были незнакомы с районом предстоящих действий; войска прибывали в эти районы перед самым началом операции. Накануне наступления пехотные офицеры приходили на наблюдательные артиллерийские пункты посмотреть, «где они завтра будут атаковать».

2. Проведение операции поручается случайному лицу — командующему 4-й армией, ничем не связанному со 2-й армией, совершенно не ориентированному в обстановке и не представлявшему себе размеров и ответственности возлагавшихся на него задач.

3. Участок прорыва выбран не соответствующий задачам операции (там, где противник более силен) и при полном игнорировании условий местности и времени года.

4. Количество войск и огневых средств для операции не рассчитано, а взято на-глаз: войск излишне много, а огневых средств меньше, чем необходимо.

5. Управление корпусами, назначенными для выполнения важнейшего акта — прорыва, — передано в руки импровизированных командующих группами.

6. В левой ударной группе 2-й армии отсутствовала общетактическая полевая оценка выбранной артиллерийской позиции, так как личного осмотра на местности этой позиции как старшими начальниками, так и офицерами генерального штаба сделано не было.

7. Действия артиллерии и пехоты не были согласованы. Часто артиллерия являлась бессильной зрительницей гибели пехоты, захватывавшей не раз неприятельские укрепления (главным образом, в 1-м армейском и 1-м сибирском корпусах), а пехотные поддержки, не имея инженерной подготовки в виде оборудованных плацдармов, таяли бесцельно под артиллерийским огнем противника (особенно на участке 36-го армейского корпуса).

8. Организация артиллерийского огня была поставлена из рук вон плохо. В важнейшей группе Плешкова задачи артиллерии намечались штабом группы без участия начальника артиллерийской группы

генерала Закутовского. За день до начала наступления они частично были изменены; пристреляться по новым целям артиллерия не могла. У артиллерийских начальников отсутствовала мужественная настойчивость твердо и решительно заявить о несоответствии условий, в которые их ставили для выполнения возлагаемых на них задач, имея в виду ожидаемые от артиллерии результаты.

Выбор участка для атаки

1. К выполнению задач приступали, имея целью прорвать расположение противника, без особой подготовки, по приемам полевого боя. О встрече упорного сопротивления не думали. «У всех на устах была Вильна, — отмечает в своем докладе Гриппенберг. — У одного из старших начальников, — говорит он, — срывается фраза: «Эх, попробовать бы атаку без всякой подготовки». Между тем укрепления противника оказались столь сложными и глубокими, что удержаться во взятом и развить успех глубже без надлежащего сближения с противником (при помощи окопов) и последующей подготовки было весьма трудно.

2. Ширина прорыва, по опыту наступления 2-й армии в марте, оказалась недостаточной; достигавшие известного успеха русские войска, врывавшиеся в расположение противника, простреливались затем насквозь с обоих флангов, несли значительные потери, не имея возможности закрепить за собой захваченное для развития отсюда дальнейшего успеха. Приносимые жертвы оказались напрасными.

Опыт как французский, так и собственный русский указывал, что фронт атаки должен быть не менее 15—20 км, достигая, по возможности, 30 км.

Выбор участка для непосредственного удара происходил не только без основательного изучения свойств неприятельской позиции, но о ней у большинства прибывших для атаки войск были самые смутные представления. Для атаки избирались короткие вогнутые участки расположения, чем еще больше облегчалась противнику возможность поражения наступающих огнем с обоих флангов.

3. Участок местности группы Плешкова для атаки выбран, с артиллерийской точки зрения, особенно неудачно.

а) Наблюдение за падением снарядов было в большинстве случаев невозможно, так как почти все постройки противника прикрывались лесом.

б) Подвоз снарядов нельзя было вести иначе, как по отвратительным проселочным дорогам, превратившимся вследствие весенней оттепели в сплошную грязь.

в) Лесистость занятой противником полосы не позволяла сделать тщательную предварительную разведку его построек; более или менее определенные сведения имелись лишь о самом переднем крае неприятельской укрепленной полосы, глубина же неприятельского расположения оставалась неисследованной.

г) Болотистая местность перед атакуемым участком не давала возможности выбора артиллерийских позиций, и вся артиллерия

принуждена была стоять только в двух группах, причем первоначальное расположение артиллерии оказалось очень далеким от неприятельских укреплений, а дальнейшее маневрирование, особенно тяжелой артиллерии, было значительно затруднено, вернее, почти невозможно.

д) Кроме того, выбранный участок неприятельской позиции нельзя было считать более слабым по силе укреплений, чем другие участки. Здесь укрепление противником позиции производилось у себя в тылу еще в то время, когда немецкая передовая позиция шла по р. Мядзелке, почему работы велись без всяких помех со стороны русского огня. Когда позиция на фронте р. Камайка, Лапинский лес, Можейки была закончена, немцы бросили линию р. Мядзелки и отошли на готовую позицию, уничтожив деревни в оставляемом районе. На других участках к югу немцам приходилось строить окопы и проволочные препятствия под русским артиллерийским и ружейным огнем.

е) Весьма трудная, но первейшая задача точной и подробной осведомленности об укрепленных сооружениях противника требует широкой разведки расположения противника, изучения его укреплений путем фотографирования их с самолетов. Только тогда для начальника будут ясны силы и группировка противника и можно будет давать войскам не расплывчатые приказания, а точно определенные задачи по местности и по пунктам атаки.

Между тем ничего этого в достаточном объеме во 2-й армии не было сделано. Многое о противнике было известно лишь приблизительно и обосновывалось на не всегда верных догадках.

Задача войск, назначение общего и артиллерийского начальника

1. Для производства прорыва укрепленной полосы противника назначались войска, совершенно не ознакомленные с местностью и только что прибывшие в данный район, как, например, части 1-го сибирского корпуса. Из них составлялись временные соединения с большими ударными задачами, без объединения их общим командованием. Так атаковали 18 марта 22-я и 1-я сибирская дивизии.

Образование во 2-й армии групп, каждая во главе с командиром одного из корпусов, облегчило лишь работу высшей инстанции, но не могло служить для пользы дела вообще. Командир корпуса — начальник группы —не имел той мощи, какую мог проявить командующий армией, особенно в деле подготовки операции и правильного снабжения группы всем необходимым.

Получился как бы промежуточный фронт; перед хозяйственными органами, ведающими снабжением, приходилось хлопотать, а не приказывать. Командующий группой и начальник штаба группы, кроме оперативных дел по управлению группой и войсками своего корпуса, не имея у себя полномочных и компетентных органов по снабжению, подвозу, эвакуации раненых, были завалены вопросами этого рода и вынуждены были отвлекаться от чисто оперативных дел.

Каждая вновь приходящая в состав группы часть, первым делом обращалась со всеми своими нуждами в штаб группы.

2. Назначение старшего артиллерийского начальника в группе генерала Плешкова по существу сделано не было. Ген. Закутовский считался им лишь номинально; и так как главная масса артиллерии сосредоточена была в 1-м сибирском корпусе, то и обстреливала она участок только этого корпуса; на участок же 1-го армейского корпуса при подготовке атаки не было дано ни одного тяжелого орудия.

Определение необходимой силы огня, числа орудий, снарядов и организация питания снарядами

1. В мартовской операции необходимое количество снарядов фронтом было определено не в зависимости от того, сколько квадратных единиц искусственных препятствий и укрепленных построек противника надо было разрушить и сколько времени нужно было держать противника под напряженным артиллерийским огнем, а лишь гадательно, механически — столько-то снарядов на орудие в день.

В младших инстанциях отпущенные снаряды не были переведены на силу огня для разрушения сооружений противника и не было сделано подсчета, какой тактической цели соответствует отпущенное количество снарядов, не установлен минимум и максимум возможного разрушения препятствий и закрытий.

2. Орудия, особенно тяжелые, распределялись без расчета на силу их действия, не принимая во внимание предстоящих задач артиллерии. Так, в группе генерала Плешкова в начале операции не было дано в 1-й армейский корпус ни одного тяжелого орудия, а все были сосредоточены в районе 1-го сибирского корпуса, нисколько при этом не увеличивая силы огня, так как ограниченное число снарядов могло быть выпущено даже из половины имеющихся там орудий. Кроме того, густота расположения артиллерии на огневых позициях в этом корпусе затруднила наблюдение результатов огня, тормозила управление огнем, делая половину собранной здесь артиллерии лишней.

3. Недостаточно было налажено непрерывное питание снарядами, долженствующее входить в расчеты о силе огня. В группе Плешкова подвоз снарядов не отвечал полной потребности, не был систематическим и последовательным, что очень тяжело отозвалось на непрерывности питания батарей, часть которых вынуждена была молчать в разгар боя (12—42-лин. орудий, 20—6-дм. полевых гаубиц, часть 48-лин. гаубиц).

Оборудование местности

1. Оборудование местности на участках решительной атаки во время предшествующих операций почти отсутствовало, и поддержки боевой линии лежали открыто часами под неприятельским артиллерийским обстрелом, закоченевшие, в снегу и в воде, выжидая результа-

тов артиллерийской подготовки. Войска не имели сколько-нибудь сносных окопов на исходной линии и в случае перехода противника в наступление не могли противопоставить ему никакой оборонительной силы.

2. Одной из причин, по которым это исходное положение в мартовской операции не было занято, явилась промерзшая до ½ м почва. В других случаях причиной, помешавшей создать исходные плацдармы, послужил неправильный взгляд на инженерные войска. Сапер не использовали, так как за малочисленностью инженерных войск их будто бы приходится беречь. Едва ли можно руководствоваться вообще этим соображением, ибо, где гибнут десятки тысяч пехотинцев из-за недостатка технических средств и знаний, нужно итти бесповоротно на гибель сотен сапер. Тогда эти сотни спасут тысячи неспециалистов.

Выбор позиций и указание задач для артиллерии

1. Артиллерии ставились или совершенно непосильные задачи, — легкой артиллерии, например, разрушать замерзшие окопы противника, — или требовалась бесцельная стрельба, ведущая к напрасной трате снарядов и предваряющая противника о пунктах атаки.

Часто задачи ставились неопределенно, в общих выражениях, вследствие чего и исполнение в более или менее значительной степени уклонялось от стремлений начальника, дающего эти задачи.

2. В отношении выбора позиций необходимо отметить, что некоторые батареи ставились слишком далеко от противника: легкие батареи в 4—5 км от линии окопов атакуемого участка. Наблюдательные пункты, значительно удаленные от позиций противника, затрудняли наблюдение как вследствие значительного расстояния, так и потому, что наблюдатель не мог точно распознавать, с каких именно батарей падали снаряды. Это особенно относится к артиллерии группы Закутовского.

3. Маневр артиллерии отсутствовал.

Сбив противника с передовых позиций, даже и легкие батареи продолжали оставаться на первоначальных позициях и стрельбу для разрушения искусственных препятствий вели с таких расстояний (иногда до 5 км), при которых теория отрицает возможность какого бы то ни было успеха.

Запасных позиций (вдоль фронта) в большинстве случаев не было.

Атака

1. В атаках пехоты обнаруживается ничем не объяснимая торопливость. Несмотря на незначительность результатов артиллерийской подготовки, отдаются приказания о безостановочном движении. Все, от начальника дивизии до командира корпуса, горячатся, и пехота тысячами своих жизней расплачивается за такую торопливость.

2. В группе генерала Плешкова недостаточность первоначальной артиллерийской подготовки 18 марта сочетается со странным недоразумением в 22-й дивизии, преждевременно начавшей атаку без

какого-либо указания на это из штаба группы. Так как остановить атаку было нельзя, то на поддержку последней двинулись части 1-й и 2-й сибирских дивизий. В результате части понесли большие потери, и атака захлебнулась.

3. Несмотря на интенсивный обстрел позиций противника, русской артиллерии не удавалось вполне потушить его пулеметную, преимущественно фланговую, оборону из очень прочно устроенных и искусно маскированных в лесу блиндажей, не удавалось также привести к молчанию его артиллерию как по невозможности корректировать стрельбу с наблюдательных пунктов, так и по отдаленности неприятельской артиллерии для 6-дм. и 48-лин. орудий; 42-лин. орудия к тому же с 20 по 27 марта молчали за неимением снарядов.

4. У пехоты не было должного сознания своего бессилия перед неподавленным неприятельским огнем. Это особенно наглядно обнаружилось на атаке 1-го армейского и 1-го сибирского корпусов 18 марта. Пренебрежение, высказанное здесь к артиллерийской подготовке и к огню противника, объясняется бессознательной храбростью и недостаточной осторожностью соответствующих частей; потом это пренебрежение привело к очень тяжелым последствиям.

В Нарочской операции в своем концентрированном виде повторилось все то, от чего так настойчиво предостерегали и французские инструкции и указания командующего 7-й русской армией.

И нужен был такой удар, какой русская армия получила у озера Нарочь, чтобы стряхнуть с себя беспечность и неповоротливость в руководстве войсками и к новой Брусиловской операции прорыва под Луцком подготовиться более осмотрительно, осторожно, а главное, вдумчиво, используя опыт предыдущих наступательных операций. И результат, как мы знаем, получился совершенно иной. Укрепленный фронт противника был прорван, и на долю войск Юго-западного фронта выпал большой и вполне заслуженный успех.

Заключение

Атаки русских в мартовском наступлении 1916 года окончились неудачно. Вместо вполне возможного разгрома противника, русская 2-я армия понесла тяжелое, не вызываемое обстановкой поражение. Понесла его вследствие отсталости, неподготовленности высшего командного состава и неумения его управлять войсками.

Великий стратег и тактик революции и гражданской войны в СССР И. В. Сталин указал нам основную причину, по которой неизменно и всегда была бита старая дореволюционная Россия. Говоря на первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (4 февраля 1931 года) о темпах социалистического строительства в СССР, товарищ Сталин сказал [1]:

> «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все—за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную...»

Но мы, представители новой социалистической страны, ставшей на место старой России, не хотим быть битыми, поэтому мы не должны отставать. Поэтому мы не должны походить на прежнюю «убогую и обильную, могучую и бессильную», старую, дореволюционную Русь. Мы должны серьезно учиться, чтобы не повторять тех ошибок, которые приводили старую царскую Россию к тяжелым боевым поражениям.

Наша подготовка к обороне страны требует от нас серьезного изучения опыта прежних войн, не только удачных, победоносных, но и таких, которые заканчивались поражением. «Изучение военной истории, — говорит Клаузевиц [2], — при недостатке собственного опыта одно в состоянии дать наглядное представление о том, что мы назвали трением всей машины в целом». Здесь Клаузевиц под

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 445.
[2] Клаузевиц, О войне, ГВИЗ, изд. 1934 г., стр. 617.

трением машины разумеет ход боевых действий. «Ведите наступательную войну, — учил Наполеон, — как Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь, Тюренн, принц Евгений и Фридрих. Читайте и вновь перечитывайте историю их 83 походов и формируйте на них свое мышление. Это — единственное средство стать великим полководцем и разгадать тайны искусства».

«Для обширных стратегических комбинаций, — говорит Драгомиров [1], — действительная практика возможна чрезвычайно редко: на всю жизнь главнокомандующего, кроме эпох исключительных, придется может быть одна-две войны; при этом личный опыт выйдет и не очень большим. И единственный возможный путь освоиться с духом этих комбинаций лежит в тщательном изучении военной истории. Если его нет, поневоле попадешь в руки Вейротеров [2] и им подобных, — и головы летят тысячами без толку, и троны колеблются, и репутации, созданные долгой трудовой, доблестной жизнью, рушатся в прах».

Нарочская операция, как всякое боевое действие, позволяет нам сделать ряд ценных выводов, которые могут служить известным руководством на будущее, препятствующим нам повторять ошибки прошлого и не допускать в своей практике таких действий, которые не ведут к успеху.

Наш Полевой устав предусматривает прорыв укрепленной полосы противника как один из видов современного наступательного боя. Нельзя обольщать себя тем, что при современном развитии артиллерии, мото-мехсредств, воздушных сил и конницы дело прорыва будет легким, не вызывающим у наступающего больших жертв. Современные наступательные средства — артиллерия, танки, авиация, оснащенная мото-мехсредствами конница — в сравнении с тем, что было в 1916 году, сильно увеличивают боевые возможности наступающего. Но параллельно им за время с 1916 года сильно выросли и развились средства оборонительные — инженерные, химические и пр., и на сегодняшний день дело прорыва остается попрежнему делом крайне трудным, требующим серьезной подготовки, точных расчетов и большого искусства в использовании ударных средств и назначенной для прорыва живой силы.

На основании изучения боевых действий русских войск во время Нарочской операции мы остановимся на тех моментах, которые, по нашему разумению, должны учитываться и сейчас при организации прорыва укрепленных полос.

Организуя операцию прорыва в современных условиях, мы по опыту Нарочской операции должны предусматривать следующее:

1. Точно очерчивать задачу, которую мы ставим себе операцией прорыва.

---

[1] Драгомиров, Война 1866 г., стр. 150.

[2] Вейротер, генерал австрийской армии времен наполеоновских войн, военный теоретик, рутинер и доктринер, приобрел печальную известность в качестве генерал-квартирмейстера союзной армии в сражении под Аустерлицем, когда вместо нужного решения в ответ на смелый маневр Наполеона он искал готового рецепта в теоретических выкладках небезызвестного, не раз осмеянного Наполеоном Бюлова.

2. Поручать выполнение прорыва войскам, достаточно ознакомленным с характером впередилежащей местности и с особенностями построения обороны у противника. Операции прорыва должна предшествовать тщательная, всесторонняя и глубокая разведка противника.

3. Участок прорыва выбирать там, где противник более слаб (численно, морально, имеет недостаточно прочную оборону, где у него меньше огневых средств), куда легче подавать резервы и материальные средства и где местность имеет больше укрытий и маскирующих наступающие войска средств.

4. Выбрав участок, нужно точно очертить себе цели и задачи по периодам боя; в соответствии с ними разработать и поставить задачи войскам: что, кому и к какому времени сделать, куда выйти, чего добиться.

5. Рассчитать, в связи с общей задачей, количество войск и огневых средств, потребных для прорыва, количество необходимых резервов; наметить исходные положения войск и произвести точные расчеты работы тыла. Успех операции в значительной степени определяется хорошей работой тыла, и подготовка операции прорыва во многом сведется к подготовке питающего ее тыла.

6. На участке прорыва должен быть собран достаточно мощный кулак сил и средств. Этот кулак должен быть совершенно точно рассчитан, а не взят наобум — чем больше, тем лучше. Без должного расчета собранный кулак у Плешкова, как мы видели, как раз дал обратные результаты: части в своей работе мешали друг другу, а артиллерия наполовину не могла совсем выполнять своей работы.

7. Войска, назначенные для прорыва, должны представлять собой единое целое в смысле управления ими; они должны иметь одного начальника, ответственного за прорыв. В группе Плешкова мы видели ничем не объединенные между собой 22-ю пехотную и 1-ю сибирскую дивизии, назначенные для нанесения главного удара.

8. Резервы и вторые эшелоны нужно располагать так, чтобы при вводе их в бой они могли развивать успех передовых частей. В группах Плешкова и Балуева резервы были поставлены неправильно: 7-й кавалерийский корпус слишком далеко, 27-й армейский и 3-й сибирский — несоответственно предстоящей задаче.

9. Операция прорыва должна быть строго рассчитана по времени, увязана с разведывательными данными о противнике, подготовляться с большой скрытностью и хорошо маскироваться всеми имеющимися средствами. Как правило, демонстративные действия в виде подготовки прорыва и атак должны вестись одновременно на разных участках фронта и достаточно активно. Позорная работа генерала Сирелиуса в этом отношении должна служить примером, как не нужно поступать.

10. В такой сложной операции, как прорыв, очень важно хорошо организовать связь, прекрасно наладить разведку и крепко держать в своих руках управление. Личное руководство старших начальников, по возможности, должно заменять и исключать руководство письменное.

Командные пункты всех начальников, до командиров корпусов, должны быть возможно приближены к фронту, командующий армией с оперативной группой штаба должен располагаться возможно ближе к участку главного удара.

11. Приказ на атаку должен иметь одну ясно очерченную задачу и кратко изложенную перспективу на дальнейшее развитие успеха. Если в процессе боя выяснится, что данная задача не может быть выполнена или выполнение ее меняет намеченную перспективу, нужно тут же части, соединению поставить новую задачу, но не составлять разных вариантов действий в первом основном приказе, как это совершенно неправильно сделал генерал Балуев.

12. Атаку пехоты начинать после того, как артиллерией разрушены препятствия на пути к позиции противника и огонь его подавлен. При большом количестве танков можно ограничиться короткой (шквального огня) артиллерийской подготовкой; все задачи артиллерии по уничтожению препятствий и подавлению огня противника могут выполнять танки. При достаточном насыщении участка прорыва танками можно атаку пехоты вести совсем без артиллерийской подготовки.

13. При комбинированных действиях во время прорыва пехоты, артиллерии, танков и авиации очень важно заранее проработать и рассчитать время, объекты, характер задачи, связь, сигналы и прочее для каждого рода войск, участвующего в атаке.

14. Атаку лучше проводить днем, для обмана противника и маскировки своих частей широко использовать дымы. Неудачную дневную атаку не может исправить непосредственно следующая за ней ночная, так как последняя требует и особых условий для своего проведения, и особой подготовки участвующих в ней войск.

15. Не опаздывать с вводом вторых эшелонов и не подавать резервов пачками, один за другим. Необходимо создавать перевес сил сразу и задачу прорыва решать намеченной атакой.

16. При захлебывании атаки не повторять ее усталыми, измученными войсками; необходимо им дать отдых, привести их в порядок и после того повторить артиллерийскую подготовку и атаку лучше в другом месте, чтобы создать неожиданность для противника.

17. К выбору участка прорыва нельзя подходить формально. По схеме штаба Западного фронта и 2-й армии, удар в группе Плешкова нужно было наносить на правом фланге, — так строили и операцию в этой группе, — а по местности (болото, лес) делать этого нельзя было, и оттого, что не посчитались с этим важным условием обстановки, получились большие несчастья в ходе боевых действий и провал операции.

Такой же схематический, по карте, подход к решению задачи в смысле выбора участка нанесения главного удара мы видим у Алексеева и у Эверта.

18. Ширина фронта прорыва должна определяться невозможностью для противника простреливать наступающие войска с флангов. На разных участках она будет разной, в зависимости от характера местности (естественные закрытия с флангов), наличия дальнобойных огневых средств у противника и характера маскирующих

средств у наступающего (естественные маски, дымы и пр.). Нормально она должна достигать 15—20 км.

19. Не накоплять в тылу лишних резервов и ненужных для прорыва материальных средств. Расстановка сил в группе Плешкова дает в этом отношении исключительно яркий пример обратного порядка. Из четырех корпусов, находившихся у него в момент начала операции (1-й армейский, 1-й сибирский, 27-й армейский и 7-й конный), непосредственно участвуют в боевых действиях только восемь полков (два—59-й, три—22-й, два—1-й сибирской и один—2-й сибирской дивизии); остальные 22 полка (считая в том числе полки 7-го конного корпуса) стоят в резерве; некоторые из них в таком удалении от фронта, при котором их наличие в составе группы вызывает просто недоумение.

Потом Плешков поодиночке или группами вводит эти полки в бой, ни разу при этом не добивается перевеса сил и губит всю операцию, напрасно тратя и человеческие жизни и материальные средства.

20. Нельзя перекладывать задач своих на подчиненные части и нижестоящих командиров. В Нарочской операции это выявилось особенно рельефно. Алексеев «спустил» директиву Эверту и в позе наблюдателя смотрел, что тот делает. Эверт сделал то же по отношению к Рагозе, Рагоза — по отношению к Плешкову, Плешков — по отношению к командирам 1-й сибирской и 22-й пехотной дивизий, которым предоставлена была инициатива рвать укрепленную полосу противника, не будучи никем и ничем объединенными в своей деятельности, при огромном количестве (22 полка) безмолвных и безучастных зрителей такого позорного и печального явления.

21. Нельзя допускать того положения, чтобы высшие штабы съедали время, отведенное на подготовку к операции. Алексеев перед мартовским наступлением 1916 года два месяца думал над подготовкой операции, Эверт делал то же 15 дней, на долю Рагозы пришлось 3—5 дней, а 1-я сибирская дивизия прямо с хода вошла в окопы и на следующее утро пошла в атаку. Отсюда непродуманность, торопливость, неосведомленность о противнике и местности, — все те грехи мартовского наступления, какие привели потом 2-ю армию к тяжелому поражению.

22. Нельзя организовать атаку укрепленной полосы противника, не учтя опыта других частей по таким же действиям. Игнорирование такого опыта может повести к тяжелым последствиям, как это и имело место во 2-й армии в марте 1916 года.

23. Приняв решение на прорыв укрепленной полосы противника, нужно действовать с крайней настойчивостью, во что бы то ни стало стараясь выполнить поставленные перед собой задачи. У руководителей Нарочской операции мы видим обратное: они слишком много оглядываются на противника, слишком осторожны в проведении своих наступательных планов. Эта осторожность губит все их начинания. Алексеев два месяца думает над новой операцией и не надумывает ничего лучшего, как проводить ее в болотах и лесах накануне весенней ростепели, только потому, что боится наступления

самого противника в выбранном им районе. Рагоза целую группу Сирелиуса (66 000 человек) обрекает на бездействие из страха перед таким наступлением германцев. Наконец, Балуев свое построение 3-го сибирского корпуса (один полк на фронте, два в дивизионных и пять в корпусном резерве) производит все по той же причине: корпус-«свинья», поставленный в середине боевого участка Южной группы, бесполезен для наступления, но он занимает выгодное положение при прорыве противника в глубину этой группы, когда вводом сильных частей из глубины он может парировать удар врага. Нерешительность и трусость русских генералов в Нарочской операции еще раз продемонстрировали миру вредность излишней страховки на поле боя.

24. И, наконец, нельзя управлять войсками только из кабинетов, удаленных от них на десятки километров. Нельзя управлять войсками, совсем не видя этих войск и судя о них исключительно по телефонным и телеграфным донесениям. Море чернил и бумаги в мартовской операции послужило одной из причин ее провала. 3 000 депеш, получаемых Рагозой в день, неспособны были осветить ему обстановку, создавшуюся на фронте; в то же время один личный выезд на фронт того же Рагозы мог дать ему во много раз больше, чем эти три, четыре, пять тысяч бумажных депеш.

* * *

Участник войны 1812 года французский генерал Пеле, давая оценку русским войскам, сражавшимся на Бородинском поле, выразился так [1]: «По мере того, как подходили к багратионовым войскам подкрепления, они шли вперед с величайшей отвагой по трупам павших для овладения утраченными пунктами. Русские колонны на глазах наших двигались по команде своих начальников, как подвижные шанцы, сверкающие сталью и пламенем. На открытой местности, поражаемые картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они терпели огромный урон. Но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас попрежнему».

Пеле, отдавая должное русскому упорству, отваге и храбрости, был крайне удивлен, что эти высокие качества присущи народу, который является рабом своих помещиков. Если этому народу, рассуждал Пеле, свойственны такие качества в его рабском состоянии, то на что он может быть способен, получив свободу, осуществив возможность добиваться побед на поле боя не для помещика, а для себя.

Просмотрев многочисленные атаки 2-й русской армии у оз. Нарочь, мы в отношении оценки русских солдат, участвовавших в этих атаках, можем повторить оценку Пеле, данную им о багратионовских частях на Бородинском поле. И также можем отметить, что эти атаки производились одетыми в солдатские шинели рабочими и крестьянами, находившимися под гнетом своих помещиков и капиталистов. И невольно при этом вспоминаются те же слова Пеле: если этому народу свойственны были такие качества в раб-

[1] «Военная Мысль», № 8—9, 1937 г., стр. 26.

ском состоянии, то на что он будет способен, получив свободу, когда будет знать, что он борется за себя, отстаивает свою землю от посягающего на нее врага, защищает страну социализма от ярма капитализма.

«Вспомните, — говорил Фридрих Энгельс [1], — какие чудеса совершал энтузиазм революционных армий от 1792 до 1799 г., которые боролись только за иллюзию, за мнимое отечество, и вы должны будете понять, как сильна должна быть армия, которая борется не за иллюзию, а за реальную действительность».

* * *

Атаки русских у оз. Нарочь в марте 1916 года окончились неудачно. Их отбили не немцы, а по существу русские генералы, которые погубили операцию в самом процессе ее организации. Немцы лишь подтолкнули то, что падало и без них. Они даже в своих отзывах об операции [2] не особенно, по своему обыкновению, хвастаются своими победами. Действительно, несколько неудобно говорить о победах над Плешковым или Рагозой и признаваться в прямой измене генерала Сирелиуса. Там, где германские командующие вступали в единоборство с равными себе (французскими, английскими и некоторыми русскими начальниками, они не только не побеждали, но кончили войну полным разгромом своей армии.

Русские атаки у оз. Нарочь в марте 1916 года не имели успеха. Их погубила отсталость русского командования. Русские солдаты, рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели, терпели поражение потому, что они руководились бездарным и невежественным высшим командным составом.

Красная Армия не похожа на старую царскую армию. Командный состав ее, вооружение и техническое оснащение — все это стоит на уровне последних требований. Если нас вынудят воевать, то наши красные командиры окажутся знающими свое дело, предусмотрительными при составлении своих планов, искусными при их выполнении и решительными в достижении победы, — и наших врагов не спасут никакие позиции. Красная Армия имеет достаточно сил и средств, чтобы преодолеть их, затратив на это малую кровь. А тот народ, который теперь знает, за что он воюет, в новых атаках против наступающего на нас фашизма покажет такую силу, такую мощь, отвагу и храбрость, при которых оценки, данные Пеле русской армии в Бородинском сражении, покажутся просто бледными.

---

1 Фридрих Энгельс, передовая «Правды» от 26 марта 1937 г.
2 Рейхсархив, т. 10-й, стр. 432—436.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ,

которыми пользовался автор при составлении своей работы

1. Ленин, Собрание сочинений, тт. XVIII и XIX.
2. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е.
3. «История гражданской войны в СССР», т. I, изд. 1936 г.
4. Клаузевиц, Учение о войне, изд. 1936 г.
5. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг., изд. 1931 г.
6. Пуанкаре, Воспоминания, изд. 1936 г.
7. Ллойд-Джордж, Военные мемуары, изд. 1935 г.
8. Людендорф, Мои воспоминания о войне, т. II, изд. 1924 г.
9. Фалькенгайн, Верховное командование, изд. 1923 г.
10. Гинденбург, Воспоминания, изд. 1922 г.
11. Лемке, 250 дней в царской Ставке, изд. 1920 г.
12. «Наступательная операция у оз. Нарочь в марте 1916 г.» (историческая справка) — Военной академии им. Фрунзе, изд. 1935 г.
13. Дела Центрального военно-исторического архива:

382, 442, 443 — Директивы и распоряжения Ставки верховного русского командования.
138—101 — Сношения Ставки по оперативным вопросам с Францией.
278—946, 278—972 — Директивы и распоряжения Западного фронта.
278—969, 278—955 — Оперативная переписка Западного фронта с 2-й армией.
278—935, 278—894 — Сводки и донесения из 2-й армии штабу Западного фронта.
279—136 — Разведывательные сводки 2-й армии.
279—144 — Описание позиций противника против 2-й армии.
278—381 — Журнал военных действий Западного фронта.
113—026 — Оперативные материалы 2-й армии о положении на фронтах.
136—019, 133—518, 137—952, 133—533 — Расположение корпусов на фронте 2-й армии.
112—700, 112—699, 113—024 — Оперативные материалы по 2-й армии за время с 14.2.16 по 14.3.16.
112—720 — Действия частей 2-й армии за 1.3.16
112—719 — » » » » » 2.3.16
112—718 — » » » » » 3.3.16
112—468 — » » » » » 5.3.16
111—928 — » » » » » 6.3.16
112—722 — » » » » » 7.3.16
112—003 — » » » » » 8.3.16
113—021 — » » » » » 9.3.16
112—006 — » » » » » 10.3.16
112—721 — » » » » » 11.3.16
111—929 — » » » » » 12.3.16
113—075 — » » » » » 13.3.16
112—466 — » » » » » 14.3.16
112—471 — » » » » » 15.3.16
111—028 — » » » » » 16.3.16

111—931 — Действия частей 2-й армии за 17.3.16
111—924 — » » » » » 18.3.16
112—723 — » » » » » 19.3.16
111—932 — » » » » » 20.3.16
111—921 — » » » » » 21.3.16
111—925 — » » » » » 22.3.16
113—029 — » » » » » 23.3.16
111—922 — » » » » » 24.3.16
113—237 — » » » » » 25.3.16
111—923 — » » » » » 26.3.16
113—032 — » » » » » 27.3.16
196—174—Боевой состав войск 2-й армии на 1.1.16
113—031— » » » » » » 1.2.16
112—016— » » » » » » 1.3.16
113—051 — Потери в личном составе 2-й армии на 20.3.16
174—899 — О войсковой разведке 1-го армейского корпуса (февраль — март 1916 г.).
174—898 — То же 1-го сибирского корпуса.
174—877 — Сведения о противнике разведывательного отдела штаба 2-й армии.
509—368 — То же 35-го армейского корпуса.
471—922 — Схемы расположения противника (январь — февраль).
142—144, 179—465 — То же за март.
141—911 — Опросные листы германских военнопленных.
158—396 — Приказы по 2-й армии (январь — март).
174—883 — Метеорологические данные (по фронту 2-й армии).
147—221 — Об обучении войск и инспекторских смотрах.
114—109 — Укомплектование армии нижними чинами.
172—271 — Укомплектование армии офицерами.
196—787 — О прибытии маршевых рот.
142—150 — О назначении командного состава.
197—016 — Численный состав армии (январь—март 1916 г.).
137—442 — О расположении тылов 2-й армии (февраль—март 1916 г.).
400—270 — Об обеспечении армии вещевым довольствием.
197—237 — Списки лечебных заведений и схема их расположения (на март 1916 г.).
171—927 — Оперативные распоряжения Северной группы ген. Плешкова.
171—916 — Разведывательные сводки Северной группы ген. Плешкова.
393—179 — Подготовка наступления оперативной группы Балуева.
127—097 — Журнал военных действий 5-го армейского корпуса.
127—113 — То же 7-й пехотной дивизии.
130—395 — То же 25-й пехотной дивизии.
141—943 — То же 2-й сибирской дивизии.
385—514 — То же 1-го армейского корпуса.
141—834 — То же 1-й сибирской дивизии.
393—715 — То же 36-го армейского корпуса.
134—022 — То же 27-го армейского корпуса.
145—811 — То же 34-го армейского корпуса.
131—833, 131—814 — Полевая книжка начальника штаба 1-го армейского корпуса.
385—515, 385—516, 385—517 — Дела оперативные 1-го армейского корпуса.
393—189 — Устройство тыла 36-го армейского корпуса.
193—691 — Полевая книжка начальника штаба 3-го сибирского корпуса.
173—135 — Приказы по 4-му сибирскому корпусу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава первая. **Положение и планы сторон перед наступлением русских в марте 1916 года**	5
Общая обстановка на фронтах мировой войны к началу 1916 года	—
План русского верховного командования	8
Оценка решения верховного командования	15
Распоряжения командования Западного фронта по организации наступления у озера Нарочь	19
Глава вторая. **2-я русская армия**	23
Общее состояние армии к моменту перехода в наступление	—
Боевой состав армии	24
Вооружение армии наступательными средствами	27
Материальное обеспечение. Бытовые условия частей 2-й армии	28
Боевая подготовка частей армии	31
Методы подготовки союзных войск	—
Русский опыт прорыва укрепленных полос	33
Политико-моральное состояние частей 2-й армии	34
Указания главнокомандующего Западным фронтом по прорыву укрепленной полосы противника	35
Общий вывод по состоянию 2-й армии	38
Глава третья. **Противник**	40
Боевой состав частей 10-й германской армии	42
Соотношение сил противников на фронте 2-й русской армии	47
Глава четвертая. **Район предстоящих действий**	50
Глава пятая. **Организация наступления 2-й армии**	54
Решения и распоряжения командующего 2-й армией	—
Разбор решения и директивы командующего 2-й армией	61
Глава шестая. **Бой 2-й армии 18 марта**	71
Группа генерала Плешкова	74
Развертывание войск группы	—
Наступление 1-го армейского корпуса	75
Атака 22-й пехотной дивизии	78
Наступление 59-й пехотной дивизии	79

Стр.

Наступление 1-го сибирского корпуса 80
Атака 1-й сибирской дивизии 81
Атака 2-й сибирской дивизии 82
Общий результат действий группы генерала Плешкова за 18 марта . 83

Группа генерала Балуева 83

Развертывание войск группы . . . . . —
Артиллерийская подготовка 92
Наступление 5-го армейского корпуса 93
Наступление 36-го армейского корпуса . . . . . —
Группа генерала Сирелиуса 94
Итоги наступления 18 марта 95

Глава седьмая. **Бои 2-й армии 19 и 20 марта** 97

Группа генерала Плешкова . . . . . —

Распоряжения на 19 марта . . . . . —
Действия 1-го армейского корпуса 19 марта 99
Использование группового резерва 102
Действия 1-го сибирского корпуса 103
Группа генерала Балуева 105
Группа генерала Сирелиуса 106
Выводы по действиям 2-й армии 19 и 20 марта 107

Глава восьмая. **Бои 2-й армии 21 и 22 марта** 109

Группа генерала Плешкова 110

Распоряжения на 21 марта . . . . . —
Действия 1-го армейского корпуса 112
Действия 27-го армейского корпуса 113
Действия 1-го сибирского корпуса 114
1-я сибирская дивизия . . . . . —
2-я сибирская дивизия 116
Решения генерала Плешкова и командующего 2-й армией на 22 марта . 117

Группа генерала Балуева 118

Действия 5-го армейского корпуса 119
7-я пехотная дивизия . . . . . —
10-я пехотная дивизия 122
Действия 3-го сибирского корпуса 123
Действия 36-го армейского корпуса . . . . . —
25-я пехотная дивизия . . . . . —
68-я пехотная дивизия 125
Действия групп Плешкова и Балуева 22 марта . . . . . —
Группа Сирелиуса 21 и 22 марта 127
Выводы по действиям войск 2-й армии за 21 и 22 марта 130

Глава девятая. **Замирание боевых действий 2-й армии** 133

Решение командующего 2-й армией на 23 марта . . . . . —
Агония группы генерала Плешкова 24—26 марта 136
Действия 1-го армейского корпуса . . . . . —
Действия 27-го армейского корпуса 138
Действия 1-го сибирского корпуса 139
Распоряжения генерала Плешкова 24 марта и атака 25 марта . . 140
Конец боевых действий группы генерала Плешкова 142
Заключительные атаки на фронте генерала Балуева 143
Действия 5-го армейского и 3-го сибирского корпусов 24—27 марта —
Последние атаки 28 и 31 марта 145
Группа Сирелиуса 23—31 марта 148

Стр.

Глава десятая. **Конец операции. Ее итоги** 149

Глава одиннадцатая. **Выводы из операции и характеристика верховного командования русскими армиями** 154

Характеристика ответственных начальствующих лиц . . . . . —
Подготовка операции 162
Выбор участка для атаки 163
Задача войск, назначение общего и артиллерийского начальника . . 164
Определение необходимой силы огня, числа орудий, снарядов и организация питания снарядами 165
Оборудование местности . . . . . —
Выбор позиций и указание задач для артиллерии 166
Атака . . . . . —

Заключение 167

Список источников 175

Редактор *Белолипецкий*
Технический редактор *Галин*
Корректор: *Аксенова*

Сдано в производство 29.4.38
Подписано к печати 1.9.38

Формат бумаги 60 × 92 1/16
Объем 11¼ печ. л., 12 уч.-авт. л.
В бумажном листе 96000 знаков

Уполн. Главлита № Г—9769
Издательский № 240. Заказ № 1581
Цена книги 2 руб. 50 коп. Переплет 1 руб. 25 коп.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано во 2-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО Союза ССР.
Ленинград, ул. Герцена, 1

9710